Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ИЮНЯ 11—12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 90575. Москва. Тираж 75.000.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

К итогам пленума ИККИ.

События последних дней с совершенной ясностью подтверждают тот факт, что в отношениях СССР с его капиталистическим окружением мы вступаем в новую полосу.

Все яснее становится та тактика, которую проводит в первую голову английская буржуазия в подготовке *прямой* войны против СССР. Она заключается, во-первых, в том, чтобы вслед за разрывом дипломатических и торговых отношений с СССР, путем провокаций, убийств, подкупов, дипломатического и экономического нажима обострять и срывать отношения, установившиеся у СССР с другими капиталистическими странами, в первую голову с теми, которые находятся в прямой или косвенной зависимости от Англии. С другой стороны, в ход пущены все пружины, все методы борьбы, которые могли бы изолировать СССР, подорвать его хозяйственный рост, внести разложение в ряды трудящихся, целиком отдавшихся делу строительства социализма.

Такие факты, как бандитский налет на наше представительство в Англии, как убийство нашего посла т. Войкова, в практике капиталистических государств непосредственно ведут к войне. Самым опасным в теперешней полосе было бы не понимать своеобразия той тактики окружения, изоляции, подготовки к войне против СССР, которую проводит международная буржуазия. Представлять себе начало войны против СССР по старым, «обычным» схемам—значит дать захватить себя врасплох. «Обычно» вслед за такого рода фактами, как грубое нарушение дипломатической неприкосновенности представительства другой страны и разрывом отношений следует об'явление войны и начало ее. Между тем мы имеем разрыв отношений без об'явления прямой войны со стороны Англии.

«Обычно» война начинается посылкой флота, десантов, воздушных эскадрилий. Таких действий со стороны Англии еще нет, но зато начались покушения, усиленный шпионаж, взрывы военных складов, поджоги фабрик. «Обычно» по линии политики мощной капиталистической державы двигаются и ее вассалы. Этого пока еще нет, но зато на ноги поднята английская агентура в соседних с СССР странах; в них сосредоточиваются наемные банды английской охранки—белогвардейцы и монархисты, всякий международный сброд, который мобилизуется против страны пролетарской диктатуры.

Строго рассчитанный план окружения СССР заключается в том, чтобы *подвести*, *ввязать* ряд капиталистических стран в войну с нами. Английская буржуазия не связывает себя определенными сроками; она выбирает для прямого нападения на нас момент наиболее благоприятный для нее и наименее благоприятный для нас.

Поэтому не менее опасной, чем «обычное» представление о начале войны, является постановка вопроса о том, что война будет еще не скоро. Война начнется тогда, когда международная обстановка сложится в благоприятную для английской буржуазии сторону. Пока дело складывается таким образом, что разрыв отношений с Англией вызвал колебания среди французской и германской буржуазии. В этих странах слышны уже отдельные голоса наиболее матерых представителей международной реакции за поддержку Англии в ее походе против СССР. На эту линию все больше и больше сползает международная социал-демократия, которая делает все возможное, чтобы заглушить беспокойство за судьбы СССР, растущее в широких массах рабочего класса.

Ни в коем случае нельзя упускать из виду, что в сторону обострения отношений капиталистического мира к СССР *непрерывно* работает такой фактор, как растущая и развертывающаяся революция в Китае.

Установка на непосредственную опасность войны, напряжение всех сил для раз'яснения ее широчайшим слоям рабочего класса и трудящихся, подготовка и начало борьбы против опасности войны, раз'яснение того, что должны делать передовые слои пролетариата в случае возникновения войны, являются важнейшей обязанностью коммунистов.

В этом смысле значение работы пленума ИККИ, который дал трезвую оценку основных тенденций международного положения, наметил ясную программу борьбы против опасности войны и самой войны, выработал четкие лозунги, учитывающие громадные изменения, внесенные в международное положение наличием Союза Пролетарских Республик и китайской революции,—будет поистине огромно.

В истории возникновения Коммунистического Интернационала вопрос об отношении к войне играл определяющую и решающую роль. Основные лозунги большевизма были выношены в тягчайших условиях империалистической войны, предательства подавляющего большинства II Интернационала и массового шовинистического гипноза рабочего класса; они были потом блестяще проверены на опыте русской революции. Несколько в тени осталась конкретная разработка вопроса о борьбе против опасности войны. Лозунг генеральной стачки, который и теперь поддерживается, с которым не прочь пококетничать «левые» лидеры II Интернационала, был основным стержневым лозунгом в вопросе о борьбе против *опасности войны*. Могут ли его выставить и поддерживать коммунисты после опыта войны 1914 года, начавшейся предательством вождей II Интернационала, подписавших Базельский Манифест, где этот лозунг был выдвинут?

Надо отметить, что откровенно оппортунистическая германская социал-демократия не рискует уже даже играть этим лозунгом. На Кильском партейтаге немецкой социал-демократии Криспин выступил в том духе, что для борьбы против войны не нужно выставлять лозунга генеральной стачки, а ограничиться только установлением «общих принципов», что Интернационал является инструментом также во время войны, но в нем невозможно принимать (в смысле борьбы с войной) никаких постановлений большинством голосов. Не менее замечательно, что социал-демократы отклоняя лозунг генеральной стачки, пытаются опереться на авторитет... Ленина, который-де «предостерегал Каутского от иллюзии генеральной стачки».

Откровенно-правые лидеры германской социал-демократии, таким образом, «трезво» учитывают невозможность для них поддерживать лозунг генеральной стачки. Это, однако, ничего не меняет в том факте, что этот лозунг имеет популярность в широких массах рабочего класса.

Коммунисты не могут и не должны поддерживать иллюзий, что генеральная стачка, как однократный акт, возможна и сумеет предотвратить войну. Для того, чтобы генеральную стачку провести, нужно много предпосылок, и основная—это длительная заблаговременная подготовка к ней, максимальное единство в среде рабочего класса в отношении борьбы с войной, массовая борьба против опасности войны. Генеральная стачка может быть осуществлена, как завершение массовых выступлений всякого типа, сливающихся в один поток.

Пленум ИККИ целиком подтвердил директивы Ленина о борьбе с иллюзиями, которые связываются с лозунгом генеральной стачки. Но в то же время самый лозунг, как направляющий лозунг для отдельных выступлений, действий, усилий в борьбе против войны—коммунисты выставляют.

Ясно, что генеральная стачка является лозунгом смежным с лозунгом восстания. Но когда конкретно выставлять лозунг генеральной стачки, когда генеральная стачка может и должна перейти в восстание—это будет решаться об'ективными и суб'ективными условиями момента. Центр тяжести должен лежать в раз'яснении того, что нужны массовые выступления и действия и подготовка последних.

Пленум ИККИ уделил большое внимание вопросу об основном лозунге для всего Коммунистического Интернационала, обнимающем и задачи западно-европейских коммунистов и коммунистов СССР и Китая.

Им не может быть лозунг мира, так как одна из наиболее важных составных частей Коминтерна—китайская компартия—находится в прямой войне с империализмом и его пособниками, войне, которую целиком и полностью должны поддерживать коммунисты и весь рабочий класс. Этот лозунг неприемлем для коммунистов и поддерживающих их революционеров и в других полуколониях и колониях. *Лозунгом, который может об'единить борьбу и работу всех секций Коминтерна, является лозунг «защиты СССР и китайской революции».*

В этих двух вопросах: в вопросе об отношении коммунистов к генеральной стачке, в вопросе об основном лозунге Коминтерна в борьбе с войной, ясно намечен основной водораздел между большевизмом и социал-оппортунизмом всех толков, между революцией и соглашательством, между подлинным интернационализмом и шовинизмом.

Защита СССР и китайской революции, как центральный лозунг Коминтерна в борьбе против войны, определяет постановку и разрешение ряда других вопросов. Если в борьбе империалистических государств друг с другом правилен и сейчас лозунг братания, то в борьбе империалистических государств против китайской революции правилен лозунг перехода солдат на сторону революции.

Ясно, что и лозунг поражения собственного отечества сохраняет свою силу только в случае империалистической войны. В войне империалистов против СССР коммунисты империалистических стран должны не только желать и подготавливать поражение собственного отечества, но быть целиком на стороне пролетарского государства, на стороне китайской революции.

Надо сказать, что в предстоящем вооруженном столкновении между двумя классовыми лагерями возможны такие случаи, когда отдельные государства будут втянуты в борьбу против империалистического лагеря. Пленум ИККИ подтвердил допустимость соглашения между страной пролетарской диктатуры и государствами, которые втягиваются в антиимпериалистический фронт, при чем коммунисты этих государств должны поддерживать эту войну.

Казалось бы, что ясное для каждого значение пленума ИККИ сложность вопросов, которые перед ним стояли, исключительная ответственность момента и вытекающая из него необходимость максимального сплочения рядов исключали возможность новых выступлений оппозиции именно в *данный момент*. Между тем пленум сделался ареной самых невероятных, неслыханно-клеветнических выпадов против руководства Коминтерна и ВКП(б) со стороны представителей оппозиции.

Как ни пыталась оппозиция замаскировать свои *подлинные* позиции «левой» фразой, как ни старалась она воплями о «предательстве», «измене» Коминтерна и ВКП скрыть свое *подлинное* лицо—это ей сделать не удалось. По всем основным, важнейшим вопросам борьбы с опасностью войны оппозиция *не проронила ни слова*. Совершенно искусственно выпячивая на первый план вопрос об англо-русском комитете, который не играл и не может играть определяющей роли для тактики Коминтерна, оппозиция выступила с рядом предложений, которые показывают всякому, как глубоко она увязла в фракционном болоте, как далеко она откатилась от революционных ленинских позиций.

Основное утверждение оппозиции заключалось в том, что позиции коммунизма, позиции международной революции сейчас во много раз слабее, чем были несколько лет назад. Явная вздорность этого утверждения, которое мы ежедневно слышали из меньшевистского лагеря, из стана самых махровых врагов СССР и Коминтерна, опровергается двумя моментами, из которых в первую очередь складывается процесс мировой революции: ростом и укреплением СССР и развертыванием китайской революции.

Путь к окончательной победе мирового пролетариата не лежит через непрерывный под'ем революции. Процесс складывается из побед и поражений. Сводить общий баланс сейчас с минусом для нас могут только пришедшие в отчаяние, потерявшие связь с живым революционным делом люди. Эта оценка оппозиции нужна для того, чтобы опорочить всю линию Коминтерна и ВКП в последние годы.

Смысл этих явно абсурдных утверждений заключается в тех конкретных предложениях, которые в связи с «ослаблением позиций коммунизма» и опасностью войны сделала оппозиция. Взять курс на вовлечение в Коминтерн анархо-синдикалистских элементов и принять обратно ренегатную группу Маслова—Рут Фишер, таковы те меры, которые предложила оппозиция принять

Коминтерну. Эти предложения представляют собою верх лицемерия и фракционности, ибо когда оппозиция говорит о привлечении анархо-синдикалистов, которые прославили себя, как оголтелые противники Коминтерна и СССР, то под этим надо подразумевать правую группу Монната—Росмера плюс их единомышленника Суварина. Но так как требовать принятия правых, значит дискредитировать свою «левую программу» действий, то оппозиция предпочитает говорить об анархо-синдикалистах и о приеме всех (читай Суварина), которые попросят об этом.

Не менее лицемерным является требование о принятии обратно группы Рут Фишер и Маслова, которых впрочем не называли прямо по именам, выдвигая на первый план их «менее» скомпрометированных единомышленников. Но разговорами об ультра-левых «рабочих» оппозиции не удалось скрыть свое не только идейное, но и организационное родство с ренегатами коммунизма, с ренегатами, потому что, стоит только ознакомиться с органом этой группы («Mitteilungsblatt»), стоит только составить реестр их выступлений против КИ и ВКП, чтобы понять, что мы имеем дело с рафинированными агентами социал-демократии.

Пленуму ИККИ пришлось выдержать атаку оппозиции и по китайскому вопросу. Если центральным пунктом нападений на ВКП и Коминтерн при обсуждении опасности войны оппозиция сделала вопрос об англо-русском комитете, то в китайском вопросе эту служебную фракционную роль должен был играть вопрос об измене Чан-Кай-Ши. И точно так же, как в оценке международного положения оппозиция, проглядывая исторической важности факторы, в которых проявляется самый процесс мировой революции, говорит об ослаблении Коминтерна, так и в китайской революции оппозиция видит одни только поражения. Но здесь к приемам и методам ультра-левых ренегатов, оппозиция привнесла кое-что «новое». Тактика оппозиции заключается в том, чтобы извращать, замалчивать, обходить ту оценку, те директивы, которые выработаны Коминтерном по отношению к китайской революции. Эта тактика заключается в том, чтобы накричать так много «на все случаи жизни», чтобы любое новое поражение, любую ошибку, вписать потом в приход своей «единственно» правильной платформы. Безответственная критика и путаница в коренных вопросах китайской революции, ультра-левая болтовня и бросание из одной крайности в другую—вот что характеризует платформу оппозиции в китайском вопросе.

К каким основным проблемам со все большей остротой подводит развитие китайской революции? Важнейшая и решающая проблема—это вопрос о «плебейском» разрешении аграрной революции под руководством коммунистов и левого Гоминдана. Уже VII Пленум ИККИ указал, что киткомпартии и Гоминдану придется выбирать между союзом с крестьянством, которое само будет брать землю, и буржуазией, которая под напором растущего рабочего и крестьянского движения будет переходить в лагерь контрреволюции. Измена Чан-Кай-Ши является следствием развертывания аграрной революции.

«Главной причиной измены буржуазии и предательства со стороны ее военного вождя Чан-Кай-Ши было развертывающееся массовое движение рабочего класса и крестьянства и успехи киткомпартии—с одной стороны, возрастающее давление об'единенных сил международного империализма—с другой. Пугаясь развития

массового движения с его революционно-классовыми требованиями и лозунгами, национальная буржуазия неизбежно должна была предпочесть—и предпочла—сделку с империалистами и милитаристами дальнейшему развитию революционной борьбы»—так определяет резолюция пленума причину того перелома в развитии китайской революции, который связан с изменой Чан-Кай-Ши. Ложное утверждение оппозиции о том, что политика Коминтерна и ВКП привела к «поражению» китайской революции, основано, с одной стороны, на том, что оппозиция упорно проглядывает другую сторону процесса, проглядывает, что на ряду с поражением мы имеем переход китайской революции на более высокую ступень ее развития, что поражение, связанное с изменой Чан-Кай-Ши, отнюдь не означает, что революция в Китае потеряла свои опорные пункты; с другой стороны, клевета оппозиции проявляется в том, что она замалчивает те указания, которые ЦК ВКП(б) и Коминтерн делали для организации сил против Чан-Кай-Ши. Пессимистическая, ликвидаторская оценка положения в Китае, недооценка значения Ухана, об'ясняется тем, что оппозиция до сих пор неправильно понимает самый характер революции в Китае. Недооценка остатков феодальных пережитков в Китае должна была привести к тому, что самый смысл революции, а именно развертывание аграрного движения, разрешение аграрного вопроса, остается вне поля зрения и рассуждения оппозиции. Пленум ИККИ целиком подтвердил директивы Исполкома Коминтерна, в которых последний предупреждал киткомпартию о необходимости мобилизации сил против возможной измены Чан-Кай-Ши, а основной директивой была постановка вопроса об энергичном развертывании аграрной революции. То сочетание классовых сил, которое создалось сейчас в Китае, означает в первую голову, что дальнейшее развертывание революции возможно только против буржуазии, в борьбе с нею. Оппозиция пробовала оспаривать правильность линии Коминтерна по отношению к буржуазии на предыдущих стадиях развития. Здесь, как и в вопросе аграрной революции, оппозиция показывает, что она не умеет учитывать своеобразия китайских условий, своеобразия, которое заключается в том, что на известной ступени развития революции китайская буржуазия, не в пример русской буржуазии в 1905 году, была революционной, боролась против милитаризма и империализма. Даже сейчас она вынуждена маскироваться под флагом борьбы с империализмом для того, чтобы удержать под своим влиянием часть мелкой буржуазии.

Развитие китайской революции привело сейчас к еще более резкой постановке вопроса об организации рабоче-крестьянских масс, о развертывании крестьянской революции.

Пленум ИККИ дал совершенно ясную формулировку задач киткомпартии и левого Гоминдана: «*Аграрная революция, включающая конфискацию и национализацию земли—таково основное внутреннее социально-экономическое содержание нового этапа кит. революции.* Основным является в настоящее время «плебейское» революционное разрешение аграрного вопроса десятками и сотнями миллионов самих крестьян снизу, при чем компартия должна становиться во главе движения и руководить им». Пленум ИККИ дал твердую директиву киткомпартии в смысле руководства аграрной революцией: «Киткомпартия, как партия рабочего класса должна возглавлять аграрное движение крестьян и самым *беспощадным образом бороться против всех и всяческих попыток сузить размах этого движения*».

Если главная задача сейчас—это развертывание аграрной революции, то главная опасность заключается в том, что решение этой задачи будет встречать противодействие, непонимание, колебание среди тех сил, которые примыкают к уханскому правительству и его поддерживают. В этом отношении симптоматическим является офицерское восстание в Чанше, где командный состав разогнал крестьянские комитеты, разоружил рабочие пикеты, где началась настоящая война между вооруженными крестьянскими отрядами и контрреволюционным офицерством. Аграрная революция, несомненно, встретит на своем пути всяческое сопротивление. Она будет проводить глубокую борозду, вызовет еще более глубокую диффеpенциацию в рядах видимых сторонников уханского правительства. Поэтому важнейшей задачей, вытекающей из развития аграрной революции, является организация широких масс рабочего класса и крестьянства, бешеное развертывание рабочих и крестьянских организаций, союзов, комитетов, крестьянских отрядов, и их об'единение. Не меньшую опасность представляет колебание, нерешительность в руководстве киткомпартии. Выступления Чен-Ду-Сю на с'езде киткомпартии, выступления, которые, правда, были исправлены с'ездом, недостаточная последовательность выступлений Тан-Пин-Сяна, министра земледелия, сигнализуют эту опасность. Эти колебания, нерешительность, об'ясняемые молодостью, недостаточной марксистской подготовленностью партии, должны быть преодолены в первую очередь. Пленум ИККИ указал, «...что в китайской компартии намечался ряд колебаний именно в этом пункте, что не всегда партия обнаруживала достаточную твердость в критике лидеров Гоминдана; что внутри партии наблюдалась иногда известная боязнь перед развертыванием массовых движений, в первую очередь, движения среди крестьян в пользу захвата земель, изгнания джентри и помещиков и т. д.».

Оппозиция сосредоточила свой огонь на критике ошибок киткомпартии. Главной виной киткомпартии, по мнению оппозиции, является ее «несамостоятельность» от Гоминдана. Эта формула оппозиции о «несамостоятельности» означает, однако, нечто иное. Если пленум ИККИ указывает киткомпартии, «что она не должна связывать себе рук в деле пропаганды своих взглядов и в деле мобилизации под свои знамена масс», что «она не должна отказываться от своего права критики, колебаний и шатаний мелкобуржуазной демократии», то это вовсе не означает, что киткомпартия должна рвать с Гоминданом, выходить из него, развязывая буржуазии руки в ее борьбе за влияние на мелкую буржуазию. Пресловутое требование выхода из Гоминдана оппозиция маскирует сейчас другим лозунгом: «*Пока* не нужно выходить из Гоминдана». После того, как лозунг выхода из Гоминдана был окончательно скомпрометирован, оппозиция маневрирует, но выдвигает лозунг, не менее ошибочный. Основная ошибка оппозиции заключается в том, что она и здесь недооценивает своеобразия развития революционного движения в Китае, выдвинувшего новую по типу организацию, союз с которой, работа в которой дает коммунистической партии лучшие возможности реализовать блок с крестьянской и городской мелкой буржуазией. Если сегодня Гоминдан еще не охватил движения, то он сумеет

это сделать тогда, когда в его рядах будут об'единены не сотни тысяч, а миллионы трудящихся, тогда, когда снизу будут выдвигаться новые и новые вожди, когда не только на низах, но и в руководящих органах Гоминдана будет происходить передвижка в сторону непосредственного представительства рабочих и крестьян. Охват широчайших масс, включение в Гоминдан массовых организаций рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии, является лучшей гарантией от возможных колебаний и шатаний верхушки Гоминдана. Это тем более важно, что продвижение национальных армий на север, захват новой территории ставит вопрос об аграрной революции в захваченных областях, об организации власти в них. Расширение революции, как это показал северный поход, создает громадные возможности и предпосылки для развертывания массового движения рабочих и крестьян. Но оно же является источником для новых измен, для новых отходов со стороны тех генералов и офицеров, на которых пока еще опирается уханское правительство. Развитие массового движения, демократизация Гоминдана—являются лучшим залогом того, что такого рода измены и перебежки не сумеют сломать фронта национальной революции. «Только при таком курсе будут созданы максимальные контрмеры против возможного и неизбежного отхода колеблющихся групп из левых гоминдановцев (как это случилось в Кантоне) и против измен генералов или других военных лидеров».

На ряду с вопросом об аграрной революции и развертывании массового движения стоит вопрос об уханском правительстве, о его характере, о позиции киткомпартии по отношению к нему. Оппозиция выдвинула лозунг *советов*, как очередную задачу китайской революции. Мы уже знаем о теоретических «подвигах» некоторых видных представителей оппозиции в вопросе о характере уханского правительства, которое они определяли то как «рабоче-крестьянское правительство», то как правительство «буржуазное». Ни то, ни другое не верно. Особенность уханского правительства заключается в том, что оно непосредственно создается, выделяется Гоминданом. На теперешней стадии развития оно еще не является революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства, но если оно возглавит аграрную революцию, если оно сумеет опереться на массовое движение рабочих и крестьян, оно будет все больше и больше превращаться в такую диктатуру, и вся задача заключается в том, чтобы этот процесс превращения уханского правительства в революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства ускорить. В то время, как оппозиционеры, которые, наперекор всем своим взглядам, одно время считали правильным вхождение коммунистов в правительство, а теперь выставляют лозунг «выхода из правительства», лишний раз показывая удивительную «устойчивость» своих позиций, пленум ИККИ совершенно ясно указал условия, на которых возможно участие коммунистов в правительстве: «без развертывания массового движения, без аграрной революции, и решительного улучшения положения рабочего класса, без превращения Гоминдана в действительно широчайшую организацию рабочих масс, без дальнейшего укрепления профсоюзов и роста компартии, без самой тесной связи уханского правительства с массами, невозможно вести революцию к победоносному завершению. ИККИ полагает, что только такая тактика оправдывает участие коммунистов в правительстве. Без нее это участие приняло бы характер верхушечных комбинаций и политиканских расчетов, которые будут опрокинуты жизнью, ходом великой классовой борьбы».

В противовес этой тактике в отношении уханского правительства, тактике совершенно недвусмысленной, ясной, оппозиция выдвинула лозунг создания советов. При чем сбивчивость ее позиции ясно видна из того, что, с одной стороны, делается заявление, будто уханское правительство—это «ничто», пустое место, а с другой стороны, уханское правительство должно, по мнению оппозиции, стать опорным пунктом для борьбы против контрреволюции.

«Необходимо обеспечить самую энергичную и всестороннюю поддержку Ханькоу, откуда нужно организовать отпор Кавеньякам. Необходимо в ближайшее время концентрировать все усилия на том, чтобы оказать возможную помощь для организации и укрепления Ханькоу»,—такого рода предложение выдвигает оппозиция в одном документе. А в другом выдвигается лозунг советов, смысл которого совершенно ясно расшифровывается: «Лозунг советов означает призыв к созданию действительных органов новой власти через переходный режим двоевластия», или: «кто держит курс на рабоче-крестьянскую власть не на словах, а на деле, тот не может не понимать, что курс этот ведет через период двоевластия». Такого рода постановка вопроса означает призыв к борьбе, к свержению уханского правительства, ибо какой иной смысл может иметь мысль о двоевластии? Эта линия была отвергнута пленумом, который указал, что «лозунг немедленного образования советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на данной стадии развития китайской революции означал бы неизбежное двоевластие, курс на свержение уханского правительства, перепрыгивание через гоминдановскую форму организации масс и государственной власти непосредственно к советской власти в Китае, как государственной форме пролетарской диктатуры. При дальнейшем развитии революции, знаменующем собою начало процесса перерастания демократической революции в революцию социалистическую, необходимо будет создавать советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и лозунг образования советов станет центральным лозунгом партии».

Исключительное значение приобретает вопрос относительно армии. Создание надежных, преданных революции военных частей—важнейшая задача киткомпартии и левого Гоминдана. Развертывающееся аграрное движение, создание вооруженных крестьянских отрядов, вооруженных пикетов рабочих является той базой, из которой будут вырастать новые, не наемные, а подлинно-революционные армии. Еще на VII пленуме было указано на то, что армия является в китайской революции, не только военным фактором, но и такого рода силой, которая может сыграть громадную роль в деле организации и политического просвещения широких масс. Добиться того, чтобы армия не могла стать базой для всякого рода измен и перебежек, чтобы масса солдат сознательно относилась к задачам революции, понимала необходимость связи с рабочим классом и крестьянством и давала отпор контрреволюционным поползновениям офицерства, значит во много раз увеличить силы китайской революции. Пленум ИККИ, учитывая сложность обстановки, дал ясное указание и в вопросе о тактике по отношению к империализму, указав на допустимость «тактики ла-

вирования и маневрирования» по отношению к последнему. Совершенно ясно, что если бы революционная борьба в Китае происходила в таких условиях, когда революционному правительству пришлось бы бороться с Чан-Кай-Ши и милитаристами с глазу на глаз, последние были бы быстро уничтожены. Но наличие иностранного империализма, который поддерживает и прямо и косвенно милитаристов и Чан-Кай-Ши, чрезвычайно усложняет борьбу. Было бы большой ошибкой не понимать этого. Поэтому пленум ИККИ, который указал на недостаточность работы других секций Коминтерна в поддержке киткомпартии в ее борьбе, дал ясную директиву всем коммунистам:

«ИККИ вменяет всем своим секциям в непременнейшую обязанность раз'яснить рабочему классу и крестьянству тот основной факт, что именно империалистические войска, фактически занявшие почти все важнейшие промышленные центры Китая, являются главной контрреволюционной силой в Китае».

Пленум ИККИ обсудил еще ряд важных вопросов и в том числе вопрос о положении в Англии, где вожди Генсовета сосредоточивают сейчас все свои силы на том, чтобы разбить движение меньшинства и изолировать компартию. Тактика английских коммунистов, их лозунги в борьбе против билля о профсоюзах были тщательно обсуждены пленумом.

На фоне общей международной обстановки и сложнейших задач, которые пришлось разрешать пленуму, выступление оппозиции было кричащим доказательством того, что необходимо принять все меры для того, чтобы оградить и Коминтерн, и ВКП от разлагающей, клеветнической, фракционной работы оппозиционеров. Если в виду грозных опасностей, которые стали перед Коминтерном и СССР, оппозиция видит главную опасность в «режиме» Коминтерна и ВКП, то совершенно ясно, что она все свои усилия направит по линии борьбы против единства и сплоченности коммунистических рядов. Неоднократно осужденная на конгрессах и пленумах Коминтерна оппозиция была единодушно осуждена и на этом пленуме. Лучшие представители коммунистических партий всех стран сделали последнее предупреждение, потребовали прекращения фракционной работы, потребовали разрыва с ренегатскими группами и полного подчинения директивам партии. Наша партия и Коминтерн пройдут мимо всех клеветнических измышлений, которые выдвигает оппозиция, ибо практика каждого дня, озлобление империалистов против СССР, бесчисленные расправы с компартиями и растущая активность рабочих масс под руководством компартии, показывают, что ВКП и Коминтерн находятся на верном пути, и с этого пути их не собьют все дальше и дальше уходящие от тернистой дороги борьбы за мировую пролетарскую революцию жалкие группки обанкротившихся оппозиционеров.

В. А.

„Первобытный" Маркс и „марксисты" двадцатого столетия.

(Об «австро-марксистской» разновидности ревизионизма).

Австро-марксистское направление претендует на несколько особые идейные и политические позиции в среде европейской социал-демократии, охотно играя в «левизну». Оно имеет международное распространение, и «левые» социал-демократы в Германии, например, часто выступают под флагом австро-марксизма. Успешная борьба с «левыми» социал-демократами, являющимися в данную полосу развития,—как правильно указал XV партейтаг коммунистической партии Германии,—главным врагом коммунизма в рабочем движении, невозможна без идейного разоблачения австро-марксистов.

Роль «левого» крыла в социал-демократии слишком понятна и прозрачна, чтобы на ее выяснении было необходимо здесь задерживаться долго. Насквозь деляческая и циничная бюрократия, руководящая европейской с.-д., нуждается в «левом» крыле для удержания за собой, путем обмана, тех левеющих рабочих, которые уже разочаровались в старой практике и «догме» оппортунизма. Австро-марксисты прикрывают оппортунизм «левой» фразой и тем пытаются *замедлить* переход рабочих на сторону коммунизма.

Конечно, оппортунисты «старого» бернштейнианского толка к австро-марксистам, в роде Бауэра, относятся весьма любовно и покровительственно. Никакой измены принципам реформизма правые со стороны левых не видят, ибо измены нет. Точно так же нет и никакой серьезной практической оппозиции, кроме эпизодических, фразерских и безвредных «буффонад». Вследствие этого, в действительности между «крыльями» социал-демократии имеет место просто весьма удобное и спокойное для матерых оппортунистов (и «лестное» для карьеристов революционной фразы) *разделение труда*, полюбовное разграничение сфер влияния на различные слои рабочих, живущие различными настроениями.

«Левые» вожди и литераторы социал-демократии никоим образом не могут рассматриваться, как действительные выразители интересов или даже настроений массы левеющих социал-демократических рабочих. Стать на такую точку зрения было бы большой ошибкой. Левеющие социал-демократические рабочие идут и придут рано или поздно к нам. А левые «верхи» являются закоснелыми социал-демократами и в критические моменты борьбы в своем большинстве неминуемо окажутся самыми опасными злейшими противниками коммунизма.

В истории был пример,—во время войны и возникших из нее революций,—когда в ряде стран целый слой крупнейших революционных работников, ранее не стоявших на последовательной революционной позиции, под влиянием происшедших больших исторических сдвигов, перешел в лагерь большевизма. Однако, нет оснований переносить эту аналогию на современность и ожидать, что предстоящие нам впереди революции, или войны, снова толкнут к нам сколько-нибудь заметную часть руководящих кадров левой социал-демократии *до победы* революции в тех или иных странах. Наоборот, есть основания полагать, что во второй раз этого не произойдет.

Современная социал-демократия отличается от социал-демократии довоенного и даже военного периода, если оставить в стороне особые условия России, одним крайне существенным моментом. Прежней социал-демократии исторически *предстояло* выделить из своего левого крыла (так сказать, «сотворить из своего ребра») часть кадров коммунистических партий, которых в то время еще не существовало, как самостоятельных партий. Теперь этот процесс позади, коммунистические партии завоевали себе прочные позиции в странах Европы, и социал-демократия, в том числе и левая, уже давно отдала компартиям самое лучшее и революционное из своего кадра «вождей», и своим главным занятием сделала борьбу именно с этими коммунистическими партиями. У социал-демократии сложились уже прочные традиции борьбы с компартиями. Порвать с такими традициями и уйти в лагерь противника,—это совершенно другое дело, более трудное, менее возможное для того или иного «вождя», чем уйти в новую партию, против которой, как партии, нет традиций борьбы.

Нынешние руководящие кадры «левых» социал-демократов уже пережили один раз опыт войны и революции и остались оппортунистами. Многие из них по-своему «выросли» и «закалились» в оппортунизме именно во время этого опыта. Кое-кто «побывал в коммунистах» и ушел назад, в привычное болото. Невозможно предположить, чтобы новые войны и революции, новые социальные сдвиги могли этих людей научить мыслить и действовать революционно, как это произошло с рядом видных революционеров в 1915—1918 годах. Наоборот, нынешние «левые вожди», в своем большинстве, наверняка станут еще более злейшими врагами пролетариата в дни переворота, чем сейчас.

Отвоевание постепенно революционизирующихся социал-демократических рабочих наши партии на Западе ведут отнюдь не под лозунгом «использования» социал-демократических и левых «вождей», не под знаком каких-либо «блоков» с ними или даже хотя бы с их частью, а, наоборот,—под знаком беспощадной борьбы с левыми «вождями», об'являя их *главными* врагами в рабочем движении, против которых прежде всего мы должны сосредоточивать огонь.

В 1920—22 годах «левые» откалывались от II Интернационала и создавали свой «двухсполовинный» Интернационал. Откуда у них бралась такая смелость? Но ведь это было время революционное. Социал-демократия, как целое, спасая свое существование, применяла соответствующее моменту средство. В итоге, когда пришла пора считать цыплят, оказалось, что господа Бауэры и Адлеры прекрасно выполнили свою миссию перед вторым Интернационалом: вернувшись в его ряды, они привели за собой обратно многих из тех, кто,—не создайся в революционные дни буферный интернационал,—ушли бы навсегда от Каутских, Гильфердингов, Носке и Шейдеманов.

А фразы, которые говорились двухсполовинниками в дни их откола? Ну, полно, что за счеты между своими! Кто же из положительных людей брал эти фразы всерьез? Да сами же авторы, «остепенившись», от них отреклись прежде, чем трижды пропел петух,—как только схлынули горячие волны революционного движения [1]).

В чем же состоят *теперь* особые позиции австро-марксизма внутри II Интернационала?

Для более определенного ответа на этот вопрос необходимо прежде условиться насчет понятия «австро-марксизм». Обычно этим словом обозначали социал-демократический *центризм* вообще, такой, каким он сложился еще до войны и во время войны, когда его виднейшим идейным представителем был Каутский, имевший в лице австрийских с.-д. своих сторонников. К австро-марксистам относили и Гильфердинга.

Однако, война и годы революций сдвинули все оппортунистические группировки социал-демократии направо; старый «центр» в его целом тоже передвинулся вправо и теперь стал основным направлением во II Интернационале и в его главной, германской, партии. Рассматривать идеологию этого старого «центризма» раздельно от идеологии II Интернационала и германской с.-д. поэтому уже нет смысла.

Традиция же квази-«оппозиционности» по отношению к официальной линии германской с.-д. и II Интернационалу мало-по-малу перешла от Каутского—Гильфердинга к более узкому кругу «австро-марксистов», главным образом, к социал-демократам Немецкой Австрии, во главе с Отто Бауэром (русские меньшевики, в данном случае, в счет не идут). Здесь мы и займемся идейно-политическими позициями нынешнего немецко-австрийского «австро-марксизма».

* * *

«Австро-*марксизм*»,—так называют свое направление эти флюгерствующие социал-демократы. В лоне II Интернационала, где имеется целый букет открыто ревизионистских и даже формально не признающих марксизма течений, наименование это получает особый смысл. Очевидно, «австрийцы» хотят прослыть блюстителями марксизма. Принимая название марксистов, они,

---

[1]) В споре, который Отто Бауэр вел с социал-демократическим профессором Г. Кельзеном в 1924 году по вопросу о государстве, Бауэр сам признался, что «со времени переворота» (1918—19 гг.) он изменил свои взгляды. Он пишет:

«Чтобы доказать, что мои взгляды со времени переворота изменились, Реннер (Кельзен) приводит некоторые положения из моей полемики против Реннера в военное время»... «*Конечно, я изменил многие мои взгляды.* Только тот этого не сделал, кто был неспособен учиться из богатства нового опыта, из этого грандиознейшего «наглядного урока истории» («Der Kampf», февраль 1924).

Главный урок, вынесенный г. Бауэром из «урока истории», состоял в том, что он с легкостью флюгера повернулся в ту сторону, откуда подул ветер.

естественно, заставляют ожидать от них борьбы хотя бы за формальное признание основных принципов марксизма социал-демократией (о борьбе за эти принципы по существу, разумеется, всуе говорить там, где речь идет о социал-демократах).

Однако, что же мы видим на самом деле?

Австрийский «марксизм» так же, как и германский, благоухает самым махровым и подчас до наглости откровенным *ревизионизмом*. Это очень важно знать тем с.-д. рабочим, которых австромарксизм обманывает до сих пор незаконно присвоенной им кличкой.

Наиболее ярко ревизионистские тенденции австро-марксизма выражает один из его самых крупных представителей, Карл Реннер. В последние годы он издал большую теоретическую работу: «Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung» (русск. перевод под заглавием: «Теория капиталистического хозяйства»).

В этой книге он «переработал» до неузнаваемости все экономическое учение Маркса, утверждая, вопреки Марксу, что в капитализме примат принадлежит не производству, а обращению, и обосновывая эту свою ревизию марксизма ссылкой на «новые» явления последнего полувека, которые-де были неизвестны Марксу. Разбирать здесь теоретико-экономические ошибки Реннера не входит в нашу задачу. Необходимо лишь показать ревизионизм Реннера там, где автор от вопросов чистой экономической теории переходит к вопросам социологии и классовой борьбы.

Вот, например, что он пишет:

«Концентрация масс капитала в руках незначительного количества лиц, на одной стороне, и концентрация все возрастающих масс пролетариев, на другой, и та и другая, осуществляемые в огне кризисов и связанных с ними революций,—вот что *по Марксу и Энгельсу* должно быть *двигательной силой* социализирования, *а экспроприация экспроприаторов—его целью. Было бы глупостью дальнейшее отрицание того, что это предположение не осуществится* или что оно, по крайней мере, не *осуществится полностью или в надлежащее время*» [1]).

Это называется у Реннера: «популярно-научное изложение системы Карла Маркса»! Развязность господина «доктора» изумительна, ибо, по сути дела, Маркса и Энгельса он «популярно» обругал «глупцами» (!),—не больше и не меньше.

Глупые старики Маркс и Энгельс! Они делали неосуществимые «предположения», которые «глупо» сейчас защищать, и не могли сделать того «предположения», что через полсотни лет найдется «вумник» Реннер, который во славу австро-марксизма, снисходительно похлопывая по переплету «Капитал», будет исправлять «несуразности», заключающиеся в этой книге,—«написанной в отдаленный от нас век, совершенно отличной по способу мышления и изложения от современного способа и не доведенной до конца» [2])...

[1]) «Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung», Berlin, 1924. Dietz. Стр. 357 — 358 (Русс. перев. — стр. 307). Книга в немецком оригинале имеет подзаголовок: «Populärwissenschaftlich darstellt nach Karl Marx'System», т.-е. «популярно-научное изложение по системе К. Маркса» — неоговоренный курсив в цитатах везде принадлежит мне (*В. А.*).

[2]) Таков дословно отзыв Реннера о «Капитале» Маркса. См. предисловие Реннера к той же книге, стр. 5. (Русс. перев.—стр. XVIII).

Однако, за что же Маркс и Энгельс зачислены нашим доктором в разряд глупцов? Отнюдь не за какую-либо частность их учения о капитализме, а за самые *основы* этого учения.

Маркс и Энгельс в своих произведениях вскрыли *противоречивость* капиталистического развития и обнаружили растущие противоречия капитализма прежде всего по *двум* основным линиям: анархия производства и классовые противоречия. На базисе этих строго обоснованных экономической теорией положений Маркс и Энгельс формулировали теорию о неизбежности социальной революции в форме «экспроприации экспроприаторов», проводимой диктатурой пролетариата.

Именно этими положениями в первую голову социализм Маркса заслужил название *научного* социализма,—именно констатирование растущих противоречий в капитализме дало возможность вывести вопрос о социализме из области утопий и добрых намерений в область научного предвидения и предсказать *неизбежность* краха капитализма, *неизбежность* социализма. Тот, кто отказывается от установленных Марксом положений о нарастании противоречий в капиталистическом обществе по двум указанным выше линиям, тот сходит с почвы научного анализа и не может уже говорить о смене капиталистического производства социалистическим, как об этапе исторически неизбежном. Ибо если принять, что противоречия в капитализме не растут, а сглаживаются, то *нельзя* доказать, что капитализм погибнет. Наоборот, принявшие эту предпосылку люди неизбежно будут ходить вокруг да около идеи о *вечности* капитализма, который может быть «улучшен» путем реформ, но уничтожен вообще быть *не* может. Разговоры о социализме превращаются или в благие пожелания, или в прямой обман, который, однако, не может скрыть и скрасить чисто-реформистской практики.

На эту участь и обрекает себя Реннер, отказываясь от основных положений марксизма.

Он отрекается от идеи диктатуры пролетариата, от экспроприации капиталистов и воскрешает во всей красе выдвинутую против марксизма еще в 90 годах прошлого века Бернштейном теорию о «демократизации капитала», со всеми реформистскими выводами из этой теории. Исследуя современную экономику, уверяет Реннер,—

«на ряду с концентрацией прибавочной стоимости, мы натолкнулись на все более возрастающую детализацию и раздробление, связанное с разделом прибавочной стоимости. Мы столкнулись с общественным распределением, которое осуществило *раздел произведенной прибавочной стоимости на мельчайшие части между все возрастающим числом капиталистов*, более того, мы нашли, что обращение вполне закономерно приводит механически к выравниванию общей прибыли, к средней норме прибыли и к средней норме процента; что *доходы капиталов тщательно выравниваются, более того, стремятся к превращению в простые дивиденды на совокупный общественный капитал и по видимости приводят к справедливой демократизации собственности* (последний курсив автора. *В. А.*). Несмотря на *всяческую концентрацию, число тех, которые называют себя собственниками, не уменьшается, и, вместе немногих сверхкапиталистов среди бесчи-*

***ленных пролетариев, мы видим медленно утончающуюся кверху пирамиду из слоев различных родов капиталистов и различной величины состояний»*[1]).

По Реннеру развитие капитализма теперь уже несет с собой не прогрессирующее расчленение общества на классы, я явления совершенно обратного порядка: *сращивание* классов, «смешение собственности и дохода», как выражается Реннор[2]):

«Раз произошло по всей линии отделение экономических функций от исторически сложившейся собственности, в форме ли кредита или института служащих, открываются тысячи возможностей смешения собственности и дохода. *В раннюю капиталистическую эпоху* не считается фабрикантом тот, кто лично не руководит своей фабрикой и т. д. *В наше время можно быть одновременно* в качестве наследника в одной трети *фабрикантом* мыла, на одну пятую, в качестве супруга своей жены и владельца ее приданого, быть кожевенным *торговцем*, а в общем, во всей, так сказать, сумме, быть *служащим*, зависимым от банковского капитала и в этой последней функции быть лишенным владения, не обладая ни одной акцией того банка, на который тебе приходится тяжело работать. *В наше время пролетарий, работающий на металлургическом заводе, может получить по наследству* в случае отказа своих сестер *ипотеку* на крестьянское имение и в *качестве «денежного капиталиста»* получать каждые три месяца *проценты*». И т. п.[3]).

Серьезный тон, с каким ученейший экономист выкладывает свои глубокомысленные соображения, поистине способен возбудить веселое настроение. Прежде всего непонятно, почему, например, женитьба на «приданом» или получение собственности по наследству автором приводятся, как явления и признаки, отличающие «раннюю капиталистическую эпоху» от «нашего времени»? Неужели в «раннюю капиталистическую эпоху» не существовало права наследования и не существовало никакой любви, кроме «идеальной»?

Поневоле начинаешь размышлять о теоретико-экономической серьезности «теории», которая базируется на наблюдении подобных «экономических явлений», а также о характере и направлении того «прогресса», который проделан в области «способа мышления и изложения» от Карла Маркса—до Карла Реннера...

Что же касается «пролетария», который «может» (!) получить в наследство ипотеку, то ничего, кроме издевательства над рабочим классом, в этом со стороны Реннера нет. Он выбирает любезные его сердцу единичные примеры, забывая о *массе* рабочего класса, которая никаких ипотек не имеет, процентов не получает и которая, разумеется, в наше время гораздо *более* изолирована от собственнических и мелкособственнических классов,

---

[1]) Там же, стр. 358 (Русс. перев. — стр. 307 — 308).

[2]) Мы ие можем здесь остаиавливаться иа той ревизии учеиия Маркса о классах, которую производит Реииер, говоря: «Исторически сложившееся и актуальиое распределеиие *дохода* составляет *классовую основу* (?) совремеииого капиталистического хозяйства» и т. д. (русс. перев.—стр. 325). Ревизиоиизм в этом вопросе связаи с тем, что Реииер вообще призиает примат обращеиия в капитализме.

[3]) Там же, 376—7.

чем в «раннюю капиталистическую эпоху», уже хотя бы по одному тому, что прежний капиталист сам управлял фабрикой и прежние рабочие имели большую связь с деревней и ремеслом, чем сейчас.

Теория сращивания классов в капиталистическом обществе у Реннера увенчивается идеей *о введении социализма... путем соглашений* между пролетариатом и имущими классами:

«Возникает вопрос: *должен ли пролетариат завоевать диктатуру* в стране для того, чтобы быть в состоянии вступить на путь социализации? *Традиция отвечает на этот вопрос решительным* «да» (под «традицией», как мы знаем, разумеется учение Маркса и Энгельса. *В. А.*) и притом вполне последовательно, поскольку победа социализма представляется, как новое чудо творения, поскольку она начинается *с генеральной экспроприации* и провозглашается, как абсолютное разрушение всего существующего хозяйства. Но если социализм *в противоположность этой точке зрения* представляется тем, что он есть на самом деле, как большая, серьезная, деловая программа, рассчитанная на продолжительный период времени, направленная к организации полуорганизованного (?) общества, к замене частного интереса общим, *к прекращению классового господства и классовой борьбы,—то промышленный пролетариат найдет всегда себе союзников от случая к случаю, союзников, которые помогут ему осуществить одну часть* («Stück») *программы за другой. Поэтому политика изменяющихся по обстоятельствам соглашений является для этой фазы развития необходимым лозунгом*»[1]).

Итак, «поштучный социализм» с разрешения господ предпринимателей,—таков «пароль» Реннера. Ярче, чем он это сделал, трудно формулировать принципы реформизма и реформистской «коалиционной политики».

Внутренняя противоречивость и вопиющий оппортунизм Реннера бьют в глаза. Достаточно сопоставить указанную им цель: «прекращение классового господства и классовой борьбы» и средство—«соглашения от случая к случаю». Уничтожение классовой борьбы есть уничтожение классов. Реннер расчитывает уничтожить классы капиталистов и помещиков с их собственного согласия, путем «соглашений» с этими классами?! Ясно, что слова о прекращении классовой борьбы теряют всякий смысл в этом контексте, кроме чисто карикатурного смысла: Реннер действительно хотел бы «прекратить» классовую борьбу рабочих, подчинив их капиталистам, *заменив* борьбу соглашениями «смотря по обстоятельствам».

И «социализм», разумеется, упомянут Реннером для красного словца: его программа—выторговывание у класса буржуазии, «от случая к случаю», уступочек для рабочих в *рамках* капиталистического строя.

Таков один из старых «птенцов Виктора Адлера»,—Реннер.

---

[1]) Там же, стр. 380 (Русс. перев.—стр. 327). Говоря о «союзииках» пролетариата, Реииер, коиечио, имеет в виду имущие классы, а вовсе ие крестьяиство. Говоря в соседией главе («Носители социализации, классы» — так иазывается эта глава) о классах, ои иичего о крестьяистве вообще ие упоминает. У него фигурируют лишь рабочие, капиталисты и помещики (получатели зарплаты, прибыли и реиты). См. стр. 375 и сл.

Но, скажут нам, Реннер представляет правое крыло, руководившее австрийской социал-демократией до 1918 года; теперь же руководство в руках Отто Бауэра и его сторонников, теперь Бауэр задает тон современному австро-марксизму.

Однако, и при Бауэре Реннер остается одним из виднейших вождей и теоретиков австрийской с.-д. Он был, например, *председателем* того социал-демократического правительства в 1918—19 годах, где Бауэр был министром иностранных дел. Его статьи печатают и немецкие с.-д. журналы, их печатает *без каких бы то ни было возражений* и орган австрийской с.-д. «Der Kampf». Таким образом, австро-марксизм охотно и свободно «вмещает» в себя откровенно-ревизионистскую позицию Реннера [1]).

* * *

Однако, все же для нынешнего периода *Отто Бауэр*, бесспорно, является *наиболее влиятельной* и характерной фигурой для австро-марксизма. Посмотрим, каково его отношение к учению Маркса.

В сороковую годовщину со дня смерти Маркса Отто Бауэр печатает в юбилейном номере «Der Kampf» статью: «Маркс, как напоминание». Статья, очевидно, должна подчеркнуть наиболее существенное в отношении автора к Марксу и к учению Маркса. Что же пишет Бауэр?

Изложив историю марксизма в прошлом, для *настоящего* времени Бауэр находит нужным сказать об учении Маркса *только одно*: это учение перестало соответствовать «изменившейся» обстановке, оно должно быть «исправлено» и «дополнено».

«Все науки суть не что иное, не могут быть ничем иным, как собиранием, упорядочением, обработкой опыта. Ничем иным не является также и грандиозная историко-экономическая система Маркса,—пишет Бауэр.—Капитализм сегодняшнего дня и по об'ему и по структуре *в корне отличен* от капитализма времени возникновения «Капитала». *Сам рабочий класс сегодня имеет совершенно другую структуру и совершенно другой дух, чем в то время, когда Маркс писал* генеральный адрес Интернационала. Революции последних лет дали нам бесконечно более богатый материал опыта, чем тот, которым располагал Маркс; его обработка, несомненно, поведет к *совершенно другим результатам, чем те, которые Маркс мог почерпнуть из обработки опыта революций 1789 и 1793, 1848 и 1871 годов*».

И далее:

«Нет сомнений, такая обработка опыта *исправит многие положения Маркса*, которые он почерпнул из совершенно другого опыта»... «*Социализм XX столетия будет отличен от социализма XIX столетия*»...

Нужна такая «работа» над марксизмом, которая, как говорит Бауэр, «*выводит далеко за собственные познания* («Erkenntnisse»—также и «сознание». *В. А.*) *Маркса, многие представления Маркса дополняет или исправляет*»... «*Это есть Маркс, преодолевающий Маркса*».

«Маркс, *преодолевающий* Маркса»,—«слово» сказано! И в высокопарных выражениях Бауэр призывает «марксистскую школу» к коллективной работе над «преодолением» Маркса [1]).

Вообще говоря, разумеется, новый опыт и новая обстановка, новая полоса развития капитализма (империализм и эпоха его краха) заставляют действительных учеников Маркса применять во многом новые средства и формы борьбы (например, *советы*, как форма пролетарской диктатуры, при Марксе еще не возникали), или теоретически анализировать новые явления экономики (империализм). Однако, Бауэр говорит, конечно, об изменении основных, коренных *принципов* марксизма: «обработка опыта» приводит этого представителя «социализма XX столетия», *к совершенно другим результатам. Настоящие* последователи Маркса никогда не говорят, что учение, под знаменем которого борются они сейчас, «*совершенно другое*» («ganz anderes»!) по отношению к учению Маркса, что это—Маркс, с божьей помощью уже «преодоленный»! Они не «преодолевают» («überwinden»), а *развивают* учение Маркса, целиком исходя из основ, данных Марксом.

Бауэр имеет в виду, несомненно, пересмотр именно *принципов* Маркса. Как известно (с фактической стороны этого не в состоянии оспаривать и ревизионисты), Маркс был автором идеи *диктатуры пролетариата*. И это была не просто одна из его идей,—это было *главное* в его учении о классовой борьбе пролетариата за социализм. Об этом говорил сам Маркс, который в 1852 году в письме к Ведемейеру писал:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. *То, что я сделал нового*, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) *что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата*, 3) что *эта диктатура составляет лишь*

---

1) Книга Реннера «Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung», правда, подверглась некоторой, но далеко не последовательной критике в библиографическом отделе «Der Kampf» (см. заметку Эмиля Штрауса в № 6 за 1925 год). Автор рецензии отметил теоретически неправильный подход Реннера к обращению в капиталистическом обществе, к социализации через обращение и назвал «опасным» открытый выпад Реннера против Маркса и Энгельса в вопросе об экспроприации экспроприаторов. Но что весит на литературном и идейном рынке маленькая заметка в сравнении с плодовитостью беспрепятственно пропагандирующего в с.-д. среде свои взгляды Реннера, автора многих книг и статей? Да и, кроме того, сам автор рецензии, относясь, повидимому, весьма... „либерально" к своей теоретической совести, закончил рецензию тем, что написал:

«Подлинная струя поучения и побуждений исходит от этого *великолепного произведения* остается только пожелать, чтобы ныне живущее поколение молодых социалистов *изучало и книгу Реннера с таким же рвением, как старшее поколение*—популяризацию марксистской экономии *в трудах Каутского*»... (стр. 235).

Так как старшее поколение по трудам Каутского, тогда еще не ревизиониста, училось экономии *Маркса*, то нынешнему поколению рекомендуется учиться ей по Реннеру, который заведомо ***ревизует*** Маркса!

1) См. «Der Kampf», № 3, 1923 г., стр. 84—85. Мы полагаем, что ближе к истине было бы, если бы автор свою статью назвал не «Маркс, как напоминание», а «Маркс, как воспоминание», ибо в итоге в статье, действительно, от Маркса осталось только одно воспоминание. «Напоминание» там имеется не о Марксе, а о необходимости для оппортунистов ***смелее ревизовать*** Маркса.

переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»...[1]). (Курсив наш. *В. А.*).

И вот, «преодолением» именно того пункта в учении Маркса, который, по свидетельству самого Маркса, является основным, что *отличает* его учение от *буржуазных* теоретиков,—именно положения о «необходимости» диктатуры пролетариата,—занимался Отто Бауэр, например, в своем докладе о программе австрийской с.-д. партии на ее последнем партейтаге в Линце (октябрь—ноябрь 1926 г.):

...«Мы очень хорошо понимаем, почему Маркс в письме[2]) в 1875 году выразил мнение, что между капитализмом и социализмом будет лежать диктатура пролетариата. *Подумайте-ка вы, как выглядела Европа в 1875 году!* (Курсив Бауэра). Это было время, когда во Франции после Коммуны господствовал *белый террор*, когда в средней Европе господствовали военные деспотии, против которых действительно *нельзя было восставать с демократическими средствами*. В самой Англии огромное большинство рабочих не имело избирательных прав, и господствовало дворянство. *Такова в действительности ситуация в которой Маркс полагал*, что ничего другого не останется делать, как итти на *гражданскую войну*. А гражданская война ведет с необходимостью к такой *диктатуре*. Но мы сегодня составляем программу не с намерением выяснить себе, что думал Маркс в 1875 году,—мы должны *вглядеться в мир, каков он есть сейчас* (курсив Бауэра), применяя марксистский метод. Предположим, что пролетариат завоевывает власть средствами демократии. Что нам тогда делать? Уничтожим мы демократию? Об этом не может быть никакой речи!»[3]) и т. д.

Однако, разве это правда, что Маркс в «преодолеваемых» Бауэром письмах говорил о Европе 1875 года? Нет, он говорил *о переходном периоде от капитализма к социализму*. Он имел в виду отнюдь не ту или иную преходящую историческую ситуацию в политическом положении капиталистической Европы. Насколько надо не уважать Маркса и пренебрегать им, как теоретиком, чтобы утверждать, будто бы Маркс *мог* связывать положение, которое он считал *главным отличием* своего учения от учений буржуазных теоретиков, с преходящей исторической «ситуацией» 1875 года! Только господа Бауэры могут так иезуитски издеваться над великим мыслителем, именем которого они нагло прикрывают свой пошлый ревизионизм.

Мысль об исторической необходимости, о неизбежности диктатуры пролетариата на переходный период от капитализма к социализму у Маркса коренилась в глубоко правильном понимании им основных *тенденций развития капитализма*, как определенного способа производства, который должен погибнуть от своих *внутренних противоречий*.

---

[1]) Опубликованные Мерингом в «Neue Zeit» (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Ведемейеру. Цитировано Лениным в кн. «Государство и революция», гл. 2, § 3.

[2]) Здесь Бауэр говорит о другом письме Маркса (к Браке), где также подчеркнута мысль о необходимости диктатуры пролетариата.

[3]) «Protokoll des sozialdemokratischen Parteitages» (Linz, 30 октября—3 ноября 1926 г.), стр. 271.

Вполне последователен, с оппортунистической точки зрения, Реннер, когда он связывает отрицание им диктатуры пролетариата с ревизией взглядов Маркса на рост противоречий в капиталистическом обществе. Бауэр в своей речи не говорит об этом в такой открытой форме, как Реннер, но ясно, что он может исходить, оставаясь последовательным, только из предпосылки Реннера; все остальное—теоретическая бесчестность, либо недоумие.

А если уже говорить *конкретно* об отличиях в политической обстановке середины XIX столетия и в полосу 1914—1926 годов, то основные, бьющие в глаза факты еще более подтверждают правильность марксовой теории диктатуры. Стали ли капиталистические государства более *милитаристичны* теперь, чем 50—70 лет назад? Сомнений в этом быть не может. Значит, тем более отдалилась перспектива сломить господство буржуазии мирными средствами. Стал ли государственный аппарат этих государств громаднее, крепче, *бюрократичнее* и *«надежнее»* (с точки зрения защиты эксплоататорских интересов буржуазии)? В общем масштабе и это, несомненно, так.

Что же касается политической ситуации в Европе, то разве много надо сообразительности, чтобы вспомнить только-что минувшую мировую войну и вновь начавшуюся (при участии виднейших европейских стран) войну в Китае, ряд разразившихся в Европе революций (в России с вполне победоносным исходом) и революцию в Китае, которая не остается и не может остаться без влияния на европейские дела? Разве в середине XIX века были события, по масштабу и значению равные этим нынешним событиям и *разве элемент насилия и диктаторских методов в классовой борьбе и в войнах не выявлен в XX веке еще ярче и грандиознее, чем в XIX веке?* Разве в Европе не было господ Хорти, Носке, Цанкова, Муссолини, Пилсудского? И разве в *«мирные»* месяцы 1927 года на улицах Берлина фашисты, с помощью полицейских чиновников, не расстреливают и не избивают рабочих? Что же можно ожидать от дней *революционной* ситуации, когда они придут?..

На все *эти* особенности, на весь *этот опыт* XX столетия господин Бауэр «благочестно» закрывает глаза, «предполагая» (!), вопреки фактам, что теперь существуют возможности для пролетариата завоевать власть исключительно «демократическими средствами», без насилия над буржуазией.

Ревизующий Маркса во имя якобы новых указаний «опыта» оппортунист, однако, не может указать *ни одной* страны, где бы пролетариат имел власть, завоеванную и правящую только «средствами демократии», тогда как страна *диктатуры пролетариата* уже занимает шестую часть суши.

Бауэр не просто ревизует Маркса, он, подобно Карлу Реннеру, старается *оплевать* марксизм. Реннер изволил «деликатно» выразиться о «глупости» Маркса и Энгельса. Бауэр поступает с Марксом еще ехиднее, хитрее и «ядовитее».

Он во многих своих произведениях так же, как и Реннер, неумеренно распинается перед так называемым «гильдейским социализмом»,—идейное течение, пропагандируемое некоторыми английскими интеллигентами, бывшими фабианцами. Австро-марксизм, да и вся европейская социал-демократия, заимствовал у гильдейских социалистов изрядное количество полусиндика-

листского, полупоповского идейного хламья, принаряжая в него Маркса «по моде XX столетия» [1]).

Гильдейский социализм вообще не стоит на почве классовой борьбы. Его основное положение гласит, что духовное рабство есть причина материального, классового, а не наоборот; отсюда культурнически-поповские методы борьбы гильдейского социализма.

«*Материальное рабство рабочих есть следствие их духовного рабства. Они бедны, потому что рабы.* Не бедность, но рабство есть столп, на котором покоится капитализм»,—так высказываются наиболее видные идеологи гильдейского социализма, Коль и Меллор.

О *Марксе* они отзываются так:

«*Маркс превратил социализм из моральной доктрины в экономическую.* Последствия этого изменения были неизмеримы. Научный социализм должен был неизбежно перенести центр тяжести на *распределение благ.* Но тем самым социализм перестал быть в первую голову и прежде всего вопросом свободы. Он стал вопросом материального благополучия».

И кичливые моралисты, которые, видите ли, стоят выше презренной «материи», считая низменным делом борьбу за то, чтобы рабочие, их жены и дети лучше жили и ели (ибо это—пустяки, главное, ведь «свобода»)—начинают свысока третировать Маркса за данное им экономическое обоснование социалистического движения, как якобы «оппортуниста и реформиста»:

«Поскольку социализм перешел от проблемы первого порядка к вторичной, от проблемы рабства к проблеме бедности, он себя сам приговорил к тому, чтобы быть оппортунистическим и реформистским» [2]).

Как должен реагировать каждый настоящий марксист на эти типично буржуазные взгляды? Он обязан с *порога* отвергнуть эту болтовню о «вечном человеческом праве» на свободу, ибо она всегда прикрывает гнусности по отношению к тем, кто находится в «материальном рабстве» и в «бедности». Разве кто-нибудь еще, а не идеологи *буржуазии* в течение вот уже не одного столетия, разглагольствуют о «вечных правах» каждого человека на «свободу» в капиталистическом обществе, построенном на началах материального рабства?

Вместе с тем, настоящий марксист обязан указать надлежащее место нахальным «моралистам», пытающимся изобразить учение Маркса «оппортунизмом и реформизмом», сваливая с больной головы на здоровую. Настоящая свобода личности *не может* быть завоевана без предпосылки уничтожения *материального классового неравенства* революционным путем.

Что же делает вместо всего этого господин Бауэр? *Он опирается на «гильдейцев» против Маркса, «исправляет и дополняет» марксизм—гильдейским социализмом!*

В своей известной брошюре «Большевизм или социал-демократия» (1920 г.) Бауэр посвящает целую главу сопоставлению

[1]) В частиости, не без влняния ндей гнльдейцев социал-демократия на коитнненте разрабатывает свои «теорни» о так иазываемой «хозяйствеиной демократни».

[2]) G. D. H. Coles н W. Mellor. «Gildensozialismus». Rheinland-Verlag zu Köln. Стр. 2, 3, 5, 6, 8.

и противопоставлению: с одной стороны—русского большевизма, с другой—гильдейского социализма.

Большевизм,—говорит он,—есть «социализм *идеологов* рабочего движения». Что же касается гильдейского социализма, то это—«социализм *самого* рабочего движения».

(Картина: партия, ведущая за собой *безраздельно* весь российский пролетариат, оказывается, живет «идеологией идеологов», а *ничтожная* кучка вчерашних фабианцев, не пользующаяся *абсолютно никаким* политическим весом среди рабочего класса своей страны [1]) представляет «социализм самого рабочего движения»! Но это лишь между прочим. Последуем за рассуждениями Бауэра):

«В этой противоположности (между большевизмом и гильдеп-социализмом. *В. А.*) выражается не только лишь национальное различие русского и английского рабочего класса», но «гораздо более—*различие образа мышления пролетариата вообще на различных ступенях его развития. Первоначальная* и сильнейшая движущая сила социализма есть восстание *против хозяйственного неравенства. Рабочий сравнивает свою нужду с богатством капиталистов.* Он хочет захватить себе власть, чтобы *«грабить награбленное», чтобы смочь насильственно достичь хозяйственного равенства»...*

Так было в прошлые столетия; соответственно этому, рабочему классу, «*была нужна деспотическая диктатура пролетариата,* чтобы в короткий срок беспощадными ударами, направленными против всякого сопротивления, *уравнять* пользование имуществами и доходами. *Первобытный коммунизм равенства ведет к диктатуре пролетариата (!).*

«Но там, где пролетариат уже прошел через долгий период политической домократии и пролетарских организаций, *там социализм произрастает из другого корня.* Поднятие народного образования, регулярное участие в политической и профессиональной борьбе, самовоспитание в рабочих организациях, больший досуг, которым рабочий класс обязан охранительным законам и профессиональной борьбе, позволяют *рабочим-рабам прошлого постепенно расти в свободных, сознательных личностей. И по мере того, как рабочий становится личностью, его стремление к свободе становится сильнейшей движущей силой его мышления и поведения».*

И Бауэр далее предпочитает говорить прямо словами гильденсоциалиста Левине:

«Рабочих ведет к коллективизму не только и не столько неравенство богатства, не противоречия в распределении,—сколько протест против произвола индивидуальных предпринимателей, идеал свободной мастерской».

«*Стремление к свободе,*—продолжает дальше Бауэр от своего имени,—*ведет теперь дозревшего до личности рабочего к социализму.* Но такое стремление к свободе находит свое удовлетво-

[1]) Лнга «гильдейских социалистов» даже в цветущий период существоваиня, в 1916 году, имела лншь около 450 членов во всей Англин. В 1920 году оиа предпрнияла попыткн создать «гнльднн» по своему проекту. Уже к 1923 г. онн потерпелн полный крах. В 1925 г. существовало только одно гнльдейское (деревообделочное) предпрнятне. Расколы н разложенне в послевоеиные годы свели деятельиость «лнги» почтн на-нет.

рение *не в деспотическом социализме*, который делает владычицей каждого предприятия, каждого рабочего всемогущую центральную власть, *будь то самим рабочим классом поставленная центральная власть*,—но только в общественном порядке, который *каждому индивидууму* обеспечивает *широкую сферу свободной деятельности*, каждому обществу рабочих—широкое самоуправление» [1]).

Неудивительно, что люди, променявшие марксистские принципы на явно буржуазные, фетишизируют вместе с принципом «свободы личности» и принцип буржуазной «демократии», в которой *якобы* «личность» получает наибольший простор. Они проповедуют политическое, «культурное», «духовное», какое угодно «равенство»,—только бы осталось неприкосновенным *материальное неравенство,—в этом* принцип буржуазной демократии; ибо при материальном неравенстве все остальные «равенства» и «свободы» являются только формальными.

Полюбуйтесь, однако, на картину в целом: идея Маркса о диктатуре пролетариата не только не подходит для XX столетия, но она—плод «первобытного коммунизма равенства». Марксизм XIX столетия, это—«первобытный коммунизм равенства», он «*произрастал из другого корня*» (чем австро-марксизм XX столетия—это верно!..). Маркс, в этой картине, это—не кто иной, как идеолог отсталых рабочих, не получивших «образования», «рабочих-рабов», или «рабочих-скотов»,—(«Arbeitstier»), как в другом месте выражается Бауэр [2]), не желающих примириться с материальным классовым неравенством и потому стремящихся к его уничтожению путем диктатуры. А господа Бауэры—Реннеры—Носке—Шейдеманы выступают в приятном свете идеологов рабочих-«личностей», получивших «образование» и «самовоспитание» и потому проникнутых презрением к таким низменным и земным вещам, как материальное неравенство и одушевленных единственно соответствующим «*человеческой*» натуре «стремлением к свободе»!

Западно-европейские реформисты весьма часто кивают головой на «отсталых», «невежественных» русских рабочих, которые, соединившись с безграмотным и темным крестьянством, верящим в колдунов и леших, учредили у себя диктатуру над буржуазией. Культурные рабочие Запада на это-де неспособны. Однако, теперь мы знаем от Бауэра, что не только русский большевизм, но и «социализм XIX столетия», выдвинувший идею пролетарской диктатуры, то-есть *марксизм*, без дальних слов и без угрызений совести относится оппортунистами (даже «левыми»!) к числу устаревших, «первобытных» идеологий, выросших на почве несознательности и темноты масс. Можно от души поблагодарить господина Бауэра за эти проясняющие дело искренние признания!..

«Демократия против диктатуры», «личность» против «рабочего-скота», «стремление к свободе» против стремления к уничтожению материального неравенства, «социализм XX столетия против социализма XIX столетия», «гильдейский социализм против Маркса и большевизма», «против неосуществимых глупостей Маркса и

---

[1]) Otto Bauer. «Bolschewismus oder Sozialdemokratie?» Wien. 1921 год. Стр. 96, 97, 98.

[2]) В книге «Австрийская революция». Стр. 195 немецкого издания, в рус. изд.—стр. 190 (Госиздат, 1925 г.).

Энгельса», «австро-марксизм против Маркса, идеолога рабочих-скотов»—таковы пароли новейшего австрийского ревизионизма [1]).

В заключение, для наглядности,—практический пример эволюции от «рабочего-скота» к «личности» (из истории австрийской революции в понимании и изложении самого же Бауэра):

«В дни переворота (1918 год. *В. А.*) *типом революционера был «демобилизованный»*: возвращающийся домой солдат, преисполненный вследствие ужасных переживаний *дикими страстями*, убежденный, что *оружием и ручными гранатами* он может *насильственно* опрокинуть все существующее. К нему присоединялся революционер-карьерист, который от переворота ждал для себя возвышения и власти, положения и доходов. Но очень скоро руководство движением удалось захватить *другому типу людей, несравненно выше стоящему в моральном и интеллектуальном отношениях*. Это были те десятки тысяч *доверенных людей* партии, профессиональных союзов, членов рабочих и солдатских советов, фабрично-заводских комитетов, которые путем работы, полной величайшего сознания ответственности, направляли пробужденную революцией *энергию масс, готовых погубить в своем революционном бешенстве (!) самое революцию*,—на плодотворную творческую работу. Это были те десятки тысяч рабочих, которые несли для своего класса организационную работу в общинах, товариществах разных родов и в просветительных организациях»...

Это были (конечно!) австрийские социал-демократы.

«*Возвышение этой духовной аристократии* («geistige Elite») из среды рабочего класса и то, что массой руководила и ее воспитывала ее же, вышедшая из ее же плоти и крови *духовная аристократия,—это есть коренное достижение революции. Ибо преобразование государственных и общественных учреждений не является самоцелью; в развитии народов оно имеет значение лишь постольку, поскольку оно оказывает влияние на пробуждение, внутреннее изменение, на повышение уровня развития самих людей*» [2]).

Теперь мы видим, как на ладони, *кого*, собственно, считает Бауэр за «личностей» и кого за «рабочих-скотов». Для масс, которые в 1918—1919 годах проделывали революцию, *прогнав Габсбургов* и готовясь прогнать капиталистов, для масс рабочих, крестьян и солдат,—господин Бауэр находит только один образ: демобилизованный солдат с ручной гранатой и «дикими страстями» (а то еще и карьерист). Другого лица у этих масс Бауэр тогда не

---

[1]) Таким образом, если Реннер ревизует учение Маркса с его преимущественно *экономических* основ, Бауэр—преимущественно *с социально-классовой* стороны. (Об аграрном ревизионизме Бауэра речь должна будет итти особо). Для полноты картины можно еще указать на Макса Адлера, который ревизует учение Маркса *с философской* стороны, стараясь «привить» ему кантианство. Сами австро-марксисты называют работу Макса Адлера: «Das soziologische in Kants Erkenntnisskritik»—«главным трудом кантианского крыла марксизма» (см. статью Альфреда Браунталя «Миропонимание марксистского критицизма» в № 1 «D. Kampf» за 1925 год). Кантианство Адлера признают и другие с.-д. авторы (см., напр., статью З. Марка о той же книге Адлера в «Die Gesellschaft» за 1925 г., т. 2 и рецензию Ц. Ронаи на другую книгу Адлера «Кант и марксизм», в № 3 «D. Kampf» за 1926 год).

[2]) «Osterreichische Revolution», Wien, 1923, стр. 194. (В русск. перев.—стр. 189. ГИЗ, 1925).

заметил по простой причине: он тогда *дрожал от страха* перед революцией масс.

А где же пресловутые светлые и образованные «личности»? Это, разумеется, «доверенные люди» социал-демократии. О, это—«духовная аристократия»! Это—подлинная «*самоцель*» для Бауэра.

Посмотрите,—для Бауэра «возвышение таких «духовных аристократов» над уровнем массы—несравненно более важная задача, чем какие-то там «преобразования государственных и общественных учреждений». И уж, конечно, *вопрос о подборе такой «духовной аристократии»* (для борьбы с революцией «ручных гранат» и «демобилизованных солдат»), разумеется, для австро-марксиста был всегда важнее, чем вопрос о том, как бороться с материальным классовым неравенством. Ведь именно степень такого «развития от рабочего-скота к личности» для него—мерило успехов революции, именно оно есть «самоцель».

«*Эта эволюция от рабочего-скота к личности и есть процесс развития к социализму*»,—пишет Бауэр там же, на следующей странице.—«*Всякая революция в отношении государственных и общественных учреждений имеет значение для развития к социализму постольку, поскольку она содействует развитию от рабочего-скота к личности*».

Если рабочий хочет узнать, в чем состоит «самоцель» австро-марксизма, он должен приглядеться ко всей системе социал-демократической бюрократии, представить себе всю галлерею социал-демократических партийных и профсоюзных бюрократов, во главе с господами Носке, Эбертами, Шейдеманами, Бауэрами, Барматами,—не позабыв тех из них, у кого с рук еще не смыты пятна рабочей крови.

Это есть—«духовная аристократия», благу и интересам которой австро-марксизм призывает *подчинить* классовую борьбу рабочих. Она идейно и материально спаяна с капитализмом, она защищает его от рабочих масс. Она же сочиняет и теории о себе самой, как «духовной аристократии» и о рабочей массе, как о «рабочих-скотах».

Таков нынешний «австро-марксизм», гниющий с самой идейной сердцевины и распространяющий трупный запах явно *ревизионистского* оппортунизма.

М. Рютин.

Китайская революция и лозунг советов.

I.

Советы в странах с докапиталистическими отношениями.

С лозунгом о выходе китайской компартии из Гоминдана наша оппозиция явно провалилась. Теперь в открытой форме этого требования она уже не выдвигает, а занимается лишь общими рассуждениями и «разговорчиками» о необходимости самостоятельной линии китайского пролетариата, китайской компартии, делая вид, будто кто-то против этой самостоятельной политической линии возражает.

Зато теперь она выдвигает, как известно, другое требование: она настаивает на том, чтоб Коммунистический Интернационал и китайская компартия бросили сейчас китайскому пролетариату и крестьянству лозунг образования, теперь же, советов. Само собою разумеется, что свое требование оппозиция пытается обосновать ссылками на Ленина и его учение.

Партия знает уже эти приемы. В свое время оппозиция на XIV с'езде цитатами из Ленина, оппортунистически извращая и не понимая его, пыталась доказать, что наша госпромышленность есть госкапитализм, что нэп—это только отступление, в дальнейшем она доказывала отсутствие у нас внутрипартийной демократии и «закономерность» организации разношерстного блока оппозиционных элементов; теперь апелляцией к Ленину она стремится защищать свое новое предложение—выдвинуть для китайской революции на данном ее этапе лозунг организации советов.

Беда только в том, что оппозиция и здесь снова забывает коренное требование ленинизма—необходимость анализа конкретной политической обстановки, из которой должна исходить тактика пролетариата и лозунги компартии.

Посмотрим, как к вопросу о лозунгах подходил Ленин.

В своей статье «К лозунгам», написанной им в июле 1917 года, он говорил: «Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, повидимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей

революции, скажем, с 27 февраля по 4 июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. *Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения»* (курсив наш. *М. Р.*).

Таково требование ленинизма. Между тем, у оппозиции нет даже и тени попытки для данного момента китайской революции вывести лозунг советов из всей совокупности особенностей современного политического положения в Китае и за его пределами. Каково соотношение сил революции и контрреволюции в Китае в настоящее время? Насколько благоприятны условия организации советов в данный момент? И если организовать советы, то каковы должны быть их задачи на ближайший период?—все эти вопросы для нашей оппозиции и не существуют.

Мало того, оппозиция не поняла, не продумала и тех положений Ленина относительно возможности организации советов в странах с докапиталистическими отношениями, на которые она пытается ссылаться.

Обратимся снова к Ленину.

Ленин говорил, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям», поэтому он ставил задачей коммунистических партий и тех элементов, которые к ним примыкают, «пропаганду идеи крестьянских советов, советов трудящихся всюду и везде и в отсталых странах и колониях; и там они должны стараться, насколько позволяют условия, *создавать советы трудящегося народа*» (курсив наш. *М. Р.*).

Теоретически обосновывая необходимость пропаганды идеи советов, он подчеркивал, что «если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, *а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами*, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей». Отсюда он заключал: «Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

О чем здесь говорится? Во-первых, о странах с докапиталистическими отношениями вообще. *Наша задача—данное общее положение ленинизма уметь применить к конкретному случаю, к докапиталистическим отношениям Китая*, а докапиталистические отношения Китая отличаются от докапиталистических отношений, скажем, Монголии, Индии или Марокко.

Во-вторых, Ленин говорит о помощи советских правительств таким странам всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Задача заключается в том, чтоб учесть, насколько будет реальна и велика та помощь, которая может быть оказана пока-что единственной в мире Советской Республикой, Советским Союзом.

Нельзя забывать, что в отношении организации советов в странах с докапиталистическими отношениями мы имеем уже некоторый, правда, пока небольшой, опыт. У нас под боком находится Монгольская Народная Республика, являющаяся по существу, советской; точно так же рядом с нами, прилегая к южным границам Сибири, находится небольшая Тану-Тувинская Народная Советская Республика. Эти обе страны тоже с докапиталистическими отношениями, но отличаются ли они чем-нибудь от Китая? Безусловно отличаются. И Монголия и Тану-Тувинская Республика даже еще не вступили на путь современного капиталистического развития, в них не было до образования советов, нет и теперь, ни буржуазии, ни пролетариата. *Китай, наоборот, уже вступил на рельсы капиталистического развития, хотя и является страной с гигантским преобладанием докапиталистических отношений*. В Китае имеются, в настоящем смысле этих слов, и буржуазия и пролетариат. Задачей китайского пролетариата является перевод Китая с рельс капиталистического развития на рельсы социалистического развития и на рельсы социалистической революции.

Отсюда и самый характер советской власти в Китае будет отличен от советской власти в Монголии или Тану-Тувинской Республике. В Монголии или в Тану-Туве мы просто имеем «советы трудящегося народа» (оппозиция должна знать, что этот термин Ленин употребил неслучайно). Там нет базы для образования советов рабочих депутатов. В Китае же советская власть будет властью советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В Китае советская власть будет диктатурой пролетариата, хотя и приспособленной к своеобразным условиям этой отсталой в экономическом отношении огромной страны.

Самые условия образования советов в Китае в свою очередь нельзя сравнивать с условиями образования советов в названных нами выше двух советских народных республиках. В этих двух республиках советы образовались без революций. Ни буржуазно-демократических революций, ни социалистических революций там не было и не могло быть. Национально-освободительной борьбы против империализма в тех формах, в каких ведет борьбу Китай, самого гнета империализма в таком виде, как в Китае, они не вели и не имели. *Советская власть там организовалась при прямой государственной поддержке пролетариата нашей Советской Республики.*

Китай, наоборот, переживает стадию буржуазно-демократической национально-освободительной революции, имеющей тенденцию перерасти в революцию социалистическую. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Китае должны явиться и явятся именно как органы этой социалистической революции. Иными советы рабочих депутатов на территории уханского правительства в Китае теперь быть не могут. Нельзя никоим образом позабывать, что в отношении образования советов рабочих депутатов вторым конгрессом Коминтерна принята специальная резолюция. Эта резолюция называется: «Когда и при каких условиях можно создавать советы рабочих депутатов» и гласит следующее: «*Советы без революции невозможны*; *советы без пролетарской революции неизбежно превращаются в пародию на советы*; *подлинные массовые советы являются исторически данной формой диктатуры пролетариата*» (курсив наш. *М. Р.*).

Позабыв эту резолюцию, не умея применить положение Ленина о необходимости организации советов трудящихся в странах с докапиталистическими отношениями к конкретному случаю,

смешивая «советы трудящихся» с «советами рабочих депутатов», боясь блока пролетариата с мелкой буржуазией, боясь революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, боясь «запачкаться» своим участием в буржуазно-демократической революции, наша оппозиция на деле скатывается, как раз, к той самой старой «мартыновщине» и ликвидаторству, от которых она, на словах, открещивается обеими руками.

Истоки ликвидаторства оппозиции в китайском вопросе лежат в непонимании самого характера китайской революции.

Оппозиция недавно устами т. Радека провозгласила, что в Китае нет феодализма, хотя там каким-то образом, разрешая неизвестно какие задачи, происходит буржуазно-демократическая революция. Теперь она устами одного из своих лидеров заявляет, что «китайская революция имеет национально-буржуазный характер по той основной причине, что развитие производительных сил китайского капитализма уперлось в государственно-таможенную зависимость Китая от стран империализма».

Гнет феодализма, гнет милитаристических клик, полуфеодальная раздробленность страны, самый дикий политический произвол средневековья,—все это оппозицией полностью игнорируется. Аграрный вопрос в Китае для нее не существует. *Троцкизм в наших революциях 1905 г. и 1917 г. всегда проявлял тенденции перепрыгнуть через крестьянство. Теперь троцкистская оппозиция делает то же самое и по отношению к крестьянству Китая.*

В действительности китайская революция в ее настоящей фазе является соединением двух потоков революционной борьбы: борьбы против китайского крепостничества, милитаризма, против политического бесправия масс, против всех остатков средневековья и борьбы против империализма. Именно на этом основном положении, определяющем характер китайской революции в настоящее время, базируется тактика Коминтерна и китайской компартии.

Задачи пролетариата в настоящее время и заключаются в том, чтоб, об'единяя оба этих потока революционной борьбы, стать во главе трудящихся масс, добиться решающего руководства этим движением. Китайский пролетариат уже идет по этому пути, он становится гегемоном движения, но пока им еще не стал. И если оппозиция теперь, когда пролетариат не утвердил еще своей гегемонии в буржуазно-демократической революции, предлагает ему уже перейти к пролетарской диктатуре, то этим самым она демонстрирует свое непонимание и внутреннего смысла гегемонии пролетариата, и смысла его социалистической диктатуры. Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции важнейший этап к его диктатуре, но еще не диктатура. Внутренним содержанием и задачей гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции является революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, уничтожение всех остатков феодализма, крепостничества, средневековья, политического бесправия трудящихся масс. Внутренним содержанием диктатуры пролетариата является уничтожение господства буржуазии, ее экспроприация, установление «единовластия» рабочего класса.

Предпосылкой готовности пролетариата перейти к провозглашению советской власти должно быть утверждение гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, тогда как оппозиционный блок само «провозглашение» считает уже достаточной предпосылкой готовности.

Таким образом, исходные положения взглядов оппозиции явно свидетельствуют о том, что она продолжает оставаться в плену у троцкистской фразы.

II.

Советы, как органы восстания, и советы, как органы власти.

Говоря о значении советов, надо строго отличать их место и роль в буржуазно-демократической революции, с одной стороны, и в социалистической революции—с другой. В буржуазно-демократической революции советы могут быть только органами восстания. Как органы власти они остаются в зародышевом состоянии. Об этом свидетельствует опыт нашей революции 1905 г., об этом говорит история последних буржуазных революций в Германии и Австрии, это же подтверждает опыт нашей Февральской революции.

Роль советов в буржуазно-демократической революции Ленин со всей обстоятельностью раз'яснил еще в 1905—06 гг. В брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата» он писал: «Воображают, что эти органы всегда и при всяких условиях «необходимы и достаточны» для массового революционного движения. *Отсюда—некритическое отношение к выбору момента для создания таких учреждений, к вопросу о том, каковы реальные условия успеха их деятельности* (курсив наш. *М. Р.*).

Опыт октября—декабря дал самые поучительные указания на этот счет. Советы рабочих депутатов—органы массовой непосредственной борьбы. Они возникли, как органы борьбы стачечной. Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами общереволюционной борьбы с правительством. Они превратились неудержимо, в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию,—в органы восстания. Что именно такую роль играл в декабре целый ряд «советов» и «комитетов», это совершенно неоспоримый факт. И события самым наглядным и убедительным образом показали, что *сила и значение таких органов в боевое время зависит от силы и успеха восстания*».

Ленин выдвигает два основных момента. Во-первых, он подчеркивает необходимость критического отношения к выбору момента для создания советов, полным отсутствием чего как раз отличается оппозиция. Он говорит, что советы не при всяких условиях «*необходимы и достаточны для массового революционного движения*». Во-вторых, в противовес меньшевикам, твердившим о том, что советы суть органы «самоуправления» масс, Ленин со всей убедительностью доказывает, что организовать советы—значит «призывать к восстанию, значит создавать органы восстания». Кто затушевывает это, тот ведет политику самого худшего сорта. Последующий ход исторических событий полностью подтвердил выводы Ленина. При развитии буржуазно-демократических революций советы возникали именно как органы восстания. В пределах, буржуазно-демократических революций они нигде не делались настоящими органами власти.

И как раз потому, что в буржуазно-демократических революциях они могут быть жизненными только как органы восстания, как раз поэтому при длительности своего существования в рамках буржуазно-демократической революции они неизбежно начинают хиреть и вырождаться. Всем известно, что в 1917 г., до перехода руководящего влияния в советах в руки большевиков, советы стали для масс постепенно терять свою притягательную роль, стали в глазах масс становиться пустыми «говорильнями». В Германии и в Австрии в буржуазно-демократических революциях, при сосредоточении всего экономического могущества в руках буржуазии, советы уже на другой день после революции оказались в положении пустых придатков в системе политического господства буржуазии.

Советы могут быть жизненными только тогда, когда в их руках сосредоточивается вся полнота власти. Обладая полнотой власти, при мощной поддержке Советских Социалистических Республик, советы будут жизненны и в таких странах, как Монголия. Не обладая полнотой власти, играя роль своеобразного «червеобразного пролетарского отростка» в буржуазно-демократической революции, они будут нежизненны в границах этой революции и в передовых капиталистических странах и в таких странах, как Китай.

Что означает требование организации советов в данный период китайской революции для Южного Китая? Если оппозиция считает, что буржуазно-демократическая революция в Южном Китае закончена или близится к своему окончанию, что является явным абсурдом; если оппозиция считает что сейчас пришла пора, как учил Ленин, лозунги буржуазно-демократической революции «подменить» лозунгами социалистической революции, тогда нельзя давать оголенного лозунга советов, тогда лозунг советов необходимо наполнить реальным содержанием, тогда необходимо сейчас выдвинуть лозунг немедленного перехода китайского пролетариата к национализации железных дорог, рудников, важнейших отраслей промышленности и банков, принадлежащих на 70% иностранному капиталу. *Без этого для Китая, где все важнейшие экономические узлы находятся в руках империалистов, лозунг организации советов является пустой болтовней, оппортунистической, псевдо-революционной фразой.* Что же оппозиция выдвигает?

Она рекомендует сейчас национализировать китайские банки, являющиеся, по большей части, не больше, не меньше, как посредническими меняльными конторами, а иностранные крупнейшие банки, регулирующие по существу все капиталистическое развитие в Китае, она обещает национализировать в «перспективе». Она предлагает национализировать китайские фабрики и заводы, а иностранные крупнейшие предприятия, верфи, рудники, служащие экономической базой господства империализма, наши горе-революционеры обещают национализировать тоже «в перспективе». Железные дороги, принадлежащие на 80% иностранному капиталу, по рецепту оппозиции придется национализировать опять-таки в перспективе!

Что же, спрашивается, остается тогда от советской власти? Экономическая база господства империализма остается нетронутой, и сами советы, выражаясь языком Ленина, превращаются в жалкую пародию на советы. Достаточно представить себе картинку:

по мановению оппозиционного волшебного жезла в Ханькоу в настоящее время организовался совет рабочих депутатов. Этот совет национализировал мелкие китайские банки, китайские предприятия, играющие в ханькоуской промышленности второстепенную роль, а иностранные банки остаются нетронутыми, иностранные предприятия тоже, железные дороги продолжают оставаться в руках иностранных капиталистических компаний. В этих-то условиях Ханькоуский совет спокойно осуществляет пролетарскую диктатуру, а иностранный империализм столь же спокойно ожидает дальнейших оппозиционных «перспектив»!

Не карикатура ли это на советскую власть, не извращение ли это всех ленинских принципов борьбы за пролетарскую диктатуру! Внешний радикализм оппозиции в данном случае явно направлен на принижение задач социалистической революции в Китае, ибо в Китае нельзя говорить не только о победе социалистической революции и советской власти, но и о победе революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства без подрыва экономических основ господства империализма в Китае.

Неслучайно резолюция VII пленума ИККИ по этому вопросу выдвигает следующую задачу перед революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства: «Будучи, прежде всего, антиимпериалистической, китайская революция и правительство, созданное ею, должны ударить по корням империалистической власти в Китае. Отказ от неравных договоров и уничтожение территориальных концессий недостаточны для ослабления позиций империализма. Удар должен быть нанесен по экономической основе империалистической власти. Это означает, что революционное правительство должно постепенно национализировать железные дороги, концессии, фабрики, шахты, банки и предприятия, принадлежащие иностранному капиталу. Этим актом оно немедленно расширит узкие границы буржуазной демократии и войдет в стадию перехода к революционной диктатуре. Таким образом, было бы ошибкой ограничивать задачи китайской революции: 1) уничтожением империализма и 2) ликвидацией феодальных пережитков, ссылаясь на то, что на первой стадии эта революция носит мелкобуржуазный характер. Китайская революция не может уничтожить империализм, не перерастая через границы буржуазной демократии».

Таким орбазом, экономическая программа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в Китае периода ее перерастания в диктатуру пролетариата, выдвигаемая VII пленумом ИККИ, оказывается несравненно смелее и глубже, чем программа для пролетарской революции, для советской власти в Китае ближайшего периода, выдвигаемая нашими горе-революционерами из оппозиции.

Но может быть оппозиция считает, что буржуазно-демократическая революция в Китае не только не закончена, но еще не близится и к концу? Против кого же тогда должны создаваться советы в Южном Китае, как органы восстания? Если они должны быть органами восстания против уханского национально-революционного правительства, то на организацию таких органов не пошел бы сейчас ни китайский пролетариат, ни китайская компартия, ибо уханское правительство—революционное антиимпериалистическое правительство, оно ведет напряженную револю-

ционную борьбу, гражданскую войну со своими милитаристами и с международным империализмом. Свержение уханского национально-революционного правительства было бы на руку Чан-Кай-Ши, Чжан-Цзо-Лину и империалистам.

Оппозиция воображает, что советы всегда и при всяких условиях необходимы и достаточны для массового революционного движения. Она не считает необходимым учесть соотношение борющихся сил. Между тем, для организации советов в Китае больше чем где-либо недостаточно только поднять массы, надо еще вооружить революцию для того, чтобы советы были защищены от империалистического и милитаристического разгрома.

В 1906 году, после разгрома советов, в среде социал-демократии находились люди, рекомендовавшие вновь организовать советы. Ленин на это отвечал: «Теперь, когда правительство на опыте досконально убедилось, к чему ведут «советы» и что это за учреждения, когда оно вооружилось с ног до головы и ждет образования таких учреждений, чтобы напасть на врага, не дав ему времени опомниться и развернуть свою деятельность,—теперь мы особенно должны раз'яснять в своей агитации необходимость трезвого взгляда на вещи, необходимость военной организации на ряду с организацией советов для их защиты, для проведения того восстания, без которого бессильны будут всякие советы и всякие выборные от массы».

Не уподобляется ли и наша оппозиция тем социал-демократическим стратегам, с которыми Ленин спорил в приведенной цитате? Не ждут ли в настоящее время империалисты образования советов в Китае? Не вооружились ли они для этого с головы до ног, чтоб разгромить при первом удобном случае силы пролетариата? Вместо трезвого взгляда на вещи здесь у оппозиции имеется только мелкобуржуазная троцкистская фраза.

Или может быть, сейчас не организовывать советов в крупных пролетарских центрах и городах, куда легко достают неприятельские пушки, броненосцы и аэропланы, а ограничиться организацией советов в селах и деревнях? Всякому ясно, что это ставило бы на голову все наши большевистские представления о роли пролетариата в организации советской власти.

Наконец, у оппозиции с лозунгом советов некругло выходит, не вяжутся концы с концами и со стороны организационного охвата советов коммунистическим влиянием.

В резолюции II конгресса, принятой по докладу т. Зиновьева «О роли коммунистической партии в пролетарской революции», по данному вопросу мы находим следующие строки: «В истории русской революции мы видели целую полосу, когда советы шли против пролетарской партии и поддерживали политику агентов буржуазии. То же наблюдалось и в Германии. Это же возможно и в других странах.

Для того, чтобы советы могли выполнять свою историческую миссию, напротив, необходимо существование настолько сильной коммунистической партии, чтобы она могла не просто «приспособляться» к советам, а в состоянии была бы решающим образом воздействовать на их политику».

В то же время наша оппозиция по отношению к Китаю заявляет следующее: *в Южном Китае правый Гоминдан до настоящего времени остается правящим Гоминданом, а китайская компартия в Гоминдане является придатком.* Как же, спрашивается, можно увязать лозунг советов, даваемый оппозицией в данный момент для Китая, с резолюцией II конгресса о роли коммунистической партии и с характеристикой роли китайской компартии в китайской революции,—характеристикой, которую дает ей оппозиция.

Китайской компартии, которая, по словам оппозиции, является придатком Гоминдана (а в Гоминдане «правый Гоминдан является правящим Гоминданом»), этому «придатку правого Гоминдана» наша оппозиция и вручает руководство советами в Китае. Но если верно, что китайская компартия является придатком Гоминдана, если верно утверждение оппозиции, что правый Гоминдан в Южном Китае остается правящим Гоминданом, пусть ответит сама оппозиция, что будет представлять в таком случае советская власть в Китае. И это оппозиция выдает за ленинизм! Это сапоги всмятку, а не ленинизм. Это сумасшедшие пустяки, а не коммунистическая тактика.

Такими же «сапогами всмятку» является и мудрствования оппозиции в вопросе о выходе из Гоминдана. Раньше, до выдвижения лозунга советов, она предлагала китайской компартии выйти из Гоминдана, теперь, когда она выдвигает лозунг советов, по вопросу о выходе из Гоминдана она уже бьет отбой. Она заявляет, что мы не предлагаем «пока», в данный момент китайской компартии выходить из Гоминдана. Спрашивается, можно ли увязать лозунг советов с положением о необходимости остаться китайской компартии в Гоминдане. Ведь лозунг советов, как мы уже говорили, для Китая является псевдонимом пролетарской диктатуры, хотя и приспособленным к специфическим особенностям этой страны. Казалось бы для каждого большевика должно быть ясно, что в буржуазно-демократической революции партия пролетариата безусловно может блокироваться с мелкобуржуазными революционными партиями, а в социалистической революции она должна проявить несравненно большую самостоятельность, больше должна, если можно так выразиться, отдифференцировать себя от мелкобуржуазных партий. У оппозиции получается все наоборот: в буржуазно-демократической революции она требует от компартии полной политической самостоятельности, а в социалистической революции, при власти советов, она соглашается на блок с мелкобуржуазной партией. Пойми кто может! Это прямо напоминает героя старой русской народной сказки, который на свадьбе кричал: «канун да свеча», а при похоронах покойника: «таскать бы вам, не перетаскать».

III.

«Революционность» оппозиции или «мартыковщина» в китайской революции.

Оппозиция каждый раз, прежде чем двинуться в оппозиционный поход, надевает на себя левые доспехи, это же она делает и в вопросе о китайской революции. Свою позицию она изображает, как революционную, большевистскую, а позицию партии, как оппортунистическую.

Посмотрим, как обстоит дело в действительности. Китай переживает этап буржуазно-демократической революции, являющейся в то же время национально-освободительной. Спрашивается, какова точка зрения ленинизма по отношению к задачам

пролетариата в этой революции. Ответ на это мы находим в полемике Ленина с Мартыновым в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство». В этой статье Ленин говорит: «Различие точек зрения революционной социал-демократии и хвостизма выступает тут со всей очевидностью. Мартынов и новая «Искра» пятятся от ложащейся на пролетариат вместе с крестьянством задачи самого радикального демократического переворота, пятятся от социал-демократического руководства этим переворотом, отдавая, таким образом, хотя бы и бессознательно, интересы пролетариата в руки буржуазной демократии. Из той справедливой мысли Маркса, что мы должны готовить не правительственную, а оппозиционную партию будущего, *Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию настоящей революции*».

Нельзя забывать к тому же, что мартыновская критика драпировалась тогда тоже в левые тона. Мартынов и его последователи тогда утверждали, что участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией *это вульгарный жоресизм, это бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение его в прихвостня буржуазии, развращение видимостью власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.*

Так рассуждали Мартынов и его последователи. В основе у них, как мы видим, лежала боязнь связать себя с мелкобуржуазной демократией, боязнь этим самым испортить себя, разложить, боязнь «переродиться» в ходе революции. Поэтому Мартынов хотел остаться по отношению к буржуазно-демократической революции крайней пролетарской оппозицией.

Спрашивается, чем же отличается точка зрения нашей оппозиции в вопросах китайской революции от точки зрения Мартынова в 1905 году. Как иначе истолковать недавние предложения оппозиции выйти из Гоминдана, как не боязнью Мартынова 1905 г.[1]) «запачкать» общением с мелкой буржуазией чи-

---

[1]) Само собой разумеется, что здесь идет речь о старом Мартынове, Мартынове-меньшевике. В настоящее время т. Мартынов член ВКП(б) и в своих литературных выступлениях проводит линию нашей партии. Что в свое время и лидеры оппозиции умели понимать разницу между старым Мартыновым-меньшевиком и нынешним Мартыновым-коммунистом, видно из следующих справок: 1) в предисловии к брошюре т. Мартынова от 1922 года тов. Радек писал:

«В брошюре, которую он (Мартынов) сейчас публикует, он разделывается со всем прошлым меньшевизма. Он исследует с величайшей обстоятельностью и с величайшим хладнокровием те ошибки, которые привели его партию в лагерь контрреволюции. Он ничего не замалчивает. Он не щадит ни своей партии, ни своего собственного прошлого. Относительно честности и внутреннего жара, с которым этот революционер совершает эту самокритику, нам нет надобности проронить ни одного слова. Не только те, которые знали Мартынова в течение десятилетий, но и всякий читатель при чтении этой брошюры испытывает глубокое чувство, что она является не только политическим, но и человеческим документом первого разряда... Мы убеждены, что точно так же, как произведения Мартынова принадлежали к лучшим пропагандистским произведениям меньшевизма, и эта брошюра будет принадлежать к лучшим коммунистическим пропагандистским произведениям. Пусть Мартынову дано будет написать еще много таких произведений для просвещения международного пролетариата».

2) На XII партс'езде т. Зиновьев по поводу статьи Мартынова «Пусть остерегаются консулы», помещенной в «Правде» против оппозиц. ст. т. Красина, в своем политическом докладе сказал:

«Вы знаете статью т. Красина. Он полемизирует с т. Мартыновым Напоминаю, что т. Мартынов—бывший старый меньшевик, а т. Красин-

стоту своих риз. Чем по существу, принципиально, отличается выжидательно-скептическое отношение оппозиции к уханскому правительству и вхождению в него коммунистов от отрицательного отношения Мартынова к вхождению во временное революционное правительство социал-демократов.

Оппортунисты социал-демократии в 1905 году говорили: «участвовать во временном правительстве вместе с буржуазно-революционной демократией значит освящать сохранение тюрем, полиции, безработицы, нищеты, собственности и проституции». А не говорили ли многие оппортунисты оппозиционного блока, что поддерживать южно-китайское революционное правительство, это значит прикрывать его кровавые расправы,—расправы Чан-Кай-Ши над китайским пролетариатом. Это, как две капли воды, похоже одно на другое.

Между тем Ленин на этот счет со всей силой подчеркивал, что это—аргументы, достойные только анархистов или народников. Он говорил: «Она (социал-демократия. *М. Р.*) никогда не боялась и никогда не побоится сказать, что освящает республиканско-демократический буржуазный строй по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений» (Ленин, том VI, стр. 138).

Наши вожди оппозиционного блока в недавнем прошлом, рекомендуя выход из Гоминдана, хотели, вне зависимости от их доброго личного желания, оставить китайскую компартию в стороне от большой дороги революции. Китайская компартия по их рецепту должна была учинять, выражаясь языком Ильича, «хвостистскую оппозицию настоящей революции». Это и есть тактика меньшевизма, которую в свое время (довольно далекое) защищал Мартынов.

Теперь стоять в стороне уже нельзя, но в то же время и участвовать в буржуазно-демократической революции, участвовать во «временном революционном уханском правительстве» тоже как будто опасно, можно запачкаться, можно «переродиться».

старый большевик. И тем не менее вышло так, что бывший старый меньшевик совершенно прав, а старый большевик т. Красин совершенно неправ и находится на грани того, чтобы сделать очень и очень большую ошибку».

3) В 1924 г. т. Зиновьев перед выпуском 2-го изд. своей книжки «История ВКП(б)» обратился к т. Мартынову с просьбой внимательно прочитать книжку и сделать свои замечания и послал записку следующего содержания:

«Тов. Мартынов!

Просьба моя такова: прочитайте, пожалуйста, «Историю» с карандашом в руках, отметьте неточности, неполноту, непопулярно изложенное, ошибки, неудачные места, желательные исправления и пр. По возможности пришлите эти замечания недели через 2 по адресу моего секретариата.

Заранее большое спасибо. Ваш Г. Зиновьев».

Тов. Мартынов нашел в ней 32 грубых ошибки, с большинством которых т. Зиновьев согласился.

4) В начале 1924 г., когда тов. Зиновьев был председателем Коммунистического Интернационала т. Мартынов был приглашен в редакцию журн. «Коммунистический Интернационал», и за все время пребывания там т. Зиновьев ни разу не сказал, что у т. Мартынова замечаются какие-либо уклоны.

Отсюда лозунг советов, отсюда желание перепрыгнуть через «временное революционное уханское правительство». Это—тактика по Троцкому.

Не менее скверно обстоит дело с «революционностью» оппозиции в области ее взглядов на допустимость маневрирования уханского национально-революционного правительства по отношению к иностранному империализму. Оппозиция утверждает, что «брестская тактика лавирования и маневрирования по отношению к иностранному империализму допустима только для пролетарской революции и недопустима для буржуазно-демократической революции, ибо, по мнению оппозиции, компромисс, временные уступки империализму со стороны революционно-демократического правительства, правительства Китая—означали бы предательство интересов революции и трудящихся масс, означали бы курс не на развитие революции, а на ее свертывание, применительно к потребностям китайской буржуазии.

Несмотря на «ультра-революционную» мотивировку своего положения о недопустимости тактики Бреста, тактики лавирования для китайской буржуазно-демократической революции, истоки, корни такого взгляда явно оппортунистичны, явно отдают запахом старой «мартыновщины».

В самом деле, мотивировка оппозиции может в данном случае иметь какой-либо смысл лишь при том условии, если считать, что в буржуазно-демократической революции гегемоном движения обязательно является буржуазия. Если так, тогда со стороны пролетариата и его партии было бы действительно предательством допущение тактики лавирования, временных уступок империализму. Если же считать, что в настоящей глубокой буржуазно-демократической революции, «якобинской» буржуазно-демократической революции XX века гегемоном движения может быть только пролетариат, если признать, что он при таком условии должен принимать участие во временном революционном правительстве и его органах на местах, то почему, спрашивается, гегемон движения—рабочий класс, кровно заинтересованный не только в социалистической революции, но и в полной победе буржуазно-демократической революции, понимающий, что без завершения буржуазно-демократической революции нельзя перейти к социалистической революции,—почему, спрашивается, в таком случае здесь он должен отказываться от тактики лавирования, даже в том случае, если это грозит неизбежным разгромом революции?

Выводы для «тактиков» из оппозиционного блока получаются убийственные. Или они считают, что в китайской революции—на ее буржуазно-демократической стадии—возглавляет и будет возглавлять революцию буржуазия—и именно поэтому они против тактики Бреста. Тогда они обнаруживают старое меньшевистское понимание движущих сил буржуазно-демократической революции.

Или они считают, что пролетариат и его партия должны быть не ответственны за политику временного революционного китайского правительства, а отсюда и не должны входить в него. Тогда они обнаруживают свое «старо-мартыновское» отношение к временному революционному уханскому правительству, тогда они по старому рецепту оппортунистов социал-демократии предлагают учинять «хвостистскую оппозицию настоящей революции».

Иных выводов из принципиального отказа оппозиции от тактики лавирования, при охарактеризованных выше условиях, сделать никак нельзя.

Было бы, однако, ошибкой думать, что во взглядах оппозиции на китайскую революцию есть что-либо цельное. Эти взгляды так же разнородны и разношерстны, как и взгляды на ряд коренных вопросов нашей социалистической революции и социалистического строительства Советского Союза.

Во взглядах оппозиции многое можно найти, как мы видели выше, из «Двух диктатур» Мартынова. Но в них же вы встретите и элементы теории перманентной революции. Так, например, лозунг организации советов для Южного Китая в настоящее время это модернизированный, применительно к Китаю, троцкистский лозунг: «без царя, а правительство рабочее».

Во взглядах и настроениях оппозиции в китайском вопросе имеется и третий элемент, выражающийся в настроениях: «У буржуазии все хорошо, у нас все плохо».

И вот этот-то оппортунистический винегрет из цветной оппортунистической капусты, приобретенной из старого наркика «Двух диктатур» из троцкистской редиски, именуемой «без царя, а правительство рабочее», и из салата неверия в силы нашей пролетарской революции, это винегрет, подлитый настроениями «у них все хорошо, у нас все плохо»,—и называется платформой оппозиции в китайской революции.

Коммунистический Интернационал, отвергая лозунг организации советов в Китае сегодня, выбросит этот лозунг тогда, когда совокупность всей конкретной обстановки покажет, что для этого назрели необходимые предпосылки. Ленинские боевые фаланги умеют быстро перестраивать свои ряды и быстро менять свою тактику и переходить от мелкой кропотливой работы к высшим формам классовой борьбы, гражданской войне и пролетарскому восстанию. Китайский пролетариат и китайская компартия, под руководством Коммунистического Интернационала, в разрешении этого вопроса пойдут не по троцкистскому, а по испытанному ленинскому пути.

Дж. Мерфи.

Билль против трэд-юнионов.

Билль против трэд-юнионов, являясь неизбежным следствием поражения горняков и неудачи прошлогодней всеобщей забастовки, дает самое яркое представление о реальной политике английского капитализма. Он посягает на элементарнейшие права трэд-юнионов. Он является прямым ответом теперешнего правительства, т.-е. исполкома английской буржуазии, на политику отступления рабочих вождей, которые в период, когда защитники интересов рабочего класса должны были развить наиболее энергичную деятельность, проповедывали лишь промышленный мир и, каясь и оправдываясь по поводу всеобщей забастовки и всячески порицая ее, нанесли горнякам удар в спину. Они заявили, что всеобщая забастовка «никогда не повторится», и присоединились к хору предпринимателей, нападая вместе с ними на революционеров, изгоняя их из рабочей партии и раскалывая и расшатывая профсоюзные организации. В виду этой политики профсоюзной и рабочей бюрократии правительство не только не ослабило своего давления, но, напротив, еще более усилило свою борьбу с рабочим классом.

Билль самым очевидным образом демонстрирует разрыв со старыми демократическими формами. Он показывает, что буржуазия потеряла веру в либеральные гарантии, удовлетворявшие ее в прошлом столетии в течение многих поколений. Билль ясно показывает, что классовая борьба приняла серьезный характер и что революционные элементы оказались слишком сильными для политики старых либеральных вождей, потерявших контакт с действительностью. Если до 1926 г. буржуазия еще не вполне уяснила себе положение, то всеобщая забастовка ясно показала неимоверный рост рабочего класса. Она показала, что рабочий класс идет гигантскими шагами вперед и что приходит быстрый конец старой раздробленности и всевозможным ограничениям, которые могли существовать лишь в прошлом столетии. Всеобщая забастовка показала, как быстро даже экономические требования рабочего класса и самая обыкновенная борьба за зарплату переходят и развиваются в крупные политические конфликты. Наступила новая эпоха, в которой призыв к классовой солидарности становится все более господствующим.

Я отнюдь не хочу сказать, что крупная буржуазия и правительство испугались прошлогодней всеобщей забастовки,—они имели слишком много шансов на своей стороне. Они слишком хорошо знали слабые места и заблуждения тех, которые выступали в качестве их агентов в рядах рабочих, они для этого слишком хорошо знали вождей, с которыми им пришлось иметь дело. Но из этого опыта они поняли, что отныне классовые границы станут еще резче обозначаться, и они во всеобщей за-

бастовке видели не столько опасность для сегодняшнего дня, сколько предвестника опасности в будущем. Поэтому нет ничего удивительного, если усилия рабочих вождей и профсоюзных бюрократов, показавших свою преданность конституции тем, что они взялись за чистку рабочей партии и трэд-юнионов от коммунистов, не смогли «тронуть» буржуазию. Напротив, оказались правыми коммунисты, занявшие диаметрально противоположную позицию. После наступления на коммунистов в 1925 г., после ареста партийных вождей и попытки загнать компартию в подполье, после использования судов для запугиванья масс опасностью революции, следовало, конечно, ожидать наступления на трэд-юнионы и рабочую партию.

Атака произведена по всем правилам. Все разговоры о свободе труда сводятся теперь к нулю де-юре и де-факто. Старое положение о свободе труда отменено. Отныне рабочие должны быть прикованы к своей работе (если они таковую имеют), к своему мелкому юниону, при чем узы классовой солидарности пытаются ослабить законодательным крючкотворством.

Что эти радикальные перемены зависят от полной перемены в характере эпохи, видно из того любопытного факта, что теперешнее законодательство о трэд-юнионах проведено в своей основе *консервативным правительством* лет 60 назад. Теперь же опять-таки консервативное правительство старается расшатать эту основу. Эта поразительная перемена может быть об'яснена лишь полной переменой в характере периодов, в которые эти законы складывались. Первые законы о трэд-юнионах были изданы в либеральный период, когда трэд-юнионизм был еще молод, когда капитализм находился в состоянии роста и английский капитал был в состоянии пойти на большие уступки рабочему классу и превратить его по сравнению с рабочим классом других стран, в сильную рабочую аристократию. Необходимо заметить, что первое важное изменение в законе о трэд-юнионах произошло в 1901 г., когда суды вынесли при консервативном правительстве приговор, известный под названием приговора Тафф Вейл. Это решение возлагало на всякий зарегистрированный трэд-юнион ответственность *«за убытки, причиненные действиями его членов и агентов»*. Согласно этому приговору, профсоюз железнодорожных служащих был вынужден уплатить огромную сумму железнодорожной компании Тафф Вейл в возмещение убытков, понесенных последней *в результате забастовки*. Следствием этого решения было то, что трэд-юнионы начали интересоваться политикой, к которой они до того времени не проявляли интереса. Это было важное, знаменательное начинание. 1901 год является поворотным пунктом во внутренней истории английского капитализма. Всеми признан тот факт, что в 1900 г. уровень реальной зарплаты английского рабочего класса был наивысшим, и с этого года до нынешнего дня реальная зарплата английских рабочих постоянно понижалась. В 1900 году международное положение английского империализма начало постепенно обостряться, серьезная конкуренция и соперничество с британским империализмом начали отражаться на условиях жизни рабочего класса, и появились признаки того, что настает время, когда британскому капитализму придется лишить английский рабочий класс тех привилегий и выгод, которые он до сего времени ему предоставлял.

Это первое наступление консерваторов на законные права трэд-юнионов вызвало серьезную политическую реакцию со стороны рабочего класса и породило идею о необходимости образования рабочей партии. Начался процесс, приведший к тому, что рабочие все больше отходили от буржуазных партий. Когда в 1906 г. начались всеобщие выборы, тории понесли величайшее политическое поражение, какое они когда-либо испытывали. Эти выборы привели либералов к власти и заложили основу рабочей партии. Больше того, это небывалое поражение ториев явилось поводом к решению касательно Об'единенного Общества Железнодорожных Служащих. Был немедленно выработан акт о промышленных конфликтах, который палата лордов одобрила из боязни, чтобы ее не постигла та же участь, что и консервативное правительство. Это, однако, не означало, что буржуазия намерена была отказаться от своего нового курса. В 1908 г. она снова прибегла к помощи судов и добилась так называемого Осборнского решения, которое оспаривало право трэд-юнионов взимать членские взносы для политических целей. Судьи решили, что трэд-юнионы не в праве требовать эти взносы и выступили против основного права трэд-юнионов вообще принимать участие в политике. Этот вызов, однако, не оказал желаемого действия на рабочий класс и, напротив, дал толчок развитию и росту новой рабочей партии и прекрасный повод для защиты интересов трэд-юнионов в области политики. В 1913 году рабочая партия добилась успеха, обеспечив проведение так называемого Акта о трэд-юнионах. Этот акт предоставлял трэд-юнионам право распоряжаться своими деньгами в политических целях при следующих условиях: а) цель должна быть одобрена большинством на тайном голосовании членов; б) организационные правила должны быть одобрены больничными кассами, при чем платежи для политических целей должны производиться из специального фонда, в) если какой-либо член трэд-юниона заявит о своем нежелании платить взносы для политических целей, то он должен быть от них освобожден, г) освобожденные члены не должны быть лишены никаких привилегий и не должны быть подвергнуты никаким взысканиям. Эти законы были в силе до внесения теперешнего билля о трэд-юнионах. Однако, правительство часто весьма чувствительно урезывало права трэд-юнионов, особенно во время войны, когда все профсоюзное и рабочее движение оказалось впряженным в колесницу правительственного аппарата, когда вступил в действие Амуниционный Акт и забастовки были запрещены под угрозой тяжких наказаний и трэд-юнионы лишены были какой бы то ни было свободы действия; когда были изданы исключительные законы и весь рабочий класс подпал под железную диктатуру буржуазии и ее приспешников, искусно работавших в рядах рабочего движения.

Все эти перемены способствовали отмиранию либерализма в рабочем классе. По мере того, как промышленность становилась все более мощной и предприятия огромных размеров становились все более обычным явлением, по мере того, как крупные концерны собирали в одно место тысячные массы рабочих и концентрировали в городах широкие массы населения, по мере того, как все больше развивалась сеть жел. дорог и других путей сообщения, соединяющих город с деревней,—движение рабочего класса все больше развивалось и рабочие сплачивались в одну массу, чувствуя давление буржуазии во всех насущных жизненных вопросах. Чем сильнее становились их организации, тем больше становилась их готовность помочь друг другу; чем больше становилось число рабочих, принимавших участие в каком-либо выступлении, тем больше сглаживалось различие между вопросами экономическими и политическими. Короче говоря, с тех пор, как английский капитализм вступил на путь упадочного империализма, рабочий класс быстро вышел из политической инертности и перешел к интенсивной политической деятельности. Это движение нашло свое высшее выражение во всеобщей забастовке 1926 г., в результате которой капиталистический класс Англии решил превратить трэд-юнионы в бессильные организации и навязать им формы и функции прошлого столетия. Как он намерен этого добиться?

Билль о трэд-юнионах разделяется на семь отделов.

Отдел первый об'являет всякие всеобщие забастовки и забастовки сочувствия незаконными, независимо от причин, вызвавших забастовку. Все эти забастовки об'являются нелегальными, направлены ли они против перевозки войск и оружия, против нагрузки транспортных судов и т. д. Приведем буквальный текст билля: «Незаконной является забастовка, цель которой заключается в том, чтобы действовать на правительство принуждением или запугать население или значительную часть населения». Это значит, что все забастовки во всех отраслях, обслуживающих все население, окончательно запрещены, будь то забастовка автобусных или трамвайных кондукторов или служащих других городских учреждений. Полностью запрещены забастовки сочувствия, как бы мало ни было число бастующих, поддерживающих рабочих другой отрасли промышленности. Генеральный прокурор не оставил по этому поводу никаких сомнений, ответив Томасу во время прений, имевших место на прошлой неделе. Когда Томас спросил—будет ли считаться незаконной забастовка солидарности железнодорожников, об'явленная для поддержки бастующих горняков, то он получил более чем определенный ответ: «Безусловно, да». Это значит, что теперь была бы признана незаконной и забастовка карабельной команды «Джоли Георг» против отправки оружия для борьбы с СССР в 1920 г. Незаконной становится даже и резолюция Амстердамского Интернационала об об'явлении всеобщей забастовки в случае войны. Воспрещается не только участвовать во всеобщей забастовке, но даже выступать в ее защиту. Если Амстердамский Интернационал или какая-либо его секция решатся в будущем повторить свои резолюции против войны, то всем голосующим за столь отважное мероприятие будет грозить двухлетнее тюремное заключение.

Второй раздел билля запрещает трэд-юнионам наказывать штрейкбрехеров в среде своих членов в случае, если эти трэд-юнионы участвуют в забастовке, признанной судьями незаконной. Этот пункт имеет обратную силу в целях защиты штрейкбрехеров всеобщей забастовки прошлого года от каких бы то ни было взысканий или наказаний со стороны трэд-юнионов. Таким образом, правительство исполняет свое обещание, которое оно дало во время всеобщей забастовки 1926 г.

Третий раздел запрещает забастовочные пикеты. Этот раздел вызвал больше всего насмешек и насмешек заслуженных. Он многозначительно заявляет, что «незаконно со стороны одного или

нескольких лиц стоять в качестве забастовочного пикета возле жилища или места работы и собираться в таком числе или держать себя так, чтобы запугать лицо, находящееся в этом доме или месте». Затем дается определение слова «запугать» и говорится, что человек признается виновным в запугивании другого, если «другой почувствует себя по справедливости оскорбленным, бойкотированным или станет предметом ненависти, насмешек или презрения». Таким образом, если вы негодяя-штрейкбрехера назовете негодяем, то вы можете попасть в тюрьму.

Четвертый раздел билля лишает трэд-юнионы права требовать со своих членов взносы в политические фонды. Это наносит удар самим основам рабочей партии, которая держится на входящих в нее трэд-юнионах. Это ударяет по денежным ресурсам рабочей партии, и это одно из средств, при помощи которого правительство рассчитывает ослабить рабочую партию в предстоящих всеобщих выборах. Таким образом, парализуя забастовочную деятельность трэд-юнионов, правительство одновременно с этим намеревается обессилить рабочую партию и парализовать ее работу в парламенте. Этот раздел идет еще дальше, он стремится разгромить местные организации—советы трэд-юнионов. Как известно, конгресс трэд-юнионов преследует и политические цели, как, например, национализацию банков, земли и промышленности. Этот раздел заставит трэд-юнионы или выступить из конгресса трэд-юнионов или изменить свою конституцию или же делать взносы в конгресс трэд-юнионов с тем, чтобы они не были употреблены на политические цели. Члены трэд-юнионов вынуждены были бы тогда делать еще особые денежные взносы, что уменьшило бы в значительной мере значение конгресса трэд-юнионов.

Пятый раздел продолжает дело разгрома движения рабочего класса, запрещая государственным служащим об'единяться с другими рабочими. Этот раздел запрещает прием новых членов в трэд-юнионы государственных служащих теперешнего состава, при чем эти трэд-юнионы не должны преследовать никаких политических целей и не должны вступать в какой-либо контакт с конгрессом трэд-юнионов, с рабочей партией, с международной федерацией трэд-юнионов и с другой какой-либо организацией, стоящей вне организации государственных гражданских служащих. Этот раздел стремится оторвать государственных служащих от других рабочих, лишить их политических прав и милитаризировать их. Высшие чиновники при этом, конечно, смогут заниматься политикой, в то время как низшие попадут в условия рядовых солдат, не имеющих права посещать политические митинги, вступать в политические партии и проч.

Шестой раздел запрещает местным властям настаивать на том, чтобы поступающий на службу был непременно членом трэд-юниона. Это удар по рабочему движению, которое имеет ряд своих представителей в попечительствах о бедных. Эти организации, естественно, принимали на службу лишь членов трэд-юнионов, и правительство теперь решило этот вопрос из'ять из компетенции местных властей и узаконить «свободный» наем (open shop) коммунальных и городских служащих.

Седьмой раздел создаст для трэд-юнионов уголовную ответственность в случае использования своих денежных фондов вразрез с постановлениями законов, и генеральный прокурор

получает право возбуждения уголовного преследования против
юнионов. Это значит, что деятельность трэд-юнионов подпадает
под контроль полиции. Это значит также, что иски против юнио-
нов будут пользоваться поддержкой не только со стороны бур-
жуазии, но и со стороны государства.

Таким образом, ясно видно, что несет с собою билль для
профсоюзного и рабочего движения. Тем не менее мы должны
констатировать, что аргументы в пользу проведения этого закона
заимствованы у Макдональда, Томаса и К°, ибо ограничения прав
трэд-юнионов сформулированы по образцу добровольных согла-
шений национального профсоюза железнодорожников, возглавля-
емого Томасом, и союза транспортников, возглавляемого Беви-
ном,—соглашений, заключенных после того, как всеобщая заба-
стовка 1926 г. была предана. Профсоюзные вожди тогда открыто
высказались против всеобщей забастовки и забастовки сочув-
ствия и признали, что они были неправы, приняв участие в
забастовке 3-го мая и обещали впредь ничего подобного больше
не делать. Нет ничего поэтому удивительного, если теперешняя
оппозиция по отношению к биллю со стороны рабочих бюрократов
и парламентской рабочей фракции носит позорный характер.
Больше того, в тот самый момент, когда они как будто бы
выступают против билля, они принимают самые энергичные
дисциплинарные меры против самых решительных врагов нового
закона, т.-е. против коммунистов и революционных рабочих. Они
ревностно изгоняют их из трэд-юнионов, раскалывая таким обра-
зом рабочую партию, запрещая об'единяться с революционными
рабочими, организованными в движение меньшинства, и требуют
письменных обязательств со стороны отдельных профсоюзных со-
ветов. Короче говоря, они всем средствами помогают правитель-
ству добиться того, чтобы трэд-юнионы не перешли в руки
революционных рабочих и чтобы они остались навсегда во власти
теперешней реакционной бюрократии, хотя бы для этого рабо-
чему классу пришлось заплатить дорогой ценой низведения трэд-
юнионов на уровень прошлого столетия.

Внося этот билль, правительство в первую очередь стремится
предохранить трэд-юнионы от процесса революционизирования,
который развивается в рабочем классе и которого оно не смогло
до сих пор остановить. Английская буржуазия отлично знает,
что в эпоху трестированного капитализма сглаживается различие
между политическими и экономическими вопросами. Она отлично
знает, что в период, когда уже нет больше старых рынков и
монополия убивает свободную конкуренцию, когда рынки пере-
стали автоматически регулировать экономические взаимоотноше-
ния и организованные капиталисты сталкиваются лицом к лицу
с организованным рабочим классом, малейший конфликт приобре-
тает явный классово-политический характер. Буржуазия знает,
что исход борьбы всецело зависит от консолидированной классо-
вой силы, что всякий конфликт, даже чисто экономический, как
бы он ни был мал, обязательно сводится к старому вопросу о
классовой силе и господстве. Она отлично знает, что хотя Ген-
совет конгресса трэд-юнионов и вожди рабочей партии будут
уверять и убеждать, что возможны крупные забастовки сочув-
ствия и всеобщие забастовки, не угрожающие государственной
власти буржуазии, в действительности это невозможно. Поэтому
буржуазия решила наложить цепи на трэд-юнионы прежде, чем

развитие революции и сознательности рабочего класса превратят их в руководящие революционные организации рабочего класса. Буржуазия отлично понимает, что если она будет еще больше медлить в этот период капиталистического упадка, когда условия современного капитализма лишают рабочий класс всего, что он имел и английский капитализм не в состоянии уже ставить рабочий класс Англии в условия своего рода рабочей аристократии, подобное промедление окажется для нее роковым.

Таким образом, в то время, как капитализм становится все более реакционным, в трэд-юнионах начинается в силу обстоятельств более интенсивный процесс революционизирования. Этот процесс развивается, несмотря на все усилия рабочих вождей усыпить рабочее движение. Дело в том, что несмотря на плохое руководство рабочим движением, само правительство разоблачает истинный характер событий и помогает рабочим в них разбираться. История идет быстро вперед, каждый день обогащает пролетариат опытом, носящим горький классовый характер. Революционный процесс не может быть остановлен. Предлагая свой билль, правительство рассчитывало отвлечь внимание населения от своей политики в отношении китайской революции, но этот свой шаг оно сопровождало такими выступлениями международного характера, которые сразу подействовали на рабочих и вместе с тем заставили рабочих вождей показать свое лицо. Налет на пекинское полпредство, вслед за которым последовал налет на Аркос и лондонское торгпредство, как раз в момент, когда в парламенте обсуждался билль о трэд-юнионах,—все это ясно показало рабочему классу и всем тем, кто хочет видеть, что английское империалистическое правительство, пытаясь спасти свое положение, ведет отчаянную борьбу на всех фронтах, заставляя рабочий класс почувствовать солидарность, существующую между его борьбой, с одной стороны, и сохранением СССР и защитой китайской революции,—с другой. Таким образом, в своих безумных попытках парализовать рабочий класс правительство падает все ниже и роет себе самому могилу.

Еф. Берлович.

„Год разочарований" или закономерность загнивания.

(Английское хозяйство к годовщине забастовки горняков).

С начала великой забастовки горняков прошло больше года. В нашем распоряжении имеются не только хозяйственные итоги 1926 г. [1]). Мы имеем также основные показатели хозяйственного положения Англии в первые пять месяцев 1927 г.

Данные о периоде декабрь 1926 г.—май 1927 г. представляют исключительный интерес, выходящий за пределы значения обычных коньюнктурных обзоров хозяйства, так как они дают возможность судить о характере и направлении развития английского хозяйства на новой основе, которая создана победой шахтовладельцев,—на основе удлиненного рабочего дня и пониженной заработной платы в угольной промышленности.

Новые условия труда в угольной промышленности являются важнейшим экономическим итогом борьбы 1926 г. Ради создания этих новых условий, английская буржуазия заплатила не малую цену. Размер ставки борьбы определялся не только счетом непосредственных убытков и резким ухудшением внешнеторгового и платежного баланса страны. Упорствуя в течение семи месяцев, не уступая ни одной пяди из своей программы, шахтовладельцы и вся тяжелая промышленность широко раскрыли двери своим континентальным конкурентам для выхода на ряд английских рынков. В этом заключался главный риск [2]) всего предприятия английской тяжелой промышленности. Не превратится ли в некоторых случаях, по крайней мере, временная потеря рынков в постоянную?

На этот вопрос частичный ответ дается опытом первой половины 1927 г. Но не в отвоевании временно утраченных рынков основной вопрос английского хозяйства. Восстановление добастовочного status quo могло бы удовлетворить английскую буржуазию только в том случае, если бы забастовка пересекла полосу хозяйственного под'ема. Как известно, дело обстояло не

---

[1]) Итоги эти подведены английской печатью в первой половине февраля 1927 г. В дальнейшем цифровые данные, заимствованные из годового обзора «Economist'a» от 12 февраля 1927 г. (Commercial History of 1926), приводятся либо без указания источника, либо со ссылкой E. C. H.

[2]) Мы говорим сейчас только об экономическом риске, о политическом «риске», связанном с бешеным наступлением капитала, о революционизировании английского рабочего класса речь будет ниже.

так. Самый локаут в угольной промышленности был задуман и проведен как средство для вывода тяжелой промышленности из состояния сильнейшей депрессии, как способ повышения ее конкурентной способности. Расценивать хозяйственные показатели послезабастовочного периода следует в первую голову именно с той точки зрения, создана ли новая основа для изменения *генеральной линии* развития английского хозяйства. Генеральная линия эта характеризуется, как резкий упадок не только тяжелой индустрии, но и других ориентирующихся на экспорт отраслей промышленности (хлопчато-бумажной в первую очередь).

Разумеется, решить этот вопрос на основании одних только кон'юнктурных показателей за первую половину 1927 г. невозможно. Невозможно не только из-за краткости самого периода, но и из-за того, что период этот никак не может считаться «нормальным». Исключительные условия, созданные семимесячной забастовкой,—истощение запасов угля и металлического полуфабриката,—продолжали еще действовать в течение значительной части этого периода. Только приняв во внимание эти условия и ни на минуту не упуская из виду всю совокупность обстоятельств, определяющих указанное выше направление генеральной линии английского хозяйства, мы сможем правильно оценить и значение нынешней его кон'юнктуры.

Обзор наш охватит поэтому *период от января 1926 до мая 1927 г., взятый в свете основных тенденций хозяйственного развития Англии, вызвавших самый конфликт и в свою очередь им с исключительной яркостью подчеркнутых.*

* * *

«За последние несколько лет,—пишет автор вводной статьи годового обзора «Экономиста»,—мы не раз были свидетелями того, как надежды, высказывавшиеся в январе, обманывали нас в последующие 12 месяцев, приносившие один удар за другим; но нам ни разу еще не приходилось рассказывать историю столь полную разочарований, как история только-что закончившегося года».

За этим меланхоличным началом следует перечень тех обстоятельств, на которые опирался в начале 1926 г. традиционный новогодний оптимизм. Здесь мы находим обычные указания на «политический мир в Европе», на решения «мучительного репарационного вопроса» и т. д., и т. п. Останавливаться на этих общих местах нет смысла тем более, что наш автор ими не ограничивается, а призывает в свидетели цифры, показывающие улучшение кон'юнктуры в начале 1926 г. Получается довольно несложная схема: в первые 4 месяца «естественный» под'ем, а затем грандиозный срыв этого под'ема «противоестественной» забастовкой, о которой в данной связи автору угодно говорить, как о чем-то в высокой степени неожиданном.

Некоторое улучшение кон'юнктуры по сравнению с тяжелыми весенними и летними месяцами 1925 г. действительно наблюдалось примерно с октября 1925 г. Но характер этого оживления и причины его затушевываются нашим автором; для него ведь всякое оживление, как явление приятное, просто «естественно». Не утруждают себя об'яснением также и некоторые советские авторы [1]). Между тем, раскрыть «тайну» улучшения кон'юнктуры в конце 1925 г. и в первые четыре месяца 1926 г. не слишком трудно. Угольная промышленность приподнялась несколько на дрожжах правительственной субсидии, а также под влиянием усиленного спроса на топливо со стороны потребителя, предвидевшего забастовку. Последнее относится также к железной и стальной промышленности.

Начиная с мая и почти до самого конца 1926 г., *Англия была страной не вывозящей, а ввозящей уголь.* В этих немногих словах резюмируется вся экономическая обстановка забастовочного года. Исходя из этого пункта, мы легче всего сможем развернуть важнейшие моменты этой грандиозной дезорганизации.

В годовом итоге мы видим 20 миллионов тонн вывезенного угля (против 50 миллионов тонн в сверх-неблагополучном по части угольного экспорта 1925 г.) и 20 милл. тонн ввезенного угля (обычно цифра ввоза совершенно ничтожна). Ввоз и вывоз угля, как видим, балансируются, но балансируются они только по физическому своему об'ему. В отношении же ценности картина совершенно иная. Вывезенный уголь продавался по «нормальным», вернее даже ненормально низким ценам. За 20 миллионов тонн вывезенного угля было выручено 19 милл. фунт. стерл. Ввезенный уголь покупался по все более вздувавшимся ценам, и за 20 милл. тонн ввезенного угля пришлось уплатить 43 милл. фун. стерл. Об отражении этого обстоятельства в балансе внешней торговли речь будет ниже. Сперва остановимся на том, как угольный голод повлиял на разные отрасли промышленности.

Платить за уголь вдвое и втрое дороже, чем до забастовки, могли, хоть и со скрежетом зубовным, лишь те отрасли хозяйства, для которых расход на топливо составляет не слишком большую часть издержек производства. *Совершенно запретительными оказались вздутые угольные цены для металлургии.* Выплавка *чугуна* и производство *стали* катастрофически упали сразу же в мае: чугун—90 тыс. тонн (против 528 тыс. ежемесячной средней в 1925 г.), сталь—47 тыс. тонн (месячная средняя 1925 г.—626 тыс. тонн). В дальнейшие месяцы положение с чугуном ухудшалось: в июне—42 тысячи, в июле—18 тысяч, в августе—14 тысяч, с сентября по ноябрь включительно, выплавка «стабилизировалась» на уровне 13 тыс. тонн в месяц, и только декабрь дал 100 тыс. тонн. По стали повышение, но крайне медленное, началось несколько ранее: июнь—35, июль—33, август—54, сентябрь—98, октябрь—95, ноябрь—99, декабрь—324.

В итоге за весь 1926 г. чугуна выплавлено—2.444 тыс. тонн против 6.238 тыс. тонн в 1925 г. и 10.250 тысяч в 1913 г. Выплавка чугуна за 1926 г. самая низкая за все время с 1850 г.

Производство стали—3.561 тыс. (против 7.397 тыс. в 1925 г., 7.660 тыс. в 1913 г.)—ни разу не падало до такого уровня с 1895 года.

---

[1]) Так, например, проф. С. А. Фалькнер пишет: «В течение *первого полугодия* (курсив автора)—с октября 1925 г. по апрель 1926 г.—*можно* совершенно определенно констатировать процесс улучшения хозяйственной кон'юнктуры. *Это улучшение было неизбежным после довольно тяжелой дефляционной депрессии, которую Англия пережила в течение весны и лета 1925 г.* (Подчеркнуто мною. *Еф. Б.*). И только.

Впервые за всю историю Англии (со времени промышленной революции) ввоз железа, стали и изделий из них оказался выше вывоза.

Добыча *угля* за весь 1926 г. составила около 130 милл. тонн (1925 г.—247 милл., 1913 г.—287 милл.). Экспорт, как отмечено, упал до 20 милл. тонн (1925 г.—55,6 милл. тонн, 1913 г.—78,3 милл. тонн).

Финансовое положение предприятий тяжелой индустрии, далеко не блестящее и в предыдущие годы, особенно в 1925 г., резко ухудшилось в 1926 г. 29 компаний группы железо, сталь, уголь с капиталом 103,5 милл. фунт. дали в 1926 г. 2 процента убытка против 1,8% прибыли в 1925 г. Эта же группа выплатила, затронув в ряде случаев резервы, дивиденды в размере всего 1,5% вместо 2,8% в 1925 г., 3,8% в 1924 г. и 5% в среднем за 1920—23 гг.[1]). Таковы средние цифры для 29 предприятий. Целый ряд компаний из группы тяжелой индустрии вообще не выплачивает дивидендов уже ряд лет. К числу таких, между прочим, принадлежит и предприятие почтенного семейства Болдуинов (Baldwins Limited), с капиталом свыше 4 милл. фунт. стерл. Эта фирма не платила дивидендов по обыкновенным акциям (составляющим подавляющую часть всего капитала) с 1921 г.[2]). (Вероятно, поэтому-то мистер Болдуин и жаловался в одной из своих речей в 1925 г. на то, что он-де уже пятый год живет на занятые деньги. Министерского жалованья (5.000 ф. ст. в год) ему хватает, видно, только на «карманные расходы»).

Следующее место после тяжелой индустрии в ряду сильно пострадавших от забастовки занимает *текстильная промышленность*. Дороговизна и подчас абсолютный недостаток топлива присоединились к другим многочисленным трудностям хлопчато-бумажной промышленности, и в результате вывоз пряжи понизился с 189,5 милл. фунт. (1925 г.) до 168,5 милл. фунт., готовых изделий—с 4.434 милл кв. ярдов до 3.894 м. кв. ярдов.

Чтобы не загромождать обзора цифрами, мы ограничиваемся упомянутыми отраслями промышленности.

Концентрированное выражение находит себе влияние забастовки в *оборотах внешней торговли*.

	В милл. фунт. стерлинг. 1925 г.	1926 г.
Ввоз	1.320,7	1.242,9
Вывоз	927,4	797,5
Пассив	393,3	445,4

Вывоз, снизившийся на 16,2% по сравнению с 1925 г., равен, если принять во внимание изменение покупательной силы фунта, всего 67,8% вывоза последнего довоенного года (1913 г.). Экспорт сократился настолько значительно (даже по сравнению с 1925 г.), что пассивность баланса возросла в огромной мере, несмотря на

¹) «Таймс», 1 февраля 1927 г. (Годовой обзор хозяйства, специальное приложение).

²) «Таймс», там же.

очень значительное уменьшение ценности ввоза. Мы уже видели, что по одной угольной торговле получается увеличение пассивности баланса в размере 74 милл. фунт. (уменьшение вывоза на 31 милл. плюс уплаченные за ввезенный уголь 43 милл. фунт.). Это обстоятельство дает обозревателю «Экономиста» повод говорить, что рост пассивности баланса падает целиком на уголь. Ибо, рассуждает он, снижение экспорта в других отраслях (почти во всех без исключения) компенсируется понижением цен на импортные товары, при чем наиболее ярко выражено удешевление хлопка. И отсюда вывод: «...если бы удалось избегнуть промышленной войны (забастовки, сиречь), то последний год был бы свидетелем решительного сокращения пассивности торгового баланса»[1]).

Конечно, это в общем верно. С ценами на важнейшие импортные товары в Англии в 1926 г. действительно очень повезло. На одном хлопке удалось «сэкономить» около 30 милл. фунт. стерл., на пшенице—около 5 милл. фунт. и т. д. по ряду других ввозимых товаров. Но с неменьшим правом можно было бы сказать, что рост пассивности торгового баланса был бы в 1926 г. еще большим, если бы не совершенно исключительное понижение хлопковых цен, ибо рекордный и главное совершенно неожиданный урожай хлопка в Америке (и в других странах) как раз в 1926 г. не менее, если не более, «случайное» обстоятельство, чем стачка горняков.

Как бы то ни было, а рекордный пассив торгового баланса (465,4 милл. фунт. стерл.) впервые с незапамятных времен оказался непокрытым доходами Англии от «невидимого экспорта» (проценты на вложенный за границей капитал, доходы от судоходства и т. д.): 1926 г. *принес Англии пассивный расчетный баланс* (—12 милл. фунт. стерлингов).

Государственный бюджет оказался в напряженнейшем состоянии. С одной стороны, резкое понижение доходов. На первом месте здесь стоит громадный недобор подоходного налога, выразившийся в сумме 20 миллионов фунтов стерлингов или почти 9% от сметного предположения. Но и косвенные налоги (акциз) дали крупное снижение против сметы—8 милл. фунтов или свыше 6%. Расходы, напротив, превысили намеченные почти на 10 милл. фунт. В результате образовался бюджетный дефицит в размере 36,6 милл. фунт. стерлингов. Покрыт он был займом (на сумму 62,2 милл. фунтов), выпущенным правительством в начале 1927 г.[2]).

Влияние забастовки скажется сильным понижением дохода от прямых налогов также в 1927—28 бюджетном году (с 1 апреля 1927 г. и по 31 марта 1928 г.). При составлении бюджета на 1927—28 г. перед Черчиллем встала угроза дефицита, примерно, тех же размеров, что и фактический дефицит 1926—27 г. Потребовался целый ряд трюков для того, чтобы избегнуть этого дефицита, хотя бы на бумаге, в росписи. Важнейший из них—это сбор одного из видов подоходного налога в один срок (1 января) вместо двух сроков (1 января и 1 июля). Таким образом, в ближайшем году подоходный налог в этой части своей будет собран сразу за три полугодия вместо обычных двух: 1 июля

¹) E. C. H., стр. 4.

²) «Economist», 2 апреля 1927 г.

1927 г. поступит взнос за второе полугодие 1926—27 г., 1 января 1928 г.—за оба полугодия 1927—28 г. Эта экстренная мера даст прирост доходов в 14 милл. фунтов. Остающийся после этого дефицит (около 22 милл. фун.) покрывается повышением ставок целого ряда косвенных налогов и введением новых ввозных пошлин.

Все эти новшества очень мало затрагивают интересы буржуазии. Сити встретил новый бюджет со вздохом облегчения. Еще бы, никакого повышения прямых налогов! Не без остроумия характеризуется бюджетное творчество Черчилля либеральным еженедельником «Nation» [1]):

«Бюджет 1927 г... подобно бюджету 1925 г. имеет вид щедрой раздачи пасхальных подарков—что-нибудь для каждого. Ревнителям экономии обещано упразднение трех министерств; сторонникам доклада Кольвина [2])—приличное увеличение фонда погашения государственного долга; протекционистам—букет новых ввозных пошлин; Федерации Британской Промышленности—демонстративный отказ от новых прямых налогов. Только рабочий человек не получает ничего, разве что табак и спички обойдутся ему немного дороже».

Весь этот бюджет, сотканный из компромиссов, очень характерен не только для напряженности английских государственных финансов, но и для политического «текущего момента».

Сокращение расходов, обещанное Черчиллем в 1925 г. решительно не удается и не может удаться. Расходы, напротив, растут из года в год. В 1925 г.—«непредвиденный» расход на субсидию угольной промышленности, в 1926 г.—«непредвиденный» расход в связи с забастовкой. В 1927 г.—опять «непредвиденные» расходы на оккупационную армию в Китае. С другой стороны, источники дохода напряжены до крайности. На повышение прямых налогов буржуазия решительно не согласна. Развернуть же полностью свою программу покровительственных пошлин и увеличения косвенного обложения консерваторы еще не решаются. Прежде, чем сделать это, нужно обезопасить себя от повторения таких явлений, как всеобщая забастовка, над чем консервативное правительство сейчас усиленно трудится (билль о профсоюзах)...

На размерах общего итога убытков от забастовки мы остановимся совсем кратко. Значение его, как универсального показателя, обесценивается не только очень относительной достоверностью всех исчислений такого рода—достаточно указать, что различные оценки колеблются от 250 до 700 милл. фунтов стерл. Дело еще в том, что такой «общий знаменатель», скажем, как падение народного дохода на 15%, скрывает глубокие различия в положении отдельных отраслей хозяйства, без учета которых невозможно оценить ни значения забастовки, ни вообще характера основных тенденций развития английского хозяйства.

К характеристике неравномерности в развитии разных отраслей хозяйства мы и переходим сейчас.

---

[1]) 16 апреля 1927 г.

[2]) Комиссия Кольвина рассматривала вопрос о государственном долге, и большинство ее высказалось за увеличение суммы, ассигнуемой ежегодно на погашение долга, до 75 мил. ф.

«Две нации» в английском хозяйстве.

1926 год—год «великих разочарований». Но к этой сугубо эмоциональной характеристике нужно добавить, во-первых, что «разочарования» были уделом далеко не всех отраслей английского хозяйства, и, во-вторых, что «разочарования», испытанные в 1926 г. экспортными отраслями промышленности, стали хроническими, повторяясь, пусть в менее грандиозных масштабах, почти каждый год, начиная с года великого мирового кризиса 1920—21, обнаружившего истинную природу «хозяйственного оживления» во время войны, а также пышного, но—увы!—кратковременного послевоенного «бума» 1919—20 года.

Обратимся к такому показателю неравномерности, как прибыли промышленных акционерных компаний. Здесь мы наталкиваемся на поражающее с первого взгляда явление: 1.572 компании, вошедшие в статистику «Экономиста», показывают в 1926 г. бо́льшую (на 6,3%) прибыль, чем в 1925 г. [1]). Средний размер дивиденда—11,3% оказался не только более высоким, чем в 1925 г. (10,9%), но и наиболее высоким за все время с кризиса 1921 г., отставая и то лишь очень незначительно лишь от среднего дивиденда за 1913 г. (11,7),—год мощного под'ема,—и от годов военной и послевоенной спекулятивной горячки (1916—1920).

После того, как один из депутатов рабочей партии использовал эти цифры, выступая в парламенте, «Экономист» [2]) раз'яснил еще раз, что данные эти не свидетельствуют о том, что «1926 год был годом процветания» (prosperity) для промышленных компаний, что предприятия тяжелой промышленности и текстильной понесли тяжелые убытки и т. д. Это, конечно, верно, и отрицать это никому не приходит в голову. Но это только указывает на существование отраслей промышленности, загребающих (даже в 1926 г.) такие прибыли, которые с избытком уравновешивают в среднем убытки «потерпевших».

Среди «благополучных» компаний на первом месте стоят нефтяные, каучуковые, чайные и т. п., т.-е. находящиеся вне пределов Англии. Но ими дело не ограничивается. Сюда же относятся производства автомобилей, велосипедов, искусственного шелка, химическая промышленность и др., а также строительное, печатное дело. Значительная часть перечисленных отраслей отличается от металлургии, угольной и текстильной промышленности не только тем, что работает на внутренний рынок, отличаются они так же, как *молодые отрасли от старых*. Число рабочих, занятых в этих молодых отраслях, возрастает в то время, как в старых падает. Как отрасли более молодые, они более современно оборудованы, менее связаны тяжелым грузом старых капитальных вложений [3]). Сосредоточены эти отрасли, главным образом, в средней и южной части Англии, ближе к Лондону. Даже предприятия тяжелой промышленности, находящиеся в этом районе и обслуживающие его, резко выделяются

---

[1]) E. C. H., стр. 6.

[2]) От 12 февр. 1927 г., стр. 317.

[3]) О тормозящем технический прогресс влиянии старых капитальных вложений см. очень интересную работу т. Бессонова «К вопросу о техническом прогрессе при капитализме». Изд. «Прибой», Ленингр. 1927 г.

своим относительным благополучием на фоне общей депрессии в этой отрасли. Так, например, при средней в машиностроении безработице в размере 16,4% на Уэльс падает 33,6%, на Лондон же лишь 6,9%, на юго-восточный район—6,1% [1]). Известна также районная пестрота в угольной промышленности, в частности относительное благополучие ориентированного на внутренний рынок Ноттингемшира, где и был раньше всего прорван фронт горняков (первое районное соглашение).

Различие в судьбах отмеченных двух групп промышленности (назовем их для краткости условно «экспортной» и «неэкспортной»), отчасти совпадающее с делением на два района, дало повод либеральному еженедельнику «Nation» противопоставить их друг другу, как «две нации» (статья под таким заглавием в № от 7 августа 1926 г.) наподобие того, как Дизраэли (в бытность свою «социалистом»-консерватором) противопоставлял «две нации»—богачей и бедняков.

Депрессия экспортных отраслей промышленности носит после войны, как отмечено, хронический характер. Это заставляет искать в явлении какую-то закономерность.

Официальное, официозное и вообще распространенное английское об'яснение этой депрессии сводит все затруднения к причинам мирового и общеевропейского характера. Так «об'яснялась» депрессия в 1924 г., так она об'ясняется в отчетах специальной комиссии Бальфура.

Наконец, и совсем недавно английские делегаты на международную экономическую конференцию в Женеве, изложившие по предложению председателя конференции в краткой форме свой взгляд на «основные черты проблемы с точки зрения отдельных стран» (§ 1 первой части порядка дня), писали:

«...Благосостояние Великобритании тесно связано с прогрессом мировой международной торговли... Неудивительно поэтому, что, несмотря на сравнительное изобилие капиталов и на относительную устойчивость нашей денежной системы, наша страна серьезно пострадала от удара, наносимого международной торговле войной и ее последствиями» [2]).

Под ударами, нанесенными международной торговле войною, можно понимать две различные вещи. Во-первых, общее сокращение мирового спроса (падение покупательной силы), во-вторых, перераспределение источников удовлетворения спроса, нарождение новых промышленных центров. К этой последней категории относятся такие явления, как усиление так наз. «экономического национализма», т.-е. рост самоснабжения ряда стран, до войны являвшихся покупателями немногочисленных мировых мастерских, в частности и в значительной мере Англии, или же перенесение ими своих покупок из Англии (и других европейских стран) в Америку и страны Тихого океана (Япония).

Перед нами два явления различного порядка: замедленный темп роста хозяйства в мировом масштабе и неравномерность развития отдельных стран, принявшее после войны форму так наз. «деевропеизации» мирового хозяйства.

---

[1]) Данные Ministry of Labour Gazette, ноябрь 1926 г. (по «Nation» 27 ноября 1926 г., стр. 291).

[2]) «Economist», 30 апреля 1927 г. (Econ. Conference Suppl, стр. 1).

Абсолютное сокращение производства (и спроса) в мировом масштабе можно констатировать для 1925 г. только в отношении судостроения. Все остальные отрасли показывают (в мировом итоге) большие цифры, чем до войны (вплоть до тяжелой промышленности). Поэтому сокращение мирового производства, о котором можно было говорить, как о причине английских затруднений, скажем в 1922 или в 1923 г., сейчас отпадает. Напротив, неравномерность развития отдельных стран есть безусловный факт, но факт не об'ясняющий, а подлежащий об'яснению для каждого отдельного случая отставания той или иной страны в борьбе со своими конкурентами. Таким образом, вопрос о причинах затруднения английского экспорта, сводится к вопросу об ослаблении конкурентной способности английской промышленности.

Мы не можем останавливаться на подробном анализе всех элементов, из которых слагается себестоимость изделий английской промышленности, и на сравнении их с издержками производства в других странах, в различных отраслях промышленности. Сами английские промышленники, подобно всем своим иностранным коллегам, любят ссылаться на разного рода «независящие» обстоятельства: бремя налогов, бремя высоких социальных расходов, бремя относительно высокой заработной платы, преимущества на стороне ряда конкурентов, в виде высоких таможенных тарифов и падающей валюты и т. д.

В каждой из этих жалоб есть какая-то доля истины, какая именно, определить чрезвычайно трудно. Но всему этому можно противопоставить также преимущества, которыми располагает английская промышленность по сравнению со многими своими конкурентами (например, возможность широкого использования дешевого водного транспорта тяжелой промышленностью). Во всяком случае все отмеченные моменты недостаточны для об'яснения столь резкого сокращения английского экспорта, какое мы наблюдаем. Над всем этим безусловно нужно поставить совершенно неоспоримую техническую и организационную отсталость английской промышленности и слабую способность ее преодолевать эту отсталость.

О технической и организационной отсталости углепромышленности у нас писалось уже довольно много. Мы дадим здесь некоторые сведения о судьбах хлопчато-бумажной промышленности. Депрессия тяжелой индустрии, вызывающая мощные социальные конфликты, как бы заслоняет собою хлопчато-бумажную промышленность, затруднения которой не менее, если не более значительны. Эта отрасль не привлекает к себе столь широкого общественного внимания именно потому, что в ней приспособление к депрессии приняло особую форму. Нормальная безработица в этой отрасли (берем среднюю за 1925 г.) 8,3%, т.-е. значительно ниже, чем, напр., в угольной (15,8%), железной (20,3%), стальной (25,5%) или судостроительной (34,1%). Об'ясняется это системой работы с простоями, практикуемой ланкаширскими фабрикантами уже ряд лет. Работающие сокращенное время не учитываются в приведенной выше цифре безработицы. Сама работа с простоями вызвана тяжелым кризисом сбыта английских хлопчато-бумажных изделий. Экспорт ланкаширских изделий уже 7 лет под ряд держится на уровне от 61% до 66% нормы 1913 г. Если исключить из расчета более тонкие изделия и оставить

только группу, работающую на американском и индийском хлопке, то потеря экспорта окажется еще значительно большей—45%, почти половина.

И это ни в какой мере не может быть приписано мировому понижению потребления. Английская хлопчато-бумажная промышленность теряет свои рынки, несмотря на рост мирового потребления. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть две колонки цифр [1]):

Годы	Мировое потребление хлопка (в милл. кип).	Англ. экспорт готов. хлопч.-бум. изделий. Миллионы квадр. ярдов.
1913	23.000	6.750
1921	17.595	2.902
1922	22.167	4.182
1923	22.143	4.140
1924	20.430	4.444
1925	23.294	4.434
1926	24.681	3.834

Система работы с простоями, уменьшая конкуренцию между английскими фабрикантами (и то лишь поскольку соблюдается дисциплина, и соглашение не нарушается) и препятствуя еще большему падению цен, ни на йоту не увеличивает конкурентной способности английской хлопчато-бумажной промышленности на внешних рынках.

В результате такой политики, только увеличивающей накладные расходы, «скорость, с которой Ланкашир теряет свои рынки, ограничена исключительно той скоростью, с которой другие страны могут увеличивать число своих веретен».

Перед лицом такой отсталости и косности Кейнс патетически восклицает: «Что случилось с ними, с тем классом, которым одно или два поколения назад мы могли по праву гордиться? Стары они слишком или слишком упрямы? Или не в том ли уж дело, что слишком многие из них стоят не на своих ногах, а на плечах своих отцов и дедов? В отношении шахтовладельцев - все это, пожалуй, верно. Но что сказать о наших ланкаширских ребятах, гордости Англии?»

Когда Кейнс предложил этим «ребятам» образовать картель, то большинство из них пришло в священный трепет. Впрочем, Кейнс сам правильно отмечает, что для «всякого движения вперед существенно необходимы симпатия и поддержка со стороны банков». Если капиталы необходимы для организационной перестройки хлопчато-бумажной промышленности, то тем более они необходимы для тех отраслей, которые нуждаются в радикальной технической реорганизации.

(Окончание следует).

---

[1]) Данные International Cotton Federation (по «Nation» от 13 ноября 1926 г., статья Кейнса,—«The Position of the Lancashire Cotton Trade»).

М. Танин.

Англо-советский разрыв и проблема единого империалистского фронта.

Антисоветский фронт внутри Англии.

Провокационная политика английских консерваторов по отношению к СССР, завершившаяся разрывом торговых и дипломатических отношений с СССР, уже нашла достаточно полное и яркое освещение в нашей ежедневной печати. Меньше писалось у нас о политике либералов и рабочей партии. Между тем выявление позиции этих партий необходимо для того, чтобы уяснить себе вероятные ближайшие перспективы англо-советских отношений (точнее говоря отсутствия всяких отношений) и единого антисоветского фронта внутри Англии, как исходного пункта для создаваемого английским империализмом такого же фронта в международном масштабе.

Что касается либералов, то следует констатировать, что в их позиции по отношению к СССР с 1921 г. произошла крупная перемена—она стала значительно враждебнее. Тогда либералы дружно требовали установления нормальных отношений с СССР; тогда в либеральной печати можно было находить не мало статей, написанных в тоне сочувствия российской революции; тогда Ллойд Джордж верил в то, что общение с высокоцивилизованной английской демократией (и ее дипломатами) может оказать на большевиков благотворное влияние и толкнуть их на путь раскаяния. Теперь—не то. Теперь либеральная печать тоже принимает участие в травле СССР; Ллойд Джордж мало верит в отмирание большевизма; теперь ему чудится угроза Британии со стороны СССР, и он не знает, как быть с «русским вопросом». С одной стороны, он, солидаризируясь с Чемберленом и Джойнсон-Хиксом заявляет, что «правительство не может отступать перед имеющимися в его руках доказательствами» и что он сам, быть может, потребовал бы от советского правительства отозвания Хинчука, но с другой—он предостерегает правительство:

«То, что теперь у нас сделано, я считаю делом исключительной серьезности, это почти ввязывает нас в войну с державой, у которой сто миллионов (по обыкновению плохая информация о СССР—не 100, а около 150 миллионов. *М. Т.*) населения, которая занимает громадную территорию в Европе и Азии и соприкасается с нами во столь многих пунктах. Это одно из самых рискованных и азартных решений, которые когда-либо принимались правительством».

«Английское правительство порвало отношения с Россией. Подумало ли оно о том, как ему придется эти отношения возобновлять. Английское правительство сможет возобновить эти отно-

шения лишь по приглашению русского правительства. Чего же английское правительство ждет? Ждет оно Романовых?»

И, впадая в ораторский раж, Ллойд-Джордж, потрясая кулаками, бросает в лицо членам правительства: «у вас большинство—да и только—ума вы совершенно лишились!»

Когда же дело доходит до голосования, часть либералов голосует за разрыв их же лидерами налаженных англо-советских отношений, а другая часть демонстрирует свою полную беспомощность, воздерживаясь от голосования.

Что означает эта сдача либералами своих позиций в «русском вопросе»? Что *английская мелкая буржуазия в страхе перед банкротством империи и социальной революцией, очагом которой является СССР, бросается в об'ятия «твердокаменной» партии буржуазии, консервативной партии.*

То же относится, в общем, и к руководящей верхушке профсоюзов и рабочей партии, позиция которой немногим разнится от позиции либеральной мелкой буржуазии. И правые Томасы и Гендерсоны, и Макдональды и «левые», Хиксы и Персели, Бен-Тернеры дрожат над судьбой «их» империи. И им так же, как и Болдуину и Ллойд Джорджу, грозит «большевистская опасность» в виде молодой энергичной английской компартии, и они жалуются на вмешательство Коминтерна во «внутренние дела Англии». И если в 1919—1921 гг. они как будто энергично выступали за полный мир с СССР, то это об'ясняется давлением со стороны «низов», проявлявших тогда усиленную революционную активность. Теперь во время кризиса англо-советских отношений вожди рабочей партии упорно саботировали такое, казалось бы, элементарное предложение компартии, как увязывание кампании против разрыва с законом против профсоюзов и интервенцией в Китае, предложение—констатировать бесспорный, ясный, как день, факт органической увязанности атак буржуазии на этих трех участках общего контрреволюционного фронта. Нет, они даже на это не пошли. А их речи в парламенте? За исключением представителя левого крыла независимой рабочей партии Мекстона, открыто солидаризировавшегося с СССР, никто из них ни одним словом не обмолвился о сочувствии рабочему государству, подвергающемуся нападению со стороны британского империализма. Наоборот, оправдываясь перед консерваторами, они всячески афишировали свою ненависть к коммунизму, и весь вопрос—вопрос провозглашения британским империализмом крестового похода против пролетарского государства—ставили так: выгоден или не выгоден разрыв британской торговле и, вообще, британской империи, правильна или неправильна *процедура* «суда» правительства его величества над советским правительством (*прав* налетчиков на роли судей рабочие вожди не оспаривают!). Весьма типичным в этом смысле является выступление Клайнса. Его речь поистине заслуживает того, чтобы быть внесенной в летописи истории, как яркий образчик предательства и мещанской пошлости, проявленной соглашательскими лидерами рабочей партии в поворотный момент борьбы мировой контрреволюции и мировой революции.

«Насколько я понимаю,—заявил Клайнс на заседании палаты 26 мая,—позиция правительства в этих вопросах такова: Россия на скамье подсудимых. (Аплодисменты на скамьях консерваторов). *Мы принимаем эту позицию,* но мы требуем, чтобы в этом вопросе Россию не осуждали без суда. Мы не хотим признать ни виновность, ни невиновность России. (Смех на скамьях консерваторов). Рабочая партия требует, чтоб в этом случае не был вынесен приговор о виновности раньше, чем будет произведено беспристрастное и достаточно полное обследование обвинений, выдвинутых против советского правительства. Нет сомнений, что коммунистическая пропаганда имеет место не только в нашей стране, но и в других частях мира. Партия, которая более всего пострадала от этой пропаганды, это—именно рабочая партия. (Аплодисменты на скамьях рабочей партии). Всеми средствами, находящимися в ее распоряжении, рабочая партия боролась против целей коммунистов, против коммунистической политики и коммунистических методов. Рабочая партия порицала и разоблачала всякое доказанное нарушение русским правительством любого договора или соглашения между обеими странами. Рабочая партия не прощала неправильных действий и требовала от обоих правительств честного и неукоснительного соблюдения взятых на себя обязательств».

Неудивительно, право, что во время этого выступления консерваторов разобрал веселый смех: «Мы не хотим признать ни виновности, ни невиновности России»—это поистине жалкая смехотворная позиция точно так же, как заявление о признании компетенции суда консервативного правительства, которое, по заявлению самого Клайнса, «усовершенствовалось в деле подлогов» над советским правительством. Если же представитель «рабочей» фракции находит слова осуждения для консерваторов, то только потому, что они «подражают коммунистическим методам» и наносят ущерб английской торговле.

«Методы, применяемые правительством,—продолжает Клайнс,—по существу своему являются по возможности близким подражанием коммунистическим методам. Правительство делает прекраснейшую в мире рекламу коммунистам. Таким путем нельзя победить пропаганду. Если принимаются такие политические и дипломатические меры, то невозможно, чтобы торговля продолжалась так, как если бы ничего не произошло. Вы не можете обращаться с нацией, как с отверженной, и об'являть ее нечестной с партийных трибун и в то же время предполагать, что торговля между обеими странами будет развиваться. Положение нашей промышленности но таково, чтобы мы могли легкомысленно позволить себе оттолкнуть от себя возможного покупателя или вести такую политику, которая отдаляла бы еще больше от нас этот огромный рынок—140-миллионного народа. (Аплодисменты на скамьях рабочей партии). Рабочая партия, внося свою резолюцию, руководится столь великой заботой о благосостоянии страны, какую не могла бы проявить никакая другая партия в палате».

В таком же духе выступал Гендерсон, которого консерваторы обвиняли в «страшном преступлении»—разговоре с т. Розенгольцем, явившимся в момент налета в парламент к лидеру рабочей оппозиции, после того, как он не мог добиться свидания с Чемберленом.

Единственное, что Гендерсон мог сказать в свое оправдание за «преступный» разговор с советским представителем в момент, когда англо-советские отношения уже висели на волоске, было следующее заявление:

«Разве мое поведение является неконституционным? Я всегда думал, что долг политического деятеля точно так же, как долг джентльмена, обращаться как с джентльменом со всяким, кто хочет сделать вам заявление».

Что же касается разрыва, то Гендерсон высказывается против него потому, что в результате его «пропаганда станет еще более сильной и опасной».

Венцом этой предательской тактики парламентской фракции рабочей партии была резолюция, *не содержавшая даже выражения недоверия правительству.* В резолюции только указывается, что разрыв «будет иметь серьезные международные последствия и преградит подававший надежды путь к восстановлению торговли и промышленности». Поэтому, умозаключают «рабочие трибуны» в парламенте его величества, в такую политику «страна не должна была бы вовлекаться до тех пор, пока палате общин не будет представлен полный отчет избранной ею комиссии, основанной на изучении всех относящихся к делу документов». Но так как большинство в такой комиссии составляли бы хозяева положения в парламенте—благодаря подложному письму Зиновьева—консерваторы, имеющие в руках и всю правительственную машину, то она вероятнее всего оправдала бы разрыв—вот к чему свелось бы действие резолюции «рабочей фракции», если бы она была принята!

Немногим лучше было отношение Генерального совета трэдюнионов и независимой рабочей партии. Правда, секретарь Генсовета Ситрин отправил Болдуину письмо, в котором протестовал против «обращения столь упрощенного характера» (другой характеристики провокационного налета в лексиконе «левых» не имеется) с представителем СССР и требовал сохранения в силе торгового соглашения и дипломатических отношений с советским правительством, необходимых в интересах мира и являющихся «средством существенно облегчить тяжелое положение, вызванное очень большой безработицей». Но никакой попытки мобилизовать рабочие массы в защиту СССР против нападения английского империализма Генсовет не предпринял. Несколько дальше пошел председатель Генсовета Джордж Хикс, у которого хватило смелости присутствовать на завтраке в честь уезжающих членов полпредства и торгпредства, устроенном англо-русским парламентским комитетом, к величайшему негодованию твердолобых, в стенах парламента, освещенного вековыми традициями великобританского империализма. Хикс заверил советских представителей, что будет раз'яснять английским рабочим истинный смысл разрыва, и подчеркнул, что говорит уезжающим не «прощайте!», а «до свидания!» Председатель Генсовета, а также секретарь Ситрин, Бен Тиллет, Роберт Вильямс, Уолход, Ленсбери и даже Артур Гендерсон вместе—о, ужас!—с коммунистами Гарри Поллитом и Саклатвала присутствовали также на проводах на вокзале, где поезд с высланными «советскими шпионами» тронулся в путь под звуки «Интернационала» и «Красного флага».

Как бы ни относиться к генсоветчикам, нельзя отрицать того факта, что такая политическая демонстрация имеет большое политическое значение. Она окончательно портит игру консерваторов, которые пытаются инсценировать «всенародное возмущение» большевистскими интригами, она демонстрирует перед всем миром тот факт, что сочувствие английского рабочего класса

по отношению к СССР настолько глубоко, что даже проституированные рабочие лидеры, отдавая дань настроениям масс, открыто солидаризируются с дипломатическим представителем той страны, с которой правительство их страны об'являет дипломатическую войну—прелюдию к настоящей войне.

Для полноты картины следует еще отметить позицию наиболее левых (не считая коммунистов) деятелей английского профдвижения, представителей столь близкого пролетариату СССР союза горняков. Хотя состоявшаяся вскоре после разрыва (3 июня) конференция союза горняков, согласно старым добрым традициям английского трэд-юнионизма, обошла молчанием политические вопросы, в том числе вопрос о разрыве англо-советских отношений, она все же подтвердила свою солидарность с трудящимися СССР, одобрив доклад председателя союза Смита об организационном контакте с союзом горняков СССР. А секретарь союза Кук в беседе с представителем «Юманите» в весьма определенных выражениях выявил свое отношение к политике «твердолобых». «Чемберлен не добьется того, на что он надеется,—заявил Кук,—английские рабочие помнят несравненную помощь, оказанную им советским пролетариатом во время 8-месячной забастовки. Рабочие Англии и СССР—друзья. Английские рабочие понимают, что джингоистский кабинет выступает против их друзей».

Двигаясь дальше влево, мы подходим к отношению английской компартии к разрыву. Не имея возможности подробнее остановиться на этом вопросе, укажем только, что английская секция Коминтерна в этот критический момент целиком исполнила свой пролетарский долг. Она об'явила беспощадную борьбу не только «твердолобым», но и, если можно так выразиться, «безлобым», безмозглым лидерам английского рабочего движения, неспособным уяснить себе движущие силы антисоветской политики консерваторов.

«Макдональд, Гендерсон, Клайнс, Томас, Хикс и К°,—говорится в воззвании компартии,—которые сегодня удерживают рабочих от борьбы против подготовления Болдуина к войне, завтра превратятся в сержантов—вербовщиков Болдуина». Воззвание далее указывает, что борьба против войны требует в свою очередь усиления и поддержки боевых элементов рабочего класса, компартии, движения меньшинства и комсомола. Воззвание выдвигает лозунги: «Советы действия для предотвращения войны против СССР, Китая и английского рабочего движения». «Долой реформистский саботаж всеобщей забастовки, подготовляйте превращение войны против социалистической России в войну против английского капитализма».

Это воззвание, как говорят немцы, бьет прямо на шапке гвоздя. Но дело, конечно, не только в правильной классово-революционной формулировке: английская компартия, несмотря на свою молодость и малочисленность, отнюдь не является замкнутой революционной сектой: она зубами, руками и ногами вцепилась в рабочее движение, от которого Гендерсоны, Макдональды и Перселли всеми силами хотят ее оторвать: упорной повседневной борьбой за повседневные интересы рабочего класса она завоевала себе права гражданства в массовых организациях рабочего класса, рабочей партии, профсоюзах, движении меньшинства и т. д. Она *уже* оказывает немалое влияние и идеологическое воздействие на рабочие массы, и во время кризиса она развила широкую

агитационную кампанию в массах, подталкивала левых и правых, служила дрожжами во всем движении протеста против разрыва.

Но, помимо видимых результатов противодействия английского рабочего класса провокационной политике консерваторов по отношению к СССР, следует иметь в виду и его невидимую скрытую помощь, которая выражается в глухом отпоре правительству, в постоянном нажиме, дающем понять Чемберлену, что чересчур будоражить рабочую Англию антисоветскими провокациями далеко не безопасно...

Правда, противодействие пролетариата недостаточно для того, чтобы свалить консерваторов. Более того, если бы даже на ближайших выборах к власти пришла рабочая партия (сама или в коалиции с либералами), то она не могла бы удержаться у власти и снова уступила бы место консерваторам. Камнем преткновения для нее был бы опять-таки «русский вопрос». Почему? Потому, что основой идеологии рабочей партии является защита интересов британского империализма; защита же его грабительских эксплоататорских рабовладельческих интересов предполагает агрессивную борьбу против силового центра всемирного революционного движения пролетариата, колониальных и полуколониальных стран. Гг. Макдональды и Томасы, конечно, не прочь приложить руку к такой борьбе (это доказал кратковременный опыт рабочего правительства). Но они в то же время учитывают, что такие действия окончательно разоблачат их роль в глазах пролетариата. Вот почему они не смогут долго оставаться у власти. Это—одна сторона вопроса; другая—состоит в том, что буржуазия (опять-таки по примеру ее отношения к рабочему правительству Макдональда) в момент кризиса английского империализма ни за что не согласится на долгое время оставить у власти представителей рабочей партии, которые, будучи подвержены давлению со стороны пролетариата, не смогут вести достаточно решительную, «выдержанную» и «последовательную» с точки зрения буржуазии политику по отношению к СССР. Буржуазия поэтому сплотила бы все свои силы как консервативного, так и либерального лагеря и снова свалила бы рабочее правительство, которое, опасаясь стать на путь революционной борьбы, вынуждено будет капитулировать.

Но это уже вопрос будущих перспектив. Что же касается положения в настоящее время и в самом ближайшем будущем, то трезвый учет—на основании всех вышеизложенных фактов—способов реагирования на разрыв со стороны различных секторов рабочего движения дает нам право утверждать, что английской буржуазии не так легко будет решиться на военную авантюру против СССР. Если же—что весьма вероятно—она в конце концов, под давлением «твердолобых», на это пойдет, то будет иметь величайшие затруднения со стороны пролетариата. Ведь английский пролетариат теперь не тот, что 13 лет назад—в 1914 году и отношение его к СССР отнюдь нельзя сравнивать с отношением к империалистической Германии. И мы имеем все основания надеяться, что в случае новой войны или интервенции английского империализма против нас, мы помощь от английского пролетариата получим, и эта помощь сыграет огромную роль в ходе борьбы.

Удалась ли английскому империализму основная цель разрыва—создание или ускорение создания единого антисоветского фронта империалистических государств?

Это—центральный вопрос нашего международного положения в настоящий момент, а потому в нем нужно разобраться со всей тщательностью и конкретностью, исследуя его по отдельным странам. Однако, прежде чем приступить к такому анализу, нужно сказать, что, вообще говоря, такой фронт вполне возможен, ибо растущая мощь нашего Советского Союза и связанный с этим фактом бурный рост национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах наводит панику на мировую буржуазию и толкает ее к преодолению внутренних противоречий и об'единению всех своих сил против СССР. Этого основного, элементарного фактора всей международной политики отрицать никак невозможно и питать какие-либо иллюзии на сей счет было бы опасно. Но проблема единого антисоветского блока в ее реальной, конкретной постановке связана с моментами времени, количества (число участников) и качества (боеспособность). А если так подойти к вопросу, то картина получается несколько иная.

Посмотрим, как реагировали отдельные страны на разрыв и какие политические тенденции по отношению к СССР намечаются в них на ближайшее время.

Италия. Начнем с той страны, которая за последние приблизительно два года теснее других связалась с антисоветской политикой британского империализма—фашистской *Италии*. Накануне разрыва фашистская печать в связи с китайскими событиями заняла вызывающую позицию по отношению к СССР. Она открыто предлагала свои услуги Англии, выдвинув план поддержки английской интервенции в Китае и идеи активного участия в антисоветском блоке. А во время налета орган Муссолини «Тэверо» многозначительно писал:

«Англо-советский разрыв заново поставит на очередь проблему взаимоотношений Советского Союза с другими западными державами. Следует окончательно выяснить, окажется ли необходимым создание единого антисоветского фронта, к которому стремятся некоторые круги—иначе говоря, близится ли борьба различных политических и экономических принципов в общеевропейском масштабе или дело сведется лишь к продолжению в новых условиях исторической англо-русской борьбы. Окажемся ли мы в роли наблюдателей или действующих лиц, во всяком случае не можем относиться к англо-советскому столкновению безразлично».

Хотя это написано как будто в «порядке постановки вопроса», истинный смысл статьи органа Муссолини разгадать нетрудно—она во всяком случае не говорит о дружественной политике по отношению к СССР.

После разрыва мы, однако, видим и некоторые факты противоположного порядка: итальянский посол в Москве Черутти, как будто открыто пренебрегая тем, что скажут в Лондоне, посещает наркомторга т. Микояна и ведет с ним переговоры относительно получения для итальянской промышленности тех заказов, которые до разрыва предполагалось поместить в Англии. Орган деловых кругов «Мессоджеро» подчеркивает желательность использования итальянским капиталом англо-советского разрыва в целях усиления итальянско-советской торговли. А Арнольдо Муссолини—брат и соратник фашистского диктатора, помещает в официозе «Пайола д'Италиа» статью, в которой выражает свой скептицизм по отно-

шению к осуществимости плана антисоветского блока и как будто рекомендует Италии осторожную, наблюдательную политику. «Фашистская Италия,—пишет А. Муссолини,—преодолевая большевистскую опасность, может занять позицию наблюдателя антибольшевистского похода, в котором, впрочем, отсутствует конкретный план политического действия... Каждое государство должно произвести у себя антибольшевистскую чистку, но было бы несправедливо и опасно преследовать большевизм в его собственной стране».

Это пишется в тот момент, когда английская правительственная печать с удовольствием и как будто основываясь на чем-то, уверяет, что Италия в скором времени последует примеру Англии. Что сие означает? Всякий, присматривающийся к политике Муссолини, в этих зигзагах итальянской дипломатии не усмотрит чего-либо странного или противоречивого. *Вся эта игра означает, что Бенито Муссолини торгуется с Чемберленом.* Статью Арнольдо Муссолини ни в коем случае не следует расценивать, как принципиальный отказ фашистского империализма от участия в антисоветском блоке. Она лишь сводится к шантажированию Англии, к запрашиванию у нее высокой цены за участие в блоке. Но даст ли Англия требуемую цену? На это ответить нелегко, ибо тут мы уже попадаем в порочный круг противоречий политики окружения. Та дипломатическая поддержка, которую требует Муссолини, должна ударить по Франции, против которой направлена фашистская экспансия.

Франция. Привлечь такой ценой Италию к антисоветскому блоку значит отдалить Францию. Тут мы подходим к политике Франции. Франция, как антисоветская сила, имеет для Англии большее значение, чем Италия. Момент англо-советского разрыва как раз совпадает с приездом в Лондон французского президента Думерга и министра иностранных дел Бриана. Близкая к Чемберлену «Дэйли Телеграф» по поводу предстоящих переговоров писала, что в них «может быть затронут вопрос о большевистской угрозе и параллельно с этим—вопрос о мерах борьбы с разрушительной коммунистической пропагандой». Расшифровать это замечание нетрудно: Англия намеревалась договориться с Францией о создании единого фронта против СССР.

Не приходится закрывать глаза на тот факт, что нынешние политические настроения французской буржуазии благоприятствуют такому сговору. События в Китае усилили в ее рядах тревогу за Индо-Китай и другие колонии. Паника обуяла одинаково как партии правого национального блока, так и левого блока. Министр внутренних дел, радикал Сарро, выдвинувший лозунг: «коммунизм—вот враг», возглавляет поход против компартии: группа депутатов-коммунистов предается суду; производятся аресты среди видных деятелей компартии в поисках виновников какого-то таинственного «заговора». Сарро, как раз в момент англо-советского разрыва, выступает в камере депутатов с речью, в которой обрушивается на козни Москвы. Официоз «Тан» приветствует лондонский налет, как «доведение до логического конца разумной защиты от интриг Москвы», и высказывается за солидарность «демократических» (читай—буржуазных) стран в борьбе с «большевистской опасностью». На ряду с этим идут разговоры об «омоложении» и «обновлении» англо-французского согласия, которые, без сомнения, и вызвали недовольство в Италии и явились причиной на-

строений, выраженных в статье А. Муссолини. Но и во Франции мы на ряду с враждебными СССР течениями видим и стремления к сближению. Судя по сообщениям печати, визит президента Думерга и Бриана в Лондон, несмотря на все толки об «омоложении» англо-французской Антанты, «серебряной свадьбе Антанты» и проч., и проч., не дал значительных результатов. Бриан, повидимому, дал Чемберлену лишь общего характера заверения насчет согласования действий по борьбе с «большевистской опасностью», но не взял на себя никаких определенных обязательств в вопросе об участии в антисоветском блоке. Такой же половинчатый характер носит французское официозное сообщение по поводу посещения Чичериным Пуанкаре и Бриана.

«Французскому правительству,—гласит это сообщение, — не приходилось до сего времени ставить перед собой вопрос об изменении отношений, существующих между Францией и Россией, и оно не возьмет на себя инициативы в этом направлении, если только не будет вынуждено к этому новыми обстоятельствами». Это «если» не носит, конечно, особо дружественного характера, но факт налицо: со стороны Франции английское правительство пока ожидаемой прямой поддержки не получило. Любопытно также, что Бриан счел нужным смягчить выпад Сарро, заявив, что в представленной на предварительное рассмотрение кабинета речи министра внутренних дел атака была направлена не против «Москвы» вообще (т.-е. советского правительства), а против Коминтерна. При этом, однако, Бриан добавил, что если бы вмешательство советского правительства во внутренние дела Франции было доказано, то он не преминул бы принять соответствующие меры.

Эти благоприятные для СССР тенденции определяются следующими причинами: 1) французский империализм заинтересован в ослаблении английской гегемонии, 2) Англия не может дать Франции требуемую ей цену за присоединение к антисоветскому блоку, т.-е. отойти от Италии и прекратить оказывание частичной поддержки Германии в вопросе об эвакуации Рейнской области и снятии контроля с германских вооружений, 3) переговоры с советским правительством показали возможность регулирования вопроса о долгах, играющего первостепенную роль в франко-советских отношениях (если верить французским данным, в аннулированных царских бумагах заинтересовано около 3-х миллионов французских граждан), 4) быстрая послевоенная индустриализация Франции толкает ее в сторону рынка СССР, 5) левый блок, оказывающий постоянное давление на правительство Пуанкаре, настроен против политики авантюр по отношению к СССР. Что пролетариат, находящийся под сильным влиянием компартии, не дает распоясаться воинствующим антисоветским элементам—это и без об'яснений понятно.

Против всех этих благоприятных факторов действует огромная сила—сила ненависти крупной и немалой части мелкой буржуазии против страны большевизма и ее влияния на судьбы французской «республики-империи», владеющей колониальным населением в 60 миллионов человек, при населении собственно Франции лишь в 40 миллионов. Недооценивать значения этого фактора было бы грубейшей ошибкой. Он нейтрализует моменты, благоприятствующие сближению с СССР, и при определенном стечении обстоятельств может склонить чашу весов в сторону

враждебной политики по отношению к СССР. Следует к тому же иметь в виду специфические отношения, существующие между Францией и Польшей. Несмотря на отклонение линии польской внешней политики в сторону Лондона, Париж все еще смотрит на Польшу, как на оплот своего влияния на Востоке, в частности, как на союзника против Германии. Вот почему, если бы английскому империализму удалось бросить Польшу против СССР и поставить перед лицом совершившегося факта Францию, то последняя активно помогала бы Польше.

(*Продолжение следует*).

К. Таболов.

О национальной культуре, об украинизации и о литературной истерике Ваганяна и Ларина.

За последнее время национальный вопрос снова приковывает к себе внимание партии и трудящихся нашей страны. Острота национального вопроса имеет в своей основе следующие причины: во-первых, многонациональность нашего Союза и огромный контраст в ступенях развития отдельных народностей. Во-вторых, рост мелкобуржуазных и буржуазных элементов в стране, что совершенно верно отметил т. Бухарин в своей речи на последней ленинградской губпартконференции. В-третьих, ныне значительно обостряет национальный вопрос безработица. В-четвертых, как результат отмеченных причин, наблюдается усиление великодержавного шовинизма и местного национализма. В-пятых, нынешняя острота национального вопроса в известной степени есть болезнь роста, своеобразный результат огромных культурных успехов.

Все перечисленные обстоятельства требуют прежде всего правильного решения национального вопроса в повседневной работе, подробного освещения имеющегося опыта. Затем перед нами уже встает целый ряд общих проблем национального вопроса и их решение с точки зрения задач строительства социализма.

Два литератора взяли на себя задачу намечения методологических принципов национальной политики пролетариата в данный период (В. Ваганян) [1]) и освещения практического проведения в жизнь решений партии по национальному вопросу (Ю. Ларин) [2]). Первый взялся за «теорию», второй—за «практику».

Разбору взглядов этих двух авторов посвящена настоящая статья.

Ваганян и его фокусы с национальной культурой.

Ваганян ошибается и путается в вопросах культуры. Однако тактик он не глупый. Он понимает, что ныне неудобно выступать против решений партс'ездов и отдельных партруководителей. Некоторые общеизвестные документы, посвященные как раз разбираемому вопросу и противоречащие его взглядам, Ваганян обходит гробовым молчанием. Наш автор воскрешает из мертвых Ноя Жордания, Отто Бауэра, культурно-национальную автономию австрийцев, национализм Бунда, грехи кавказских ликвидаторов и

---

[1]) Ваганян. «О национальной культуре». ГИЗ. 1927 г.

[2]) Ларин. «Об извращении при проведении национальной политики». «Большевик» № 23—24 за 1926 г. и № 1 за 1927 г.

многое др., чтобы под видом борьбы против оппортунистов всех времен и народов доказать ошибочность и вредность национальной политики партии. Хорошая тактика, нечего сказать.

Существа полемики т. Ваганяна с австро-марксистами, кавказскими ликвидаторами и Бундом мы не будем касаться. Это завело бы нас слишком далеко. Да и Ваганян тут ничего нового не дает по сравнению с той критикой этих течений, которую давно дали Ленин и Сталин. Нас больше интересуют собственные положения Ваганяна. Начнем с центрального вопроса, с определения национальной культуры.

«*Под национальной культурой*,—пишет Ваганян,—*следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии*» [1]). Нельзя говорить о национальной культуре независимо от буржуазной культуры. Национальная культура неотделима от буржуазной культуры, национальная культура есть псевдоним капиталистической культуры—вот что следует из утверждения Ваганяна. Но верно ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, что такое буржуазная культура и культура национальная.

Буржуазную культуру определить нетрудно. Она состоит, как и всякая культура, из материальных и духовных элементов и направлена к укреплению классового господства буржуазии, к подавлению (путем принуждения и убеждения) сопротивления эксплоатируемых классов. Так можно сформулировать буржуазную культуру.

Совершенно ясно, что выяснение буржуазной культуры ровно ничего не говорит о культуре национальной. Ваганян бросил формулировки, не потрудившись сколько-нибудь растолковать их. Нам же нужно ответить на вопрос, что лежит в основе каждой национальной культуры в отличие от других, что делает ее национальной.

Теперь формулируем понятие национальной культуры. Она включает в себя элементы материальной и духовной культуры, отличные по своему строению, а не классовому содержанию от тех же элементов других наций. В основе национальной культуры лежат своеобразные условия жизни данной нации в смысле географическом, развития производительных сил, пропорция культур различных формаций, нравы, обычаи и пр. и, наконец, в известной степени национальный язык.

Это определение не может претендовать на абсолютную точность, но оно включает те основные элементы, из которых складывается национальная культура.

Теперь из простого сравнения того, что есть классовая культура буржуазии, и того, что обнимает понятие национальной культуры—очевидно, как недопустимо отождествлять одну с другой, ставить между ними знак равенства.

Практический вывод, который непосредственно вытекает из отождествления буржуазной и национальной культур заключается в том, что пролетарская революция, уничтожив господство буржуазии и ниспровергнув капиталистическую культуру, должна ниспровергать и национальную культуру. Вот почему Ваганян ратует против национальной культуры—это корень его вредной «социологии» по национальному вопросу.

[1]) Ваганян, стр. 51. Курсив автора. *К. Т.*

В действительности национальная и буржуазная культуры отнюдь не тождественны—одна не покрывает другую. Национальная культура оформилась при буржуазии, но не ею только создана и не с нею отомрет. Пролетариат в социалистической революции опрокидывает эксплоататорскую культуру буржуазии, но он не может поставить задачей ниспровержение национальной культуры. Буржуазно-эксплоататорское содержание заменяется пролетарско-социалистическим, а национальная форма остается. Признает ли Ваганян существование национальной культуры ныне в Советском Союзе? Если да, то насколько она правомерна с его точки зрения, какова должна быть наша к ней политика?

После долгих блужданий вокруг формы и содержания Ваганян пишет: «и *содержание и форма* культуры рабочего класса, несмотря на различие языков, *едины* на всех языках, интернациональны...» [1]) и т. д. Автор взял узкую область—культуру рабочего класса. Но даже здесь ошибочно утверждать, будто форма и содержание культуры едины.

В действительности форма обусловливается содержанием и содержание не может существовать без формы. Может случиться так, что под старой формой до поры, до времени может уживаться и даже расти новое содержание. Но в конечном счете содержание обусловливает себе соответствующую форму. Форма и содержание образуют не метафизическое, а диалектическое единство. Классовое существо составляет содержание всякой культуры. Но классовая культура в жизни принимает различные национальные формы. Под национальной формой до поры, до времени могут уживаться даже различные содержания. И прав тов. Сталин, когда пишет: «пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. *Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме*,—такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм».

Еще один важный и интересный вопрос нужно поставить в связи с выяснением национальной культуры. Признает ли Ваганян существование нации при диктатуре пролетариата в Советском Союзе или нет?

Автор этого вопроса прямо не ставит, но из хода его рассуждений можно заключить, что он не отрицает существования нации. Национальную же культуру он отрицает. Три возможных выхода остается Ваганяну: либо он признает существование нации при диктатуре пролетариата—и тогда он должен считать правомерным и существование национальной культуры, либо он отрицает национальную культуру и допускает существование наций без национальной культуры, либо отрицает и национальную культуру и нацию в целом. Первый выход для Ваганяна исключен, так как нацкультуру он отрицает. Остается два выхода: или он должен допустить сущую несуразность и отрицать существование нации в Советском Союзе или должен допустить существование нации без национальной культуры—еще большая нелепость, равносильная тому, чтобы допускать существование человека без тела.

[1]) Ваганян, стр. 45. Курсив наш. *К. Т.*

А что у нас в Союзе нации не только существуют, но и *возникают* и развиваются—это факт. Как это, может быть, и ни странно, но социалистическое строительство в первой своей стадии обусловливает возникновение новых наций из тех племенных образований, которые дожили до пролетарской революции. С точки зрения формальной логики нужно было бы сказать, что нации создаются при капитализме, а при социализме *только* отмирают. К такому выводу в сущности приходит и Ваганян. В действительности же получилось несколько иное. В чрезвычайно своеобразной форме и исторической обстановке, при диктатуре пролетариата целый ряд племен, которые при царизме насильственно ассимилировались, образуют новые нации и, разумеется, нации не без национальной культуры.

С точки зрения Ваганяна этот процесс либо невозможен, либо вреден (это он сказал недвусмысленно в заключительном слове в Комакадемии), ибо ведь создание национальной культуры, по мнению автора, есть дело только буржуазии. С точки зрения марксизма и фактического положения вещей, такой процесс не только возможен, но он имеет место, является необходимым и целесообразным делом пролетариата. В целом процесс сводится к тому, что некоторые народы, минуя капиталистический этап развития при диктатуре пролетариата, формируются в нации, чтобы тем скорее продвинуться в безнациональное, коммунистическое общество. Тут противоречие не выдуманное, а жизненное, диалектическое.

Ваганян и его правое существо под левой фразой.

Книга Ваганяна полна левых фраз. Однако, стоит разобрать его *взгляды*, чтобы убедиться в том, что за левыми фразами скрывается правое, шовинистическое содержание.

Политика партии в вопросах культуры ничего общего не имеет со словесной трескотней Ваганяна. Пролетариат строит и будет строить свою классовую культуру. И только педанты могут противопоставлять работу над укреплением пролетарской культуры задачам создания интернациональной культуры социализма. Наоборот, между ними существует неразрывная органическая связь. Беда Ваганяна заключается в том, что он не считается с действительностью и заменяет ее желанной. А действительность в области национальной культуры состоит в том, что мы пока невежественны и далеки от всеобщей грамотности.

И вот, неугодно ли при таком состоянии миллионов трудящихся прочесть следующее рассуждение Ваганяна: «Я же против *буржуазной* культуры,—заявляет Ваганян,—которая есть та же тьма и то же невежество. Я за то, чтобы всемерно строить *интернациональную культуру пролетариата*; а наши национал-коммунисты под видом построения *национальной* культуры сеют невежество и темноту» [1]).

Разумеется, буржуазная культура заслуживает всех ругательств Ваганяна. Она не только тьма и невежество, но и еще хуже. Между прочим среди некоторых народностей тем большую почву найдет пролетарская культура, чем меньше туда проникла культура буржуазии. Но фактом остается то, что трудящиеся

[1]) Ваганян, стр. 111. Курсив автора. *К. Т.*

многих народов нашего Союза, не имеют того уровня элементарной культуры, которую несет капитализм. Мы за время революции имеем колоссальные культурные успехи, и все же остаются миллионы неграмотных. Ваганян сражается против буржуазной культуры, ратует за интернациональную культуру. За это ему честь и хвала. Но то, что он при этом забывает о миллионах азербайджанского, киргизского и пр. крестьянства, это печально.

Собственно, Ваганян даже на песке способен строить интернациональную культуру. Мы же считаем, что интернациональная культура есть результат определенной ступени развития производительных сил общества. Это, конечно, отнюдь не значит, что все нации должны ждать, пока внутри все условия вызреют настолько, что можно будет форсированным темпом развивать интернациональную культуру. Наоборот, мы уже писали, что при диктатуре пролетариата многие народы могут и должны миновать капиталистический этап развития. Здесь мы хотим только сказать, что требуется минимальный уровень развития, чтобы трудящиеся из об'екта воздействия интернациональной культуры сделались ее активными строителями и творцами. Отсюда, среди мелких, отсталых народов Союза ударная задача сводится к насаждению элементарной культуры и технической грамотности. Тут нечего мудрствовать об интернациональной культуре.

Отсюда и правильная общая политика партии в отношении национализации местного аппарата власти, перехода школ на родной язык и т. д. Ведь все это тоже как будто противоречит задачам интернациональной культуры. Куда проще насаждать язык, культуру и пр. пролетарской Москвы. Однако, этого мы сейчас не делаем. Напротив, чем больше мы вложим пролетарского содержания в национальную форму, тем быстрее мы подвинемся к торжеству социалистической культуры, тем популярнее будет в массах более высокая культура русского пролетариата. Ваганян хочет палкой гнать людей в рай. В своих суждениях он исходит из положения таких культурных наций, как грузины и армяне. Он забывает, что у нас есть десятки миллионов людей, которые на сотни лет отстали в культурном отношении от грузин и армян.

Глубоко ошибается Ваганян и тогда, когда полагает, что ныне борьба в области культуры происходит между национальной и интернациональной культурами. «Борьба классов в культуре как раз и выражается в борьбе *между национальной культурой и культурой интернациональной*, между общественностью национальной и общественностью классовой» [1]). Это—неверная формулировка. Неверная хотя бы потому, что внутри самой национальной культуры происходит классовая борьба. Да и интернациональная культура без всяких противоречий готовенькой с неба не сваливается.

Ныне в национальных окраинах Союза под национальной оболочкой идет борьба между пролетарской и буржуазной культурами. При советской власти не задача партии пролетариата вести борьбу против национальной формы. Самое существенное для нас—классовое содержание. И тут возможна и даже местами неизбежна подмена пролетарского содержания буржуазно-националистическим.

Когда т. Ваганян борется против такого сознательного и бес-

[1]) Ваганян, стр. 22. Курсив наш. *К. Т.*

сознательного буржуазного извращения линии партии,—это хорошо. Местный национализм, конечно, вырос за последние годы, и с ним надо вести решительную борьбу. Но отдельные извращения при общей правильной политике нам не страшны.

Более серьезно стоит вопрос о росте явнобуржуазных и реакционных элементов среди отдельных национальностей. Напр., за последнее время мы являемся свидетелями огромной активности мусульманского духовенства и кулачества Татарстана. Там муллы расширяли сеть религиозных школ, влияли (большей частью через женщин) на перевыборы советов, требовали, равноправия мулл с крестьянством, прекращения антирелигиозной пропаганды и т. д. Вот откуда нам угрожает опасность. И кивание части профессуры грузинского университета в сторону французского языка, а группы украинских товарищей в сторону культуры Запада, являются звеньями одной цепи. Однако, все это говорит лишь о том, что со времени XII парт'езда у нас значительно вырос местный национализм, хотя он далеко еще не перерос великодержавный шовинизм. Ваганян ратует против местного национализма, но не замечает, а отчасти прикрывает, великодержавный шовинизм. А что последний живет и здравствует это достаточно убедительно отметил т. Бухарин в «Злых заметках» и подтверждает жизненный опыт.

Ваганян не видит центростремительных тенденций, заложенных в существе пролетарской диктатуры, основой которых (тенденций) является экономическая, финансовая, политическая и культурная зависимость окраин от центра. Последний может во всякое время использовать свою мощь, чтобы втягивать отдельные народы в орбиту социалистического строительства. Это имеет огромное положительное значение. Но глупо отрицать, что эти центростремительные тенденции при бюрократическом аппарате могут перегнуть палку и сослужить медвежью услугу пролетариату.

Ларин провоцирует украинизацию.

В сущности, г. Ваганян «теоретически», а т. Ларин «практически» делают одно общее дело. Не случайно Ваганян протягивает руку Ларину.

Основное и исходное в статье т. Ларина (она напечатана в двух номерах «Большевика»)—это его факты. Он привел их несколько, преспокойно укрылся за ними и атаковал ту огромную работу, которую ведет партия на Украине. Как же обстоит дело с фактами?

Действительность части примеров т. Ларина нужно поставить под сомнение. Другая часть является не результатом украинизации, а той отсталости, невежественности и бюрократизма, которые мы получили в наследие от царизма, имеют место не только на Украине. Наконец, третья часть—это действительные извращения с которыми нужно бороться, но их сам автор считает неизбежными.

Тов. Ларин начинает с одесской комсомольской ячейки. Он на основании газетной заметки утверждает, что большая часть еврейской молодежи не владеет родным языком, а райком через секретаря ячейки навязывает последней еврейский язык. Здесь автор обнаруживает факт насильственной евреизации и на нем строит целую «теорию» шовинизмов, национализмов и пр. «измов». Однако, по тем материалам, которые у нас имеются под руками, можно установить, что в комсомольской ячейке 1-й госконсервной фабрики, о которой идет речь у т. Ларина, только 12% еврейской молодежи не владеют еврейским языком. Таким образом, основной и исходный факт Ларина отпадает, и вместе с ним оказываются необоснованными обвинения украинских работников в насильственной евреизации и пр. смертных грехах. Отпадают и обвинения Ларина, основанные на евреизации. А их целая дюжина: шовинистическое руссофильство, антисемитизм, подрывная работа против советской власти, попытки отучения евреев от русского языка путем евреизации, стремление со стороны мелкой буржуазии ослабить конкурента, стремление к тому, чтобы избавиться от конкуренции евреев в деле обслуживания города и деревни и т. д.

На протяжении двух страниц Ларин выдвинул эту серию опасностей и уклонов против распространения родного языка среди евреев. А вот то, что в прошлом году большинство еврейских трудящихся, 58,5% членов профсоюзов евреев (свыше 100 тыс. чел.), показали родным языком еврейский,—об этом Ларин ничего не хочет знать.

Не менее веским аргументом для т. Ларина послужили те слухи, которые распространяются по Советскому Союзу вокруг ненормальных явлений при проведении украинизации. Можно определенно сказать, что Ларин (а с ним еще многие), к великому сожалению, находится во власти этих слухов. Он даже попытался доказать достоверность и справедливость этих слухов. Для этого он комментирует письмо одного русского пролетария, работающего на Украине. «Пятнадцать лет своей *сознательной* жизни я участвовал в партийных организациях на территории Украины,—пишет этот рабочий,—и вдруг мы сразу перестали понимать доклады, газеты и т. д... Разве это похоже на ленинскую национальную политику»,—спрашивает автор письма. А Ларин отвечает: «Нет, конечно, не похоже» [1]).

Мы, однако, сомневаемся в том, чтобы пролетарий-революционер 15 лет прожил *сознательной* жизнью на *территории Украины* и не знал украинского языка.

В самом деле, как же украинские рабочие и крестьяне, не пролетарии, а «хохлы», как они на территории *Украины* десятки лет понимали русский язык и не оставались неграмотными? Ведь это было возможно при царизме. Почему же ныне, при советской власти, русские пролетарии (да еще партработники) не могут изучить украинский язык? Мы усматриваем в письме, приведенном т. Лариным, нотки великодержавного колонизаторства. И Ларину следовало бы не итти в хвосте этих слухов, не раздувать их, а пресекать в корне. Так обстоит дело с многими фактами Ларина.

В принципе против украинизации Ларин не возражает. Напротив, он даже считает необходимым *принудительность* в вопросе изучения украинского языка служащими некоторых публично-правовых органов государства. Он и не против украинского языка. он за то, чтобы все служащие госаппарата «*ознакомились*» с ним. Странный термин, склоняемый автором направо и налево! Когда

1) «Большевик», № 23—24, 1926 г., стр. 55.

же т. Ларин ставит вопрос в плоскость практического решения, то ему мерещатся «*элементы разложения*», «возможности политического перерождения пролетариата», «опасности вырождения профсоюзов в бюрократические организации» и т. д. и т. п. Странное положение создается у т. Ларина. С одной стороны, нужно признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться. Украинизация вообще, в абстракции—вещь не плохая, но украинизация нынешняя на территории Украины несет опасности разложения. В смешное положение попадает Ларин.

В своем месте мы показали, что Ваганян упорно молчит о той огромной позитивной работе, которая разворачивается среди различных национальностей Союза.

Тов. Ларин в более осторожной форме, но по сути дела пошел по следам Ваганяна. Для него гигантская культурная работа трудящихся Украины проходит бесследно и остается неоцененной. Зато автор с начала своей статьи призывает к «употреблению власти», угрожает «вмешательством сверху» и в конце торжествующе заявляет: «Но теперь пора уже от *исторических об'яснений перейти к изменению практики*» [1]). Что значит «вмешательство сверху»—в устах Ларина трудно понять. Но лозунг «к изменению практики» в связи с недвусмысленными обвинениями парторганизации превращается в известную политическую формулу. Для украинского строительства эти обмолвки и недвусмысленные заявления означают: долой украинизацию, да здравствует руссификаторство!

Такой вывод, собственно, и сделали на Украине из статьи т. Ларина. Авторы целого ряда писем в ЦК ВКП(б), в редакцию «Большевика» и лично т. Ларину указывают, что после появления статьи возникли некоторые колебания в рядах определенного круга партработников в отношении украинизации. А что касается верхов русского чиновничества, так они открыто подняли голову. Да это и понятно, ибо с такими вопросами, как национальный, шутить нельзя. Там, на Украине, партия проводит огромную и чрезвычайно сложную работу, а т. Ларин своими выступлениями дезорганизует волю целой организации и льет воду на мельницу явных врагов партии. А что русский бюрократ на Украине не мираж, а реальный и существенный факт, направленный против украинизации, в этом легко можно убедиться. Почитайте номер «Киевского Пролетария» от 27 ноября прошлого года, и вы увидите, что даже во время проверки знаний украинского языка наблюдалось враждебное отношение некоторых служащих к украинизации. Оно сказалось «*в насмешках над украинским языком*, в отрицательном их (некоторых служащих) отношении к вопросу об изучении языка и в отрицательном *влиянии* на других служащих, желавших изучить язык». Что-то это не похоже на действия «обиженных овечек», русских чиновников, которых взял под защиту т. Ларин.

Мы же отнюдь не берем под защиту отдельные глупости и сознательное извращение в вопросе украинизации. Они действительно неизбежны, особенно в условиях слабо-пролетаризованной, национально-перемешанной, некогда угнетенной, а потом петлюровской Украины. На отдельных участках культурного фронта

[1]) «Большевик», № 1, 1927 г., стр. 68.

даже неизбежны провалы и частичное усиление националистической интеллигенции. Все это неизбежно, против этого борьбу вести надо, но не в этом суть спора.

Проблема украинизации вещь более серьезная, чем думают иные товарищи, в том числе и коммунисты. У нас довольно много говорят о смычке рабочего класса и крестьянства. Однако, частенько эту идею забывают как раз там, где ее можно осуществить с несомненным успехом. На Украине преобладают русские рабочие. Им вместо бегства из Украины следует принять самое деятельное и руководящее участие в украинизации, вместо «знакомства» с языком они должны его изучить и одолеть.

На X с'езде партии т. Сталин сказал: «Недавно еще говорилось, что Украинская республика и украинская национальность—выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов» [1]). Ныне мы можем добавить, что проведение украинизации—революционный долг и прямая обязанность коммунистов и рабочих, прежде всего тех русских пролетариев, которые работают на территории Украины. Они должны сделать все от них зависящее, чтобы создать деловую и товарищескую атмосферу при проведении украинизации, по возможности взять ее под свое влияние и руководство.

---

[1]) И. Сталин, «Собр. ст. по нац. вопросу». Тифлис, с. 127.

Ю. Ларин.

Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка.

По подсчетам специальной авторитетной комиссии, работавшей с участием тт. Орджоникидзе, Квиринга, Ю. Ларина, Струмилина, М. Фрумкина, А. Микояна и др., продукция капиталистической промышленности составляет у нас около 10% всей промышленной продукции СССР. Однако, лишь меньшая часть этой величины (около трети) приходится на открыто существующие цензовые капиталистические фабрики и заводы (собственные, арендованные, концессионные). Большая часть существует формально в виде мелкой нецензовой индустрии, на деле прибранной к рукам капиталистами путем организации «домашней системы капиталистической промышленности» (раздача работы на дом), путем создания лжекооперативных, а на деле предпринимательских «промысловых артелей» и т. д.

В капиталистической промышленности по всему СССР *явных наемных рабочих* занято только около *трехсот тысяч* человек (по «Контрольным цифрам» Госплана в прошлом 1925/26 году их было там 283 тыс. чел.). Значительно больше, до полумиллиона в переводе на годовых работников, можно считать число тех, кто на деле организован капиталистическим производством, формально являясь якобы самостоятельным, выбирающим патент кустарем, или членом трудовой артели.

Общепринципиальная линия наша относительно участия частного капитала в промышленности в настоящее время ясна и давно установлена партией. Практические же мероприятия вырабатываются по мере накопления опыта и его изучения. К настоящему времени у нас накопилось достаточно материалов для того, чтобы наметить в этом отношении некоторые более четкие практические вехи. Мероприятия эти могут быть разбиты на четыре группы: 1) *по переводу из скрытого состояния в явное* с соответственной подконтрольностью и ограничением эксплоатации; 2) *по дифференцировке (различению) нашего подхода* к участию частного капитала в разных отраслях промышленности: 3) *по направлению* частного капитала именно в те отрасли, где он для нас приемлемее—на началах соответственного его подчинения государственному руководству и зависимости от этого руководства; 4) по *высвобождению кустарей* от зависимости от частного капиталиста (как заказчика, скупщика, организатора снабжения и т. д.) с вовлечением их в русло государственного хозяйства.

Формы скрытого и распыленного существования капиталистических промышленных предприятий—это преимущественно *лжекооперативы* («трудовые артели») и затем главным образом—*домашняя система капиталистической промышленности* (кварт-

тирники, работающие на магазины, и кустари, работающие на раздаточные конторы). Таких «замаскированных» рабочих имеются *сотни тысяч*. В смысле капиталистической эксплоатации, какой они подвергаются, их положению гораздо хуже, чем положение явных наемных рабочих капиталистических же предприятий.

В работах тов. Эмдина «Положение труда в частной промышленности» и тов. Белкина «Формы частной промышленности» (сборник ВСНХ «Частный капитал», М. 1927 г., стр. 206—249) можно найти ряд показательных иллюстраций. Когда капиталист организует промышленное заведение открыто, с наемными рабочими,—это заведение попадает под контроль правительственных органов (фининспектор, трудинспектор и т. д.), а рабочие вступают в члены профсоюзов. В итоге имеем, что по детальным примерам сборника ВСНХ видно, что повсеместно ставка и заработок наемных рабочих той же отрасли и того же разряда в частной промышленности почти всегда не меньше, чем в государственной промышленности, а иногда и больше. «Случаи задолженности по заработной плате и неаккуратности в выплате в частной промышленности наблюдаются относительно редко» (сборник ВСНХ, стр. 212).

1. *Отчисления в пользу рабочих* сверх заработной платы в открыто функционирующих капиталистических предприятиях с наемными рабочими почти всегда больше, чем в соответственных государственных предприятиях. Отчисления эти устанавливаются коллективными договорами для организации культработы, для устройства домов отдыха и т. д. По данным Центр. Бюро статистики труда по всему СССР в среднем по главным отраслям, где имеются открытые капиталистические предприятия, процент этих отчислений ко всей заработной плате на 1 декабря 1925 г. составлял:

	Госпред-приятия %	Капитали-стические %
Металлисты	3	6,3
Текстильщики	3	5,3
Кожевники	3,3	6,1
Печатники	3,6	7,0
Химики	3,2	7,3
Швейники	3	6,2
Пищевики	3	5,5
Деревообделочники	3,3	5,6

Такова же картина в частности и по Москве. Частным предпринимателям профсоюзы ставят более жесткие условия и по заработной плате и по отчислениям. В тех случаях, когда деятельность капиталистического промышленного предпринимателя *протекает явно, без маскировки и без упраздняющей возможность контроля распыленности* (работа зависимых кустарей у себя на дому),—наш строй и наши порядки обеспечивают рабочему серьезную защиту от попыток чрезмерного обострения капиталистами эксплоатации.

Не надо только думать, что капиталисты платят своим рабочим больше, чем в таких же государственных предприятиях,

просто по доброте душевной, из расположения к пролетариату. *Дело просто в том, что капиталист заставляет рабочего работать в капиталистическом предприятии с гораздо большей напряженностью, чем это имеет место в государственной промышленности.* Рабочий тратит у капиталиста гораздо больше сил, здоровья, нервов и *дает гораздо больше выработки в один человеко-день.* «Нормы выработки в ряде производств частной промышленности значительно выше норм, установленных в государственной промышленности» (сборник ВСНХ, стр. 212). По обследованию ЦСУ (обнимающему 77 тысяч наемных рабочих капиталистической промышленности за первый квартал 1925 г.), —выработка на один отработанный человеко-день в червонных рублях составляла в следующих характерных для частного капитала отраслях промышленности:

Отрасли промышленности	Государств. предприятия р.	к.	Капиталист. предприятия р.	к.
Стекольная	5	47	8	17
Обработка металлов .	15	85	17	30
Деревообделочная . . .	13	50	17	36
Кондитерская	24	66	31	37
Пивоваренная	21	03	25	31
Кожевенная	29	37	41	66
Швейная	17	80	19	33
Типографии	13	62	19	93

В тот же период по цензовой промышленности Московской губернии выработка на один человеко-день в довоенных рублях составляла *в государственной* промышленности 9 руб. 54 коп. и в *капиталистической*—целых 12 р. 61 к., *или более чем на 30% выше.* Между тем среднемесячная заработная плата в капиталистической промышленности только процентов на 20 выше заработка рабочих государственных предприятий (в октябре 1925 г. по Москве 81 р. 13 к. и 74 р. 74 к., в январе 1926 г.—83 р. 99 к. и 70 р. 23 к., в феврале 1926 г.—88 р. 64 к. и 71 р. 61 к.). *Таким образом, по отношению к выработке в капиталистической промышленности заработок наемного рабочего определенно ниже, чем в государственной.* Рабочий дает у капиталиста больше выработки, благодаря большему напряжению, а не благодаря лучшим машинам, ибо техническое оборудование у капиталиста хуже, чем на государственных предприятиях.

2. Показательно положение *с отпусками* и с соблюдением предписаний *охраны труда.* Имеется разработка МГСПС о нормах отпусков по колдоговорам, действовавшим в Москве за 1925 г. Продолжительность ежегодного отпуска, по процентному распределению рабочих по срокам отпусков, в среднем по девяти индустриальным профсоюзам составляла:

	Государств. предприятия %	Капиталист. предприятия %
Две недели	95,9	41,2
Три »	2,6	4,4
Четыре недели	1,5	54,4

Разница зависит не от большей вредности производств, а от других условий колдоговоров в тех же производствах. Что касается *охраны труда,* то вообще «санитарно-техническое состояние заведений частной промышленности *значительно отстает* от санитарно-технического состояния госпромышленности», ибо «частные промзаведения ютятся в приспособленных для производства сараях, жилых помещениях и т. п.» (сборник ВСНХ, стр. 213). Поэтому при обследованиях инспекцией труда происходит гораздо больше привлечений капиталистов к судебной ответственности (и за нарушение правил о социальном страховании и других), чем при обследовании государственных хозорганов. За вторую четверть 1926 г. по РСФСР из всех обследованных предприятий каждой группы владельцев (государство, кооперация, капиталисты) было привлечено инспекцией труда к судебной ответственности:

из государственных	11,2 %
» кооперативных	13,7 »
» капиталистических	47,6 »

Отчасти эта разница об'ясняется, конечно, более снисходительным отношением инспекторов к государству и кооперации—их не направляют сразу в суд, а дают сроки для исправления, иногда не раз и не два увещевают, вообще, миндальничают, вместо того, чтобы действовать. Это «бюрократическое извращение» в практике инспекторов труда *начинает* изживаться только в последнее время. Требования к *государственным* предприятиям в области охраны труда и соблюдения трудового законодательства со стороны инспекторов и профсоюзов должны быть тверды и бескомпромиссны—такова директива в этом отношении в настоящее время. *Необходимость* ее, кроме всего прочего, диктуется еще невозможностью провести иначе *действительную рационализацию производства. А возможность* осуществления обеспечивается тем, что наша промышленность не является уже дефицитной, как это было несколько лет назад, и материально в силах исполнять требования закона.

Впрочем, относительно Москвы сборник ВСНХ сообщает: «Инспекция труда в своих отчетах постоянно отмечает, что *частная промышленность* предписания органов охраны труда выполняет почти на 100%, и что с техникой безопасности и промышленной санитарией на заведениях частной промышленности дело обстоит благополучно» (сборник ВСНХ, стр. 213). Нам эти утверждения инспекции представляются несколько радужными—в свете приведенных выше данных *о привлечении к судебной ответственности.* Но во всяком случае очевидно, что *при открытом существовании* капиталистических промышленных предприятий с наемными рабочими контроль госорганов и воздействие профсоюзов действительно устраняют крайности эксплоатации и обеспечивают занятым у капиталистов рабочим *сравнительно* сносные условия.

Совершенно иное положение тех гораздо более многочисленных сотен тысяч фактических капиталистических рабочих, какие эксплоатируются капиталистами не в открыто существующих частных предприятиях с наемными рабочими, а *в распыленном виде* (работающие у себя на дому кустари домашней сис-

темы капиталистической промышленности, работающие на магазины «квартирники» и т. д.) ***и в замаскированных формах*** **(члены так называемых трудовых артелей).** Здесь мы сразу *погружаемся как бы в досоветские времена.* Контроля нет. Профсоюзов нет. Ограничения рабочего времени нет. Охраны труда нет. Обеспечения нормального заработка нет. Капитал распоясывается вовсю и показывает себя во всей красе. В какую-либо «артель» входят сотни «членов», которых «главари эксплоатировали самым беспощадным образом, заставляли работать *по 12—16 часов в сутки, отменяя всякие дни отдыха* и урезывая скудный заработок» (сборник ВСНХ стр. 235 о трикотажной «артели» в Ярославле, где главарями были владельцы трикотажных машин, а «членами» около 200 бедняков, кустарей-квартирников, не имевших машин; собственник машин за пользование ими получает львиную долю). Сборник ВСНХ, с несомненностью устанавливая *капиталистическую* природу *подавляющего* большинства «трудовых артелей»[1]), приходит к выводу, что о ряде их работников надо сказать: «*они находятся вне закона*» (стр. 226).

Капиталист нанимает рабочих из безработных, заставляя их «*выйти из профсоюза* и записаться в члены артели» (сборник ВСНХ, стр. 233). Так, в *Иваново-Вознесенске* «артели Ивгубстройсоюза превратились фактически в *крупнейшие* строительные предприятия, где под флагом кооперативных артелей *подрядчики* жестоко эксплоатируют несколько *тысяч* строительных рабочих» (сборник ВСНХ, по данным Ив.-Возн. губотдела союза строителей от 12 апреля 1926 г.).

По «Сборнику ВСНХ» в металлической, трикотажной, кожевенной, рыболовной, лесной и других отраслях промышленности (включая местный транспорт) господствует именно такой тип артелей, когда капиталист организует под видом артели вокруг себя (или подставного лица) неимущих рабочих путем предоставления им своего предприятия или орудий промысла—и эксплоатирует во-всю. «Члены артели не только не участвуют в ведении дела артели (прием работы, условия выполнения заказа), но также не участвуют в установлении расценки рабочего дня и прочих условий работы» (сборник ВСНХ, стр. 231).

В других отраслях, как швейная и портняжная промышленность в городе и ряд кустарных промыслов в деревне, господствует еще злейшая система эксплоатации—раздача капиталистом работы на дом отдельным рабочим, так называемая «домашняя система капиталистической промышленности», издавна получившая характерное название *потогонной* системы (от слов «гнать пот»). Капиталист заставляет этих «рабочих на дому» *выбирать патент на занятие промыслом* (кустарь). Таким образом он «подводит своих рабочих под категорию самостоятельных производителей (кустарей), на которых не распространяется законодательство о труде и к которым профсоюз не имеет никакого касатель-

---

1) «Обследование, предпринятое в *Москве* ГубРКИ, обнаружило частновладельческую природу *поголовно* всей строительной трудовой кооперации» (сборник, стр. 231—не смешивать с жилищно-строительными фабрично-заводскими кооперативами). *В Херсоне* из 400 артелей, входивших в «Союз Кустаря», когда новое правление обследовало полученное им наследство, оказалось «лишь девять с кооперативными *признаками*», а 391 артель—чисто капиталистической природы: организационное прикрытие капиталиста (сборник, стр. 222; таких примеров без конца).

ства» (сборник ВСНХ, стр. 220). Отшивается сразу и инспектор труда и фининспектор.

Конечно, такие распыленные или замаскированные формы деятельности, как раздача работы на дом или «лжеартели», имеют свои неудобства и для капиталиста. Вся его деятельность приобретает полулегальный, рискованный характер, от которого он при соответствующих условиях охотно избавился бы и открыто имел бы промышленное заведение с несколькими сотнями рабочих. Даже несмотря на то, что при таком открытом существовании пришлось бы несколько более платить рабочим и соблюдать предписания инспектора труда, это окупилось бы другими выгодами открытого существования. *Но у нас есть четыре условия, которые побуждают капиталиста предпочитать распыленные и замаскированные формы.* Устранение этих четырех условий вполне находится в нашей власти. Только оно может повести к переходу от бесконтрольных жесточайших форм замаскированной эксплоатации к снятию масок, к контролю, к ограничению эксплоатации и к организации этих фактических наемных рабочих. Сейчас они распылены и отделены от нас своими «патентами» и своими «артелями». При наличии же этих четырех условий открыто существуют лишь те капиталистические предприятия, какие по самому характеру производства никак нельзя поставить раздачей работы на дом и т. п.

Во-первых, по действующему закону (ст. 53 и 54 Гражданского Кодекса) у нас разрешено в обычном порядке существование частных предприятий только с числом *не более двадцати наемных рабочих.* Всякое новое предприятие больше этого размера, согласно закону, может быть учреждено только в порядке особой правительственной *концессии.* А концессии могут учреждаться по закону в каждом отдельном случае только путем *особого договора между правительством в лице Совнаркома СССР* и между отдельным концессионером. В договоре должны быть оговорены срок концессии, плата государству за разрешение и бесплатный переход концессии по истечении срока к государству. *Понятно, что у нас по сию пору нет ни одной внутренней концессии.* Имеется лишь несколько десятков концессионных договоров с *иностранными* предпринимателями. Да и смешно было бы Совнаркому СССР договариваться с каким-либо Сидоровым в Туле об открытии этим Сидоровым самоварной фабрички на 25 или 50 человек.

В этом законодательном ограничении капиталистических предприятий не более чем 20 рабочими заключается одна из основных причин, почему промышленные капиталисты прибегают к распылению путем домашней системы капиталистической промышленности (когда рабочих вообще не оказывается, а есть только «самостоятельные кустари») или к маскировке путем промысловых артелей (когда тоже нет рабочих, а есть «члены артели»). Ограничение 20 рабочими было введено в начале нэпа, когда вообще капиталистических предприятий еще почти не было. Потому тогда норма в двадцать человек была выбрана без опыта, из осторожности. Местами в отдельных случаях теперь смотрят сквозь пальцы на беззаконие в роде существования частного предприятия в 30 человек. Но как правило, эта норма гонит капиталиста к организации распыленной или замаскированной формы деятельности. Есть капиталисты, у которых не

только по нескольку сот, но *по тысяче и более* рабочих, но только все они работают на дому и числятся кустарями, или же являются членами артели.

У нас нет никаких оснований держаться за норму в 20 человек, и ее свободно можно повысить хоть вдесятеро, до 100 или 200 человек. От этого мы выигрываем: 1) открытое существование все равно существующих (только скрыто) капиталистических предприятий, 2) возможность контроля над ними, 3) значительное улучшение положения эксплоатируемых ими рабочих и 4) вовлечение этих рабочих в общую организационную и прочую жизнь советского пролетариата. Вопрос о повышении нормы выше 20 человек теперь уже предрешен и скоро получит практическое разрешение.

Уход капиталистов от открытой организации промышленных предприятий с наемными рабочими к распылению производственной организации раздачей работы на дом—не в малой степени вызывается еще и вторым условием, толкающим в эту сторону. Условие это заключается в своеобразной особенности нашего налогового законодательства: *обложение менее тяжело для торгующего скупаемыми изделиями, чем для торгующего изделиями своей фабрики.* Сложные таблички наших налоговых ставок перемудрили. Намерения работников наркомфиновского аппарата были, конечно, наилучшие. Они рассуждали так: ежели ты сначала организовал собственное капиталистическое производство, то имеешь промышленную прибыль; а если потом еще торгуешь изделиями собственного производства, то имеешь еще и торговую прибыль. Значит, плати два раза—за промышленную и за торговую. С другой стороны, ежели ты только торгуешь, только скупаешь у кустарей их изделия для перепродажи, то имеешь только торговую прибыль—плати один раз. А сам кустарь, как трудовой производитель, за свое производство обложен весьма снисходительно.

При такой налоговой практике (и при серьезной роли налогов в ограничении прибыли) капиталист, конечно, должен предпочитать раздаточную систему открытой организации фабрик и мастерских с наемными рабочими. Ведь при раздаче работы на дом (домашняя система капиталистической промышленности) капиталист *официально* выступает в роли только торговца: он *продает* «кустарю» материал для изготовления изделия, он *покупает* у этого «имеющего самостоятельный патент кустаря» выработанное кустарем изделие. А на деле под официальной формой торговых сделок здесь имеет место организация домашней системы капиталистической промышленности с предоставлением распыленного рабочего на произвол капиталиста.

Теперь вопрос о соответственном упорядочении нашего обложения уже поднят. Общая наша ориентировка—*обложение явной капиталистической промышленности сделать легче обложения капиталистической торговли*, являющейся лишь прикрытием домашней системы капиталистической эксплоатации. Специальный экономический анализ показал полную обоснованность и необходимость этой меры. С ее проведением в жизнь отпадает один из наиболее существенных моментов, приводивших к расширению у нас наиболее отсталой и вредной системы капиталистической эксплоатации—раздаточных контор, замаскированных торговыми функциями.

Третье условие, которое должно быть устранено,—это наличие крупных налоговых льгот для *промысловых артелей* без всякого контроля, является эта артель действительным кооперативом трудящихся или (как в подавляющем большинстве случаев) только формальным прикрытием капиталиста. Такая практика создает для капиталиста слишком уж большой соблазн замаскировать себя «артелью» и избавиться вовсе от тяжести обложения, от некоторых кредитных ограничений и т. п. Мы предоставили большие льготы промысловым артелям, *не установив каких-либо признаков соответствия их практики кооперативной природе*, ибо у нас не было еще опыта их деятельности. За ряд последних лет *опыт накопился* и теперь можно указать ряд мер, какие должны затруднить использование их, как прикрытия фактически капиталистических предприятий. Сюда относится:

1) лишение льгот тех промысловых артелей, какие не входят в систему промысловой кооперации («дикие», уклоняющиеся даже от кооперативного контроля);

2) лишение льгот тех промысловых артелей, какие применяют наемных рабочих;

3) лишение льгот тех промысловых артелей, члены которых не участвуют в установлении расценок, и т. п., что явно указывает на отсутствие кооперативной природы артели;

4) лишение льгот тех промысловых артелей, в которых некоторые члены получают отчисление от всех доходов артели (или от остальных ее членов) за предоставляемые артели машины или другие средства производства;

5) лишение льгот тех промысловых артелей, которые развивают свои операции на средства, принадлежащие отдельным членам с особым их вознаграждением;

6) переведение всех перечисленных выше артелей в разряд обыкновенных предпринимательских товариществ (без прекращения их деятельности, но с распространением на них Кодекса законов о труде в полном об'еме и налогового законодательства о частных предприятиях);

7) установление на будущее время уголовной кары за создание или сокрытие артелей, на деле являющихся прикрытием частного капитала одного из указанных выше типов;

8) обязать кооперативные центры систематически проверять и исключать из кооперативной системы первичные кооперативы, подходящие под признаки лжеартелей;

9) остальные артели (входящие в систему) обязать платить за своих членов социальное страхование, выдавать им отпускные, прозодежду, делать отчисления на культработу по тем же нормам, какие установлены для членов профсоюзов соответственных производств;

10) распространить на эти артели ограничения рабочего дня, работы подростков, беременных женщин и т. д., существующие для наемных рабочих, и подчинить артели в этом отношении инспекции труда;

11) усилить связь государственных и кооперативных центров с действительными первичными артелями для снабжения их сырьем, кредитом, заказами и для организации сбыта, чтобы таким путем уменьшить надобность для их членов в подчинении своей артели зависимости от капиталиста и устранить опасность предпринимательского перерождения артели.

Принятие ряда подобных мер, несомненно, уменьшит *заинтересованность* капиталистов в маскировке своей деятельности лжеартелями, затруднит *возможность* такой маскировки и увеличит *сопротивляемость* действительных артелей захвату их капиталистами.

Четвертое условие, необходимое для отталкивания капиталистов от *бесконтрольных, распыленных* форм организации производства—это решительные меры *к защите рабочих домашней системы* капиталистической промышленности. Без этого не преоборсть соблазна капиталиста к жесточайшей *производственной* эксплоатации «рабочего на дому» под видом *торговой* связи с имеющим самостоятельный патент кустарем. Такой «кустарь», который на деле работает исключительно на капиталиста (и авансируется последним), а не на потребителей, не для самостоятельной продажи и т. д. должен быть признан тем, кем он является на самом деле. Это значит—*наемным рабочим капиталиста, только занятым у себя на дому* (капиталист, кстати, экономит еще на содержании помещения для работы).

Помощь таким якобы самостоятельным «кустарям» должна быть оказана по обеим линиям—организационной и материальной. Капиталист должен быть обязан по отношению к такому «кустарю», у которого он систематически закупает изделия:

1) платить за него взносы по социальному страхованию согласно тарифам для частных предприятий, чтобы этот «кустарь» и члены его семьи пользовались всеми страховыми пособиями и т. п., как это установлено для наемных рабочих;

2) заключать коллективные договоры о расценках изделий с учреждаемыми для этого при профсоюзах секциями «работников домашней промышленности», куда принимать таких «кустарей»;

3) выбирать за свой счет для кустаря промысловый патент, обеспечивать ему за свой счет ежегодный отпуск, участвовать в расходах по оплате квартиры и т. д.

Необходимо *усилить организованность* работников домашней системы капиталистической промышленности—образовать для них специальные секции профсоюзов, открывать «дома кустаря», «клубы кустаря», «общества кустаря» и т. п. организации, которые уменьшали бы их распыленность и сравнительную беззащитность пред лицом капиталистического предпринимателя.

Обложение налогами скупки капиталистами кустарных изделий *из сырья заказчика* (из сырья, продаваемого заказчиком) надо поставить так, чтобы для капиталиста выгоднее было организовать открытое промышленное заведение с наемными рабочими, подконтрольное госорганам и профсоюзам, чем прибегать к организации распыленной системы домашней промышленности. Инспекция труда должна получить право пред'являть капиталисту-скупщику (являющемуся организатором домашней промышленности) требования об улучшении за его счет помещений, где живут и работают занятые им кустари, об устройстве для них специальных мест работы, отделенных от жилья, и т. д. Все эти меры, сближая для капиталиста выгодность распыленной системы с выгодностью явного существования капиталистических предприятий, будут способствовать переходу от бесконтрольной «потогонной» эксплоатации к эксплоатации *подконтрольной и ограниченной, увязывающей вместе с тем больше*

средств капиталистов в организацию ими своих предприятий (меньше будет оставаться для спекуляций, ростовщичества и для борьбы с нами в области торговой смычки).

Параллельно, по мере нарастания для этого у государства средств, будет развиваться другая сторона нашей практики—*постепенное отвоевание распыленных кустарей из-под гнета капиталистов вообще*. Иначе сказать, чем больше будет у нас средств, тем в большей степени сможем мы сами давать кустарям заказы, вместо того, чтобы они получали их от капиталистов. Сможем осуществлять при этом улучшение условий их труда и оплаты их рабочей силы. Сможем все увеличивающуюся их долю переводить в качестве постоянных наемных рабочих во вновь сооружаемые фабрики и местные мастерские. Одним словом, сможем постепенно для многих из них (а впоследствии для всех) сделать зависимость от капиталистов вовсе ненужной. А до тех пор организационными мерами в духе перечисленных выше, уже теперь можно не без успеха побудить капиталистов к переходу от этой наиболее бесконтрольной и вредной формы эксплоатации к формам, которые могут быть подчинены контролю и в известной мере регулирующему руководству государства.

Вторая основная установка в нашем подходе к частному капиталу в промышленности в настоящее время должна заключаться в *дифференцированности* этого подхода.

К созданию частным капиталом новых промышленных заведений мы относимся терпимее, чем к простым торговым спекуляциям. Создавая новую мастерскую или фабрику, капиталист увеличивает производство полезных предметов в стране и уменьшает безработицу. Его капитал получает более полезное для страны применение, чем если целиком обращен на перекупку в госрозницe через подставных агентов в очередях государственных изделий для дальнейшей их перепродажи с соответственным вздуванием цен. То же относится и к иностранному капиталу. Нам приятнее, когда он обращается на разработку концессионным порядком золотых россыпей на Лене, чем когда он организует в широких размерах нелегальную контрабанду товаров через границу для прорыва нашей монополии внешней торговли.

Все это несомненно, но из этого никоим образом не следует, что мы предоставляем или должны предоставлять неограниченные возможности развитию промышленного капитализма в СССР. Частный капитал *и в промышленности* остается для нас все же лишь *терпимым злом*—лишь наименьшим злом в сравнении с тем, как если бы на месте этого заведения совсем ничего не было. Пусть лучше капиталист организует добычу золота или асбеста из-под земли, чем чтобы они там праздно лежали еще ряд лет. *В этом смысле каждая новая разрешаемая нами и подконтрольная нам концессия и т. п.—наш несомненный успех, новый шаг вперед.* Конечно, самое лучшее было бы, если бы никаких капиталистов не осталось, весь их капитал перешел бы к нам и мы бы его применяли во всемирном масштабе к наибольшей пользе трудящегося человечества без всякой капиталистической наживы. Со временем так будет. Но пока по достаточно солидным причинам мы не считаем целесообразным уже сейчас пытаться из'ять весь частный капитал в СССР из рук его нынешних владельцев. Потому приходится («надолго, но не навсегда») ставить вопрос не о его немедленном уничтожении,

а о таком влиянии на него, о таком направлении его деятельности, чтобы возможно уменьшен был вред от этой деятельности и чтобы извлечена была вся польза, какую из нее извлечь можно.

Из этого вытекает не только несколько большая терпимость по отношению к частному капиталу, создающему полезные предметы (промышленность, строительство домов и т. п.), чем к частному капиталу, чисто торговому или ростовщическому. Из этого вытекает еще общая установка по отношению к частному капиталу в промышленности СССР, могущая быть сведенной к четырем основным пунктам.

1. Он должен служить *дополнением* к государственной промышленности. Но может быть свободы роста частного капитала в каких *ему* угодно отраслях промышленности. Он должен направляться *туда, куда мы не желаем сейчас затрачивать свои средства*. Мы сами строим завод сел.-хоз. машин в Ростове и Днепрострой, а пуговичную фабрику разрешаем построить капиталисту.

2. Частный капитал в промышленности должен быть *подчиненным* государственной индустрии. Мы не дадим ему таких предприятий, откуда он мог бы диктовать условия массе наших фабрик и заводов, поставив их в зависимость от себя. Потому мы строим на свой счет Волховстрой, Днепрострой и подобные основные источники энергии. Потому мы отклоняли неизменно иностранные проекты о сдаче в концессию Донбасса и Баку, как основных источников нефти (что не исключает поощрения мелкокапиталистической добычи угля или нефти в дополнение к находящейся в наших руках их основной массе). Потому мы сами строим новые крупные металлургические заводы и железные дороги и т. д. Словом, не всякое развитие частного капитала в промышленности, а в тех отраслях и в тех пределах, в каких это не затрагивает так называемых «командных высот».

3. Частнокапиталистическая промышленная деятельность должна быть, таким образом, подчинена *плану* государства в отношении ее направления и содержания. Это и означает дифференцированный, т.-е. *различный* подход к участию частного капитала в *различных* отраслях промышленности. Дифференцировка эта должна происходить с учетом как характера и производственно-сбытовых перспектив данной отрасли промышленности, так и социального ее значения. Например, в тех отраслях, *где нехватает советского сырья* даже для производственных возможностей государственной промышленности (напр., производство растительных масел, кожевенное производство) явно не должно быть терпимости по отношению к капиталистической промышленности. Или в таких отраслях, как *производство муки и крупы* для снабжения городов (товарная мельнично-крупяная промышленность), где крупная роль капиталиста поставила бы рабочего в зависимость от него и дала бы возможность капиталисту перекачивать за хлеб в свой карман всякий прирост заработной платы,—здесь развитие капиталистической промышленности нетерпимо в первую очередь по социально-политическим соображениям.

Зато в таких отраслях, где сырья сколько угодно, но потребности страны полностью не удовлетворены, и государство по своим планам не вкладывает столько средств, сколько надо было бы для полного удовлетворения,—напр., производство кирпича, постройка новых домов,—там применение частного капитала было бы определенно полезно (т.-е. польза от факта дополнительного производства перевесила бы вред от того, что это производство осуществляется при наличии капиталистической эксплоатации и наживы). Чтобы направить частный капитал сюда, возможно применение даже специальных налоговых льгот, напр., по домостроительству—на ряду с усилением обложения и мерами по «выталкиванию» из тех отраслей, где частный капитал следует признать вредным (примером может служить проводимое последний год постепенное сокращение и прекращение частной аренды кожевенных заводов, товарных мельниц и т. п.). Наконец, есть и своего рода «нейтральные» в настоящее время области, где нет оснований принимать ни запретительных, ни поощрительных мер.

4. Частный капитал в промышленности допустим в СССР только как *подконтрольный и ограниченный в своих эксплоататорских устремлениях*. Это имеет значение как по отношению к рабочему, так и по отношению к потребителю. *Уровень цен* и степень наживы капиталиста могут регулироваться государством только при условии открытого существования *имеющихся на деле* капиталистических предприятий (кстати сказать, можно представить себе даже работу капиталистических предприятий по заказам *государственных торговых органов*—без обязательного существования капиталистической же *оптовой торговли*). Из всего этого и вытекает та линия на переход от скрытых и распыленных форм капиталистической деятельности, о необходимости активного проведения которой (соответствующим давлением со стороны государства) выше уже была речь. Не затем надо, напр., поднять границу разрешенных частных предприятий от 20 рабочих до 100 или 200 рабочих, чтобы *облегчить* капиталу развитие. А по той причине, что такие крупные капиталистические предприятия *уже существуют*, но только в скрытом, замаскированном, распыленном, бесконтрольном виде.

Таким образом, линия наша в отношении частного капитала в промышленности в настоящий исторический период должна заключаться в превращении его соответствующими мероприятиями в *подчиненное, плановое, подконтрольное дополнение к государственному хозяйству*—по пути к полному исчезновению в свое время.

Я. Никулихин.

Проблема железнодорожного строительства.

(*В порядке обсуждения*).

Транспорт является одним из узких мест в народном хозяйстве СССР, и проблемы, связанные с ним, имеют огромное значение для нашего хозяйства и дела обороны страны. К ним необходимо сейчас приковывать общественное внимание трудящихся. Мы ограничиваем нашу задачу, главным образом, рассмотрением ж.-д. транспорта [1]) и преимущественно вопросами нового ж.-д. строительства. Мы считаем, что предположения перспективной пятилетки Госплана далеко не достаточны, не вполне отвечают требованиям народного хозяйства и обороноспособности нашей страны.

Прежде чем перейти к разбору предположений пятилетки, мы должны предварительно, хотя бы в самых кратких чертах, остановиться на динамике восстановительного процесса на транспорте за последние годы.

Профессор Гриневецкий в своей обстоятельной работе [2]), бросая взор на послевоенные перспективы русской промышленности, возможность ее восстановления видел только в громадном притоке иностранных капиталов. Этот приток, по его мнению, должен был дать толчок восстановлению транспорта и новому интенсивному ж.-д. строительству (от $2^1/_2$ до 4 миллиардов золотых рублей им предполагалось на восстановление старых линий и около 9-ти миллиардов золотых рублей на новые ж.-д. линии). На основе широкого разворачивания транспорта [3]) им только и мыслилась возможность восстановления промышленности.

«*Громадный приток иностраных капиталов* является необходимым условием экономического возрождения России и восстановления ее промышленности, ибо по весьма скромным расчетам общая потребность вливания капиталов в добычу сырья в промышленность и в транспорт не может быть оценена ниже 15—20 миллиардов рублей золотом в период 10—12 лет. Между тем в последние довоенные годы капиталообразующая способность всей

[1]) Мы берем ж.-д. транспорт потому, что на его долю приходится 92% всех основных фондов транспорта.

[2]) «Послевоенные перспективы русской промышленности», написана в половине 1918 года.

[3]) «*Восстановление и развитие транспорта* должно стать осью всей экономической политики, ибо вне этого не возможно ни развитие сельского и лесного хозяйства, ни восстановление промышленности и финансов, ни надлежащее развитие вывоза, короче говоря—невозможно экономическое и политическое воссоздание России из настоящих развалин» (Гриневецкий—«Послев. перспективы», стр. 136).

России оценивалась экономистами около 1 миллиарда рублей в год, а ныне при отсечении западных окраин и после военно-революционной разрухи она должна быть значительно, вдвое или втрое, понижена. Поэтому преобладающая доля потребных капиталов должна быть привлечена из-за границы» (Гриневецкий. Стр. 136. Изд. 1919 г.).

Узость буржуазного кругозора даровитого профессора помешала ему видеть огромные возможности внутреннего порядка, которые вскрыла революция и которые позволили восстановить промышленность и оживить хозяйственную жизнь без помощи иностранного капитала, при ничтожных размерах привлекаемых средств извне.

Наша советская система хозяйства предоставила нам целый ряд таких преимуществ, которые позволили взять повышенный темп развития промышленности, восстановить ее в сравнительно короткий срок в довоенных размерах [1]).

Железнодорожное строительство, несомненно, имело и всегда имеет огромное значение для развития тяжелой индустрии, всей

Динамика основных фондов промышленности [2]):

(без жилстроительства, в восстановительный период, в млн. черв. руб.).

Годы		Износ за год	Вложения за год	Прирост + Убыль — в абсол. цифрах	В %%	Капитал к концу года
1923/24	Вся промышленность	264,5	245,3	— 19,2	0,3	5.548,6
	Госпромышленность	224,9	205,7	— 19,2	0,4	4.715,6
1924/25	Вся промышленность	263,5	339,5	+ 76,0	1,3	5.624,6
	Госпромышленность	223,9	289.9	+ 66,0	1,3	4.781,6
1925/26	Госпромышленность (после переоценки основ. капит.) . .	309,0	780,0	+ 471,0	8,4 [3])	6.104,0
1926/27	Госпромышленность (после переоценки основ. капит.) . .	363,0	918,0	+ 555,0	9,1 [4])	6.659,0

[1]) К этим преимуществам надо отнести: 1) плановость и возможность бескризисного развития; 2) максимальная возможность производительного использования прибавочного продукта, создаваемого в стране (ликвидация платежей %% по займам, громадное сокращение потребления паразитических слоев, сокращение военных расходов); 3) оплодотворение крестьянского хозяйства вследствие коренной ликвидации крепостнических пережитков и помощи ему со стороны государства.

[2]) Абсолютные цифры взяты из «Контрольных цифр» Госплана на 1926—1927 г., стр. 312, 315 и перспективной пятилетки Госплана, стр. 80 из таблиц. Проценты прироста высчитаны нами.

[3]) К основному капиталу, который по перспективной пятилетке Госплана определялся к началу года в 5.633 мил. руб. До переоценки капитала «Контрольные цифры» на 1926—27 г. определяли его в 4.781 м. ч. руб., износ определяли в 227,1 м. р., вместо 309,0 м. р. по пятилетке, поэтому прирост основного капитала за год по «Контрольным цифрам» определялся в 10%.

[4]) Фактический прирост за 1926—27 г. будет, несомненно, выше, так как здесь прежде всего не учтены 30 м. р. капитальных вложений (резервных) и, самое главное, не учтены капитальные вложения, которые тресты производят под видом текущего ремонта.

А. Сегал в «Плановом Хозяйстве» на основе изучения отчетов трестов за 1924—25 г. и 1925—26 г. пришел к выводу, что ежегодно под видом текущего ремонта по общесоюзной промышленности происходит дополнительный прирост капитала по 3—4% в год.

промышленности и сельского хозяйства,—это бесспорно. Но интенсивное железнодорожное строительство не оказалось тем решающим предварительным и определяющим условием для восстановления и развития нашей промышленности, каким его считал Гриневецкий. Мы транспорт воссоздавали вместе с под'емом всего хозяйства, он даже заметно отставал в своем восстановительном процессе от роста промышленности. Транспорт у нас подтягивался уходящим вперед народным хозяйством, а не наоборот.

Проедание основного капитала прекратилось с 1924/25 года. Произведенными капитальными вложениями последних 3-х лет восстановительного процесса мы заполнили большинство потерь в основном капитале периода революции и его размеры в 1926/27 г. уже достигли уровня 1913 г., а в следующем 1927/28 г., в котором предположен прирост в 10,9% (725 м. р.), мы перешагнем уже уровень 1917 года [1]).

Существенно иную картину мы наблюдаем в восстановительном процессе на ж.-д. транспорте.

Динамика основных фондов ж. д. выражалась в м. чр. руб. [2])

Годы	Износ за год	Вложения за год	Прирост + Убыль —	Капитал к концу года	Убыль — Прибыль + капитала
1923/24	292,1	141,9	— 150,2	9.572,7	— 1,6
1924/25	287,0	181,3	— 105,7	9.467,0	— 1,1
1925/26	283,2	216,0 [3])	— 67,2	9.399,8	— 0,7
1926/27	286,1	315,0 [3])	+ 28,9	9.428,7	+ 0,3

Прежде всего капитальные вложения в ж. д. были ниже в два и больше раз, чем вложения в промышленность. В то время как до войны за последнее десятилетие (1903—1913 гг.) вложения в ж. д. и промышленность почти уравновешивались (2002 м. рубл. и 2063 милл. рубл.), восстановительный процесс на ж. д. *начался* позднее. До 1926/27 г. наблюдалось проедание основных фондов ж. д. Только текущий год дал небольшой прирост основных фондов на ж. д. Конечно, то частичное покрытие частичного износа, какое мы производили за последние годы, в вещном выражении было более эффективным (более мощные паровозы, рационализация движения и т. п.), что позволило уже

1) Растрата основного капитала в 1918—1923/24 гг. определялась ЦСУ в 937,8 м. р. дов. (Бал. К. Хоз. 1923/24 г.), Струмилиным 992 м. руб. («Плановое хозяйство», № 4—1925 г.). Капитальные вложения за 1924/25 г.—1926/27 г. по «Контрольным цифрам» за вычетом износа в 12.447 м. черв. р., что в перевалюцировке на довоенные рубли составит 737,8 мил. дов. р., что с учетом прироста периода 1914 — 17 гг. в 500 м. руб. показывает, что мы имеем уровень 1913 г.

2) Таблица составлена на основании абсолютных данных «Контрольных цифр» Госплана на 1926/27 г., стр. 312, 313 и 314 доклада Рудзутака на Сессии ВЦИК. (Данные о вложении за 1925/26 г. и 1926/27 г.).

3) «Контрольные цифры» Госплана предполагали в 1925/26 г. вложения в ж. д. 353,1 м. р., в действительности вложено было 216 м. р., в 1926/27 г. предположено было 419 м. р. вложений, в действительности будет вложено 315 м. р., из них только 45 м. на новое строительство. Вот почему вместо прироста фондов в 1925/26 г. на 0,7% получилась растрата их, прирост 1926/27 г. снизился с 1,3% до 0,3%.

в 1925/26 г. грузопод'емность ж. д. довести до довоенного уровня. (102% к довоенному).

Новое железнодорожное строительство до 1926/27 г. было незначительным. За 9 лет с 1918 по 1926 г. открывалось ежегодно в среднем по 692,2 версты [1]), в то время как до войны, по данным Струмилина, за период 1895—1915 гг. открывалось ежегодно по 1920 в. (а в 1913 г. открыто 1402 в.) [2]). За последние годы мы, главным образом, достраивали только те линии, которые были начаты строительством до 1918 года, и очень немного построили новых линий.

В начальный период нэпа, когда приходилось максимум имеющихся средств в стране обращать на восстановление промышленности, некоторая придержка восстановительного процесса и нового строительства на транспорте была понятна и даже необходима. Но теперь этот период надо считать законченным. Промышленность перешагнула по своей продукции за довоенный уровень, все народное хозяйство идет быстрыми шагами вперед. К транспорту оно пред'являет повышенные требования. (Об этих требованиях мы скажем подробнее ниже). *Для нас становится обязательным курс на увеличение капитальных затрат на транспорте, на разворачивание нового ж.-д. строительства.* Это усиление капитальных вложений в ж.-д. хозяйство нашло себе, правда, отражение в пятилетке Госплана, но отражение на наш взгляд далеко не достаточное. Всего капитальных затрат на ж. д. предположено произвести за 5 лет на 3921,4 м. чер. руб. [3]). Из них 1471 м. р. идет на службу тяги, 1270 м. р. на службу пути по старым линиям и только 880 мил. рубл. на новое ж.-д. строительство (остальное—на жилищное строительство, электрификацию и т. п.). Значит ¾ всех капитальных затрат идет на пополнение тех дыр, какие образовались в нем за годы войны и начальный период нэпа и частично на повышение пропускной способности старой сети (на ремонт путей, мостов, пополнение паровозного и вагонного парков, которые больше всего пострадали за период двух войн) [4]). Только менее четверти капитальных затрат идет на новое строительство, за счет чего предполагается достроить 3.033 км. старых линий и начать постройкой 12.000 км. новых линий, из которых к концу пятилетия будет готово только 3.000 км. *Значит, весь прирост за 5 лет*

1) Было открыто новой железнодорожной сети:

1918 г. — 483 в.	1921 г. — 484 в.	1924 г. — 824 в.
1919 » — 1.291 »	1922 » — 354 »	1925 » — 280 »
1920 » — 1.136 »	1923 » — 216 »	1926 » — 1.161 »

Борисов «Плановое Хозяйство», кн. XII за 1926 г.

2) За период 1914 — 17 гг. прирост новой сети ж. д. был довольно бурным. За годы, по данным Борисова, было построено 11.400 в., хотя старое ж.-д. имущество обновлялось совершенно незначительно. Требования войны заставляли развивать ж.-д. строительство, (Струмилин—«Плановое Хозяйство» № 11 за 1926 г.).

3) Струмилин эту цифру снизил до 3.588 милл. руб. при увязке всех капитальных вложений в гос. сектор.

4) В 1927/28 г. капитальные вложения в существующие дороги и новое строительство определены в 659 млн. руб., что в 2 раза выше вложений 1926/27 г. В 1928/29 г. они поднимаются до 864 млн. руб., в 1929/30 г. до 1.014 млн. руб. и к 1930/31 г. предположено вложить 1.144 млн. руб.

К концу пятилетия капитальные затраты уже будут превышать значительно размеры довоенных вложений, но они еще смогут, главным образом, покрывать только те из'яны, какие в ж.-д. транспорте образовались со времени войны.

выразится в 6.033 км.[1]*), или в среднем по 1.207 км. ежегодно, что значительно ниже уровня довоенного прироста*[2]). Из вновь открываемых линий по Европейской части СССР намечается 62% общего протяжения новой сети и только 38% по Азиатской части СССР. Темп строительства в Сибири и других восточных окраинах взят минимальный. О недостаточности капитальных затрат на новое ж.-д. строительство можно судить не только по сниженному темпу прироста новой сети (в сравнении с довоенным) но и на основании того факта, что затраты на новое строительство в промышленности за пятилетие более чем в 2 раза выше затрат на ж. д. (1.900,1 милл. р. против 880 м. р.), тогда как до войны разница в них была небольшая и шла часто с плюсом для ж.-д. строительства. Конечно, довоенные соотношения в капитальных затратах для нас не обязательны, целиком их переносить нельзя, промышленность должна обгонять ж. д., должна обгонять довоенные размеры своего прироста. Но из этого вовсе еще не вытекает, что можно совсем пренебречь об'емом ежегодного нового ж.-д. строительства. Недостаточность строительства могла бы быть смягчена, если бы ж.-д. сеть вполне удовлетворяла растущие потребности грузооборота. Но провозная способность старой ж.-д. сети, несмотря на максимальный успех реконструкции, будет недостаточна. Капитальные затраты на старые дороги по перспективному плану из года в год растут, обновление и расширение паровозо-вагонного парка намечено значительное, и тем не менее оно не таково, чтобы могло удовлетворить имеющуюся потребность в новых товарных вагонах и паровозах, особенно к концу данного пятилетия и началу следующего пятилетия.

Но народное хозяйство помимо растущего грузооборота пред'являет жел.-дор. строительству еще дополнительные требования.

Мы сейчас попробуем установить эти требования, чтобы под углом их судить, соответствуют ли им предположенные размеры ж.-д. строительства.

1) *Начнем с грузооборота.* Надо прямо признать, что предполагаемый в соответствии с намеченными капитальными затратами рост грузооборота на 32% (с 8 миллиард. пуд. до 11 миллиард.) недостаточен. Продукция промышленности за это время увеличивается на 79%, товарная часть продукции сельского хозяйства на 62%. Принятый прирост грузооборота на ж. д. в 32% даже ниже прироста грузооборота последнего пятилетия перед войной 1914 г. (Тогда он выразился 40,2%)[3]). Ряд работников НКПС утверждает, что грузооборот будет не 11 мрд. пуд., а 12½ мрд., мы думаем, что он будет еще больше, так как темпы развития всех отраслей народного хозяйства в текущее пятилетие будут значительно больше, чем до войны, и им не соответствует взятый темп ж.-д. строительства. В целом

[1]) Цифры взяты из «Планового Хозяйства» № 3 за 1927 г. статьи Бернштейн-Когана и И. Либина.

[2]) В 1913 г. прирост выразился в 1.402 в. (Струмилин—«Плановое Хозяйство» № 4 за 1927 г.)

Профессор Петров на основе изучения бурного под'ема народного хозяйства России с 1910 г. и тех требований, которые намечались с его стороны к транспорту, приходил к мысли о необходимости строить по 8.000 верст ежегодно.

[3]) Мекк — «Плановое Хозяйство» № 4 за 1927 г.

ряде быстро индустриализирующихся стран (интенсифицирующих свое сельское хозяйство стран) прирост новой сети ж. д. не отставал от общего прироста народнохозяйственной продукции[1]). Даже, наоборот, в некоторых странах он перегонял (как в известные отрезки времени и в предвоенной России). Быстрый темп развития транспорта в свою очередь подгонял развитие народного хозяйства и способствовал росту в нем перевеса на стороне промышленной продукции.

2) *Более интенсивное железнодорожное строительство диктуется и потребностями индустриализации сельского хозяйства, роста его товарности, расширения сырьевой базы для промышленности и расширения рынка сбыта для ее товаров.* У нас есть целые огромные районы и округа, которые очень слабо связаны с ж. д., огромные пространства имеют крайне редкую ж.-д. сеть, и открытие каждой ж.-д. линии означало бы вовлечение этих районов в круг товарооборота, повысило бы продукцию страны и ее народный доход. Является бесспорным тот факт, что интенсивное земледелие развивается, главным образом, поблизости промышленных районов и вдоль ж. д. Рост и размещение предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов также зависит от ж.-д. строительства, возможно только на известном предельном расстоянии от линии ж. д. Если учесть большие затруднения в сельскохозяйственном сырье, которые уже испытывает наша промышленность и будет еще испытывать—становится особенно ясным актуальность задачи нового ж.-д. строительства.

3) *Интенсивное ж.-д. строительство является важнейшим средством борьбы с аграрным перенаселением.* Промышленность в связи с проводимой рационализацией производства сможет обеспечить в ближайшие годы сравнительно небольшой темп прироста новых рабочих. Во много раз больше будет поглощать новое строительство, и из них на первом месте пойдет транспорт, строительство в котором является самым трудоемким из всех отраслей народного хозяйства.

К 1930/31 году по сравнению с 1926/27 г. число рабочих предположено увеличить в крупной промышленности на 316 тыс., в новом строительстве промышл. предпр. уменьшится на 15,5 тыс. ч., в жилстроительстве увеличится на 79,7 тыс. ч., а

[1]) Например, Японии имела:

	1903 г. к 1898 г.	1913 г. к 1903 г.	1918 г. к 1913 г.	1923 г. к 1918 г.
Процентное отношение прироста ж.-д. сети к предыдущему сроку . . .	130	149	121	118
То же по нар.-хоз. продук.	109	140	119	119

Канада:

	1901 г. к 1891 г.	1921 г. к 1911 г.
Процентное отношение прироста ж.-д. сети к предыдущему сроку	135	152
То же по нар.-хоз. продукции	143	112

«Плановое Хозяйство» № 3 за 1927 г. ст. Уманского).

на строительстве транспорта даже при уровне, намеченном Госпланом число рабочих увеличится на 458,4 тыс. ч.

Железнодорожный транспорт разряжает аграрное перенаселение не только непосредственным привлечением к себе новой рабочей силы, но и тем, что помогает индустриализоваться с. х., расширяет возможности больших посевов трудоемких культур, и тем, что расширяет возможности для переселенческого дела, для колонизации Сибири и Дальнего Востока. Юго-Восток и Сибирь при пересечении их новыми ж.-д. линиями могут поднять в несколько раз свою продукцию и явиться огромным резервуаром для отхода и размещения рабочей силы.

4) *Железнодорожное строительство имеет тесную связь с развитием металлургии и машиностроения.* Поэтому ничего нет удивительного в том, что недостаточная интенсивность нового ж.-д. строительства обусловила собою относительное отставание металлургии по отношению к довоенным размерам по сравнению с рядом других отраслей народного хозяйства.

Динамика валовой продукции в натуральном выражении [1])

Годы	Чугун		Уголь кам.		Нефть		Мартен	
	мил. п.	%	мил. п.	%	мил. п.	%	мил. п.	%
1913	256,6	100	1.772,4	100	560,8	100	259	100
1924/25	78,6	30,6	1.009	56,9	438,6	78,2	111,5	43
1925/26	135	52,9	1.567	88,4	520,5	92,8	178	78,7
1926/27	181	70,4	1.985	112,0	620,0	110,5	211	81,5
1930/31	320	124,5	2.980	168,2	860,0	153,3	356	137,4
За 1926—1930/31 г. Прирост	185,5	137,0	1.413	90,2	339,5	65,2	178,0	100

Годы	Прокат		Хлопч.-бум. ткани		Спички	
	мил. п.	%	мил. м.	%	мил. ящ.	%
1913	214,1	100	2.238	100	3,7	100
1924/25	84,0	39,2	1.499	67,1	3,1	83,8
1925/26	136	63,5	2.021	90,3	3,3	105,4
1926/27	158	73,8	2.320	103,6	4,3	116,2
1930/31	275	128,5	3.165	141,4	5,45	147,2
За 1926—1930/31 г. Прирост	139	102,2	1.144	56,6	1,55	039,7

[1]) Цифры за 1913 г. взяты из «Контрольных цифр» Госплана, стр. 320. За остальные годы из Пятилетки Госплана. Цифры за 1913 г. почти совпадают с данными ЦСУ. (Н. Воробьев—«Вестн. Стат.», кн. 4—6, с. 51). Так, например, по чугуну ЦСУ дает 257,4 м. п., по нефти — 563,4 м. (разница с Госпланом незначительная).

Мы нарочно берем продукцию в натуральном выражении, так как без ценностных колебаний она наиболее точно отражает рост отдельных отраслей.

Из таблицы мы видим, что хотя отрасли тяжелой индустрии как правило дают за пятилетие значительно больший прирост, но вся металлургия к концу пятилетия по достигнутому уровню в отношении 1913 г. стоит ниже, чем текстильная промышленность, спичечная и ряд других отраслей легкой промышленности.

5) *Наконец, железнодорожное строительство имеет огромное значение для повышения обороноспособности, военной мощи нашей страны.* Это положение настолько очевидно, что не нуждается в пояснениях.

Февральская сессия ЦИК Союза учла всю важность транспорта и сказала в своем решении: «считать первоочередной задачей капитальное строительство по созданию новых жел-дор. линий в полном соответствии с развивающимися потребностями народного хозяйства страны». Из анализа требований, которые пред'являет к транспорту народ. хоз., и предположений пятилетки мы убедились, что соответствия между строительством новых железных дорог и потребностями народного хозяйства в последних нет.

Транспорт отстает в своем развитии от народного хозяйства. Предположения пятилетки о новом ж.-д. строительстве нуждаются в переработке под углом зрения увеличения капитальных затрат, а не урезки их. (При увязке плановых предположений размер капитальных вложений на ж. д. был снижен на 450 милл. руб. Фактические размеры вложений в ж. д. за последние годы все время были ниже плановых предположений. Это надо решительно переломить). Взятый темп прироста новой сети надо увеличить минимум в $1^1/_2$ раза. Мы должны не отставать, а перешагнуть в этом пункте довоенный уровень. Железнодорожное строительство явится теперь и новым стимулом, дополнительным условием для разбега производительных сил нашей страны. Развитие транспорта подхлеснет дальнейшее развитие всего народного хозяйства, индустриализацию нашей страны.

Но нас спросят: ***откуда же взять дополнительные средства на усиление ж.-д. строительства?*** Вот главный вопрос, который встает казалось бы основным препятствием при выполнении этой задачи. Но он разрешим. *Добавочные средства на увеличение капитальных затрат следует искать по трем линиям*: увеличение бюджетных ассигнований, привлечение на это дело средств населения и повышение накопления в самом ж.-д. хозяйстве. За 5 лет пополнения из бюджета на ж. д. составят $1^1/_2$ миллиарда рублей (по 300 м. р. в год против 500 м. руб. ассигнован. на пром.), что безусловно не достаточно. В отношении накопления на собственной основе промышленность имеет больше преимуществ в сравнении с транспортом. Определение ж.-д. тарифов гораздо жестче поставлено под регулирующий контроль государства, здесь невозможны отклонения без обязательного каждый раз на то постановления правительства. Выгоды рационализации скорее дадут себя знать в промышленности, они медленнее обнаружатся на транспорте, ибо здесь рационализация невозможна по мелким частям, она сразу требует осуществления ее на целой линии.

на ряде линий. Вот почему транспорт в наибольшей степени нуждается в поддержке бюджетных ассигнований [1]).

Ассигнования на транспорт можно и должно увеличить за счет сокращения непроизводительных расходов в стране и в частности госаппарата. *Привлечь средства населения на ж.-д. строительство можно посредством целевых ж.-д. займов.* Сбережения в стране уже есть, об этом говорит быстрый рост вкладов в сберкассы. В займах, предполагающихся к постройке железных дорог, безусловно, будет заинтересовано население и общественные организации тех районов, по которым пройдут новые линии. Железнодорожные займы будет возможно реализовать. Они могут привлечь такие средства населения, которые еще не улавливаются в форме вкладов в нашу кредитную систему, поскольку они ближе увязывают местные интересы с общегосударственными. Сумм от реализованных ж.-д. займов, вероятно, еще нехватит для покрытия всех потребных расходов на строительство той или иной ж.-д. линии. Но они, безусловно, составят внушительную сумму в дополнение к тем средствам, которые выделяет на это дело государство. Вот почему *следует признать актуальной задачу мобилизации через железнодорожные займы значительной части накопления страны.* Из 3½ миллиардов черв. рублей, предназначенных на капитальные затраты ж.-д. хозяйства, больше половины (2 миллиарда) дают сами железные дороги. Доход их за 5 лет предположен в 9 миллиардов черв. руб. при 7 миллиардах руб. эксплоатационных расходов. Имеются возможности поднять еще выше доходность ж.-д. через рационализацию движения и снижение издержек на ремонт, через поднятие производительности труда ж.-д. рабочих и персонала. Производительность труда ж.-д. рабочих отстает еще от роста зарплаты. (К началу 1927 г. она составляла 70% довоенной, а зарплата в 1925—26 была 75% дов., в 1926—27 г. зарплата должна была составить 84% довоенной). Через под'ем производительности труда железнодорожников, через рационализацию ж.-д. хозяйства [2]), возможно дальнейшее повышение рентабельности ж. д., возможно повысить сумму накопления сверх тех 2 миллиардов, которые уже предположены за пятилетие [3]). Идя всеми этими путями мы можем изыскать дополнительные ресурсы на расширение ж.-д. строительства.

Надо поднять долю транспорта в народном доходе страны. Необходимо уже в это текущее пятилетие в приросте новой сети ж. д. догнать и перегнать средне-годовой уровень ее прироста в довоенное время. Эту задачу на ряду с усилением пропускной способности старой сети надо поставить, как актуальнейшую на ближайший период. Ее решения требует все народное хозяйство, требует дело индустриализации и обороны СССР.

---

[1]) Надо заметить, что железнодорожные тарифы теперь в интересах всего народного хозяйства установлены значительно ниже довоенного уровня. Мекк высчитал, что при доведении тарифов только до 80% довоенного уровня возможно повысить доходы ж.-д. транспорта за 5 лет еще на 1.700 мил. руб. сверх тех сумм, которые определены по пятилетке Госплана.

[2]) Введение товарного движения по расписанию увеличивает пробег грузов. В 1925/26 г. сроки простоя паровозов в капитальном ремонте по данным т. Халатова удалось снизить с 120 дней до 90. Экономия возможна на топливе, на сокращении простоя и т. п.

[3]) Мы еще в 1926/27 г. не достигли довоенной рентабельности железных дорог, если учесть те платежи по гарантированным ж.-д. займам и т. п. сливки, которые снимал с русских ж.д. иностранный капитал и что теперь не имеет места.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТВЕТ КРИТИКАМ.

(*Окончание*).

Не менее ложная оценка моей работы в 1917 году приводится т. Кином из сборника лекций проф. Покровского.

Тов. Покровский пишет, что «Шляпников признается в своих воспоминаниях, что он всячески саботировал организацию рабочих в боевые дружины и вооружение рабочих. Правда, он оправдывает это тем, что он советовал рабочим пропагандировать солдат, и тогда дело пойдет гораздо лучше. Но пропагандирование солдат и выступление рабочих,— это, как вы помните из анализа 1905 года, были два акта, которые должны были итти друг другу навстречу». Это профессорское утверждение ложно от начала до конца. Тов. Покровский неправильно изложил позицию Бюро ЦК нашей партии по вопросу о вооружении рабочих. Хотя т. Покровский и не состоял в то время в нашей партии и не был в февральские дни в России, но это не дает ему права клеветать на Бюро ЦК и на меня, одного из его членов, говоря, что я «саботировал организацию рабочих в боевые дружины». В нашей партийной печати во время войны *ни разу* не ставился вопрос о создании боевых дружин по типу 1905 г. Это делалось, уважаемый профессор, потому, что обстановку 1914—1917 гг. партия учитывала иначе, а не по трафарету 1905 г. Вооружение рабочих мы (Бюро ЦК) предполагали тогда совершить через союз с солдатами, и события нас оправдали полностью. Тов. Покровский неправильно использовал мои сообщения (в кн. 1, «Семнадцатый год», стр. 105) о том, как в дни стачки 25 февраля я отказывал отдельным товарищам Выборгской стороны доставать револьверы, предлагая добыть оружие через солдат. В эти дни вопрос шел не о распропагандировании солдат, а о вовлечении их в восстание, и поэтому я «самым настоятельным образом требовал вовлечения солдат в восстание и этим путем добыть оружие и всем рабочим. Это было труднее, чем приобретение нескольких десятков револьверов, но в этом была целая программа действий. Обострение уличной борьбы возбуждало у рабочих великую жажду вооружения. Все, даже массовики, понимали, что это было единственное средство к победе, к закреплению каждой новой позиции в происходившей борьбе. Оружие рабочий-революционер мог достать только у солдата-рабочего и крестьянина в серой шинели, колебавшегося в своей верности присяге и боровшегося со страхом и оковами дисциплины, но показавшего тысячами случаев, что он всем сердцем и душой с нами, с революционным народом, но нужно сделать еще шаг друг к другу, чтобы это единение из сочувственного превратилось в действующее. И этот шаг, по моему мнению, должны были сделать сами рабочие. Практически я мыслил это и предлагал представителям Петербургского Комитета и работникам Выборгского Районного Комитета осуществить на местах по районам и казармам таким образом. Наши товарищи, пользуясь партийными и личными связями с солдатами, расположенными в их районе, проникают, несмотря на риск и трудности, в казармы, устраивают массовки с участием солдат там, где нельзя будет проникнуть в казармы. На этих собраниях ставить вопросы внутреннего

положения, о тягостях войны, ее целях и необходимости свержения царской власти и прекращения войны. Звать к активности и присоединению к народу, к поддержке революционных требований. Во время уличных встреч следовало быть крайне осторожным и не нападать на воинские солдатские части, а стараться сливаться с солдатами, вступать в разговоры, обращаться к ним с речами, стремиться к уличному братанию, распылению их в толпе, изолированию от них офицеров». Вот как мы мыслили и действовали в дни февральского переворота, т. Покровский. А в первый день уличной победы революции 27 февраля ст. ст. то же Бюро ЦК внесло в Исполнительный Комитет предложение о вооружении $10^0/_0$ всех рабочих, защищенное мною. Это совсем непохоже на профессорское изложение «истории» 1917 г. и моего «саботажа»».

Мои сообщения об опасности раскола, имевшей место в марте—апреле 1917 г. в нашей партии, т. Кин признает правильными только по отношению к Сибири, но считает неверным в отношении других частей страны. Почему это—неизвестно. В качестве доказательства правильности моего утверждения могу привести ряд фактов, как то: «отход» правой группы большевиков, представителей различных городов, участников мартовского совещания и затем отход части большевиков уже после приезда В. И. Ленина, несогласных с его позицией. Остальные, еще более мелкие, экивоки т. Кина не заслуживают ответа в печати, и, не теряя времени, я перейду к отражению другой атаки на Бюро ЦК, которую произвел в «Известиях» (см. №№ 54, 55—57) т. Яковлев, Я. А.

Тов. Яковлев в своем схематическом изложении «февральских дней революции 1917 г.» оспаривает роль партийного руководства событиями тех дней. Это руководство т. Яковлев непозволительно упрощает и совершенно упускает из виду, что наша партия в Питере имела влиятельную подпольную организацию. Нельзя все руководство сводить к листовкам. В февральские дни существовал у нас ПК, а после его ареста (26 февраля утром) оставались районные комитеты, соединенные живой связью с фабриками, заводами и мастерскими. Упрощенство и непонимание деятельности нашей партии в те дни т. Яковлев прикрывает ссылкой на то, что руководство большевиков сказалось в том, что за время революции 1905 г., а также и за годы существования «Правды» (1912—1917 гг.), подготовился кадр рабочих, «стихийно» оформлявших движение. Отрицать влияния 1905 года и нашей «Правды» на пролетариат, и в первую очередь на питерский, никто не может, но все же эта ссылка не опровергает описанной мною роли партии в предфевральские и февральские дни 1917 г. Тов. Яковлева смущает то противоречие, которое обнаружилось в развитии революции, а он, вместо уяснения себе и раз'яснения другим этого противоречия, пытается его примирить за счет умаления роли нашей партии в Февральской революции. Это противоречие т. Яковлев видит в том несоответствии роли нашей партии в самом февральском движении с ролью партии в конечном результате движения, т.-е. в первые недели после свержения царизма. Из моих сообщений т. Яковлев делает совершенно неправильные выводы, упрощает, схематизирует революционное движение и заводит себя и читателя в порочный круг. Происходит это от того, что он имеет весьма смутное представление о подполье и руководстве рабочим движением в те времена, склонен ограничивать его исключительно легальными формами (ссылка на существование «Правды» в 1912—1914 гг.). Во время войны и до нее наша партия имела свои нелегальные организации, а в Питере она была самой сильной. «Правда» была легальным органом нашей партии, обслуживала, но не заменяла ее. Наша подпольная организация и в эпоху «Правды» и после была построена на живой связи, и эта связь, обрываясь то тут, то там арестами,

служила тем приводом, который давал возможность Петербургскому Комитету об'единять борьбу рабочих и руководить ей. Роль этой организации в движении 1917 г. была огромная. Благодаря ей Петербургский Комитет мог не только призывать, но и приводить в движение сотни тысяч рабочих. При этом нелегальный печатный станок не всегда был к услугам организации. Так было в подполье. Так началось движение и 18—23 февраля. Массы вышли на улицу под нашими лозунгами, сражались, сломили царизм под руководством в значительной, подавляющей доле нашей организации. Однако первые же дни легальности после переворота отбросили нас от руководящей роли в движении. Ничего неожиданного в этом не было. Не нужно забывать, что и самый характер движения после 27 февраля изменился. Не следует смешивать и боровшуюся на улицах рабоче-солдатскую массу с массой избирателей после победы. Большинство последних, как солдаты и вновь втянутые в промышленность рабочие и служащие торгово-промышленных учреждений, дали перевес соглашательско-оборонческому блоку против нас. Мелкобуржуазные элементы качнулись на вопросе о войне после свержения царизма в сторону буржуазии. Мы же сохранили за собой тот слой передовых рабочих, который в подпольных условиях был руководящим во всех выступлениях питерского пролетариата.

То же непонимание содержания событий того времени звучит в рассуждениях т. Яковлева относительно лозунга выборов в Совет. «Механика» движения, через которую он пытается проникнуть в его содержание, заслоняет ему все. Ни днем 26-го, ни утром 27-го февраля наша организация не могла выбросить лозунга выборов в Совет, так как дело выборов нельзя было совмещать с призывами к восстанию. Процесс выборов мог отвлечь рабочих от демонстраций и восстания, а этого допускать было нельзя. Еще утром 27-го февраля мы не знали, что вечером того же дня победим царизм в уличной борьбе. Созывать представителей от партий и предприятий для организации Совета начали уже после освобождения политических заключенных из тюрем и овладения Таврическим дворцом, т.-е. под вечер 27-го февраля. Тов. Яковлев своими писаниями и рассуждениями о руководстве движением в дореволюционное время исходит из условий нашего времени и переносит мерку 1927 года на события, имевшие место в 1917 году.

В пятом номере нашего «Большевика» от 1 марта помещен разбор третьей книги «Семнадцатый год», сделанный т. А. Ломакиным. Данный т. Ломакиным разбор книги отличается от критики т. Кина. Указания т. Ломакина «на наводнение» книги документами совпадает вполне с моим мнением. Правильно и его замечание о том, что в этой книге я отошел от «воспоминательского» характера писания и не даю анализа подобно тому, как делал это в других работах. И то и другое допущено мною в силу условий, не зависящих от автора. Тов. Ломакин, упрекая меня, делает это по незнанию условий работы. Редакция «Истпарта» гораздо «спокойнее» принимает документы, чем воспоминания с оценками и анализами. Мои же воспоминания, а в них оценки и анализы, всегда причиняли редакции излишние хлопоты и беспокойство. Тов. Ломакин может справиться, как обстояло дело с изданием той самой книги II «Семнадцатый год», которую он хвалит и ставит в пример. Те самые главы, которые ныне признаны по своим оценкам правильными, тогда (т.-е. два года назад) вызывали сомнения и возражения. Чтобы книга появилась в свет, мне пришлось, по требованию редакции, ходить и «согласовывать» написанное со всеми, о ком я писал. Но даже после «согласования» книга II осталась на складах ГИЗ'а, не была распределена по магазинам в обычном порядке.

Этими же условиями об'ясняется и «протокольное» изложение фактов партийной жизни. Только такое писанье, как «об'ективное», не встречает трений в редакциях, не нарушает ничей покой. И только поэтому III книга появилась в печати, хотя не без «заминки». Эта «заминка» видна на «лице» самой книги: она редактировалась «Истпартом», но истпартовской марки не носит.

Теперь несколько слов по поводу замечаний т. Ломакина об «авторских вывихах», к которым он относит мои замечания о роли Государственной Думы в февральском перевороте. Первое место, взято из III книги «Семнадцатый год», главы «Из деятельности Временного Комитета Государственной Думы», в которой я описываю *солдатское понимание* революционных событий, «в которых Государственной Думе отводилась почетная роль зачинщика. На самом деле Государственная Дума примкнула к революции уже после победы уличного рабочего и солдатского восстания в Петрограде. Но этим запоздалым присоединением Государственная Дума сыграла положительную роль в деле дальнейшего разгрома сил царизма». Тов. Ломакин считает это мое утверждение ошибочным и в подтверждение своего взгляда приводит характеристику Гос. Думы, данную мною в первой книге (стр. 161), где я писал, что «со стороны Государственной Думы и ее прогрессивного блока не было сделано ни одного шага, даже ни одного простого жеста поддержки восставших, поддержки движения. Одна мысль об'единяла зубров 4-го созыва—это страх перед революционным народом, и этот страх побуждал думских деятелей буржуазии искать соглашения с царизмом. Это соглашение против народа не состоялось не по вине буржуазии. Она сделала в первые дни все, что могла, для сохранения царской монархии.

Поворот Государственной Думы по отношению к революционному движению, своеобразное признание членами Государственной Думы революционного переворота совершилось уже тогда, когда революционные рабочие и солдаты разбили главные силы своих врагов и победа революционного движения была обеспечена. Сама Государственная Дума, порождение царской монархии, умерла одновременно с ней». Тов. Ломакин упрекает меня в том, что я «похоронив Гос. Думу вместе с царизмом» в первой книге, снова «воскрешаю» ее в третьей. Никакого «воскрешения» Гос. Думы я не совершаю, т. Ломакин, а лишь даю оценку факта присоединения Гос. Думы к революции, совершенного ею 27 февраля. Этот факт был использован сознательными рабочими и солдатами того времени против остатков царизма. За Гос. Думой шли известные круги крестьянства, армии, городской мелкой буржуазии, интеллигенции, и забывать это нельзя. От имени Государственной Думы в тот вечер 27 февраля призывали к «сдаче» гарнизон Петропавловской крепости и т. д. Этих исторических фактов игнорировать не следует, а их нужно правильно понять, и в этом нет никакого уклона к «об'ективизму».

Второй вывих т. Ломакин усмотрел в моей характеристике крестьянского движения. Ошибочное место заключается, по его мнению, в следующем абзаце со стр. 142 третьей книги, в котором сказано, что «во второй половине марта появились первые признаки крестьянского нетерпения, окрещенные по-старому «аграрными беспорядками». Временное правительство вынуждено было открыто высказаться по вопросу о земельных реформах. Выпущенные им воззвания не могли удовлетворить крестьян, так как по существу все намерения Временного правительства были направлены к отсрочке решения до «Учредительного Собрания», а до того—защите интересов крупного землевладения. Между тем наступала весна, бросала вызов безземельным крестьянам, заманивая их на

простор помещичьих полей. Одиночные случаи крестьянских волнений в марте превратились в апреле уже в массовые. Распоряжение правительства об учреждении земельных комитетов способствовало смягчению остроты конфликтов на местах и позволяло направить крестьянство на путь организованного решения земельного вопроса». Взяв из него лишь две последние фразы, т. Ломакин восклицает—«вот это действительно новость, даже целых две! Вр. правительство «способствовало» «смягчению» земельных конфликтов на местах! Крестьянам «позволялось» «организованно решать» земельный вопрос благодаря распоряжению Вр. правительства!» [1]). Но этакое обилие восклицаний и удивлений свидетельствует не о моем «об'ективизме», т. Ломакин, а о Вашем непонимании и незнания крестьянского движения первых месяцев после Февральской революции. Одновременно с этим незнанием т. Ломакин обнаруживает и неспособность связать законодательную деятельность Временного правительства с классовой борьбой того времени. Распоряжение Вр. правительства об учреждении земельных комитетов было издано отнюдь не по доброй воле, а в результате огромного давления крестьянских масс, поддержанных рабочими. Земельные комитеты были использованы землевладельцами для смягчения *остроты конфликтов*, но в то же время дали возможность крестьянам вести борьбу в организованном порядке. Создание комитетов однако не решало и не могло решить земельного вопроса при Временном правительстве Львова—Милюкова, об этом у меня сказано достаточно. Тов. Ломакин не привел ни одного факта, опровергающего мое утверждение о значении распоряжений Временного правительства, ограничиваясь лишь восклицаниями и кавычками. На стр. 155—156 у меня написано, что «мероприятия Временного правительства, предназначенные для введения крестьянства в «русло законности», были использованы для организационного сплочения крестьянских сил. Малое количество «острых конфликтов», т.-е. разгромов имений, поджогов, убийств помещиков и т. п. явлений, было результатом организованности крестьян и сознания ими своей силы. Все, кто бывал в те месяцы в деревне, быстро убеждались в твердости крестьянских намерений. Все жители деревень и селений были твердо убеждены, что земля будет ихняя и перейдет к ним в ближайшее время. Вместо грубых насилий крестьяне находили иные средства, более мирные, но хорошо действовавшие, иные способы выживания мелких и крупных помещиков. Постановление Временного правительства о продовольственных комитетах и об охране посевов давало целый ряд возможностей выжить помещика, лишить его земли на законном основании. Закон обязывал его засеять или сдать в аренду свою землю. Однако засеять своими собственными силами он не мог, а наемных рабочих и пленных ему или не давали или назначали такую плату за их труд, что помещик отказывался, и земля передавалась под крестьянскую запашку. Мысли о том, что помещикам не нужно давать рабочих, брали всюду верх. Благодаря войне и потребностям военной промышленности в рабочей силе это отношение крестьян к наемным рабочим в сельском хозяйстве тогда еще не отражалось на состоянии рынка труда и на положении с.-х. рабочих. Рабочие, уволенные или снятые с помещичьих работ, находили для себя работу у тех же крестьян и порой на той же помещичьей земле, но уже за счет деревенского богатея». Тов. Ломакин также не согласен с таким изложением и об'яснением событий, но было бы лучше, если бы он заменил свое недовольство фактами, опровергающими мое утверждение. Указание на карательные отряды ничего не опровергает. Самая возможность посылки

[1]) См. «Большевик № 5, стр. 93.

карательных отрядов говорила тогда же нам о том, что фронтовая солдатская масса была против дележки земли в свое отсутствие. На этом противоречии интересов внутри крестьянства играли сначала кадеты, а потом с.-р. и с.-д. меньшевики.

Аграрное движение в 1917 году развивалось в своеобразных условиях, еще недостаточно изучено, но ломакинский подход к нему неправилен. Крестьяне в 1917 году, после февральского переворота, сумели использовать все открывшиеся для них возможности борьбы за землю и отнюдь не так просто «захватывали» земли. Наша партия в то время стояла за организованное решение вопроса о земле и осуществила его в первый день взятия власти.

А. Шляпников.

ОТВЕТ ТОВ. ШЛЯПНИКОВУ.

В ответ на мою статью «Семнадцатый год в изображении тов. А. Шляпникова», помещенную в «Историке-Марксисте» № 3, т. Шляпников разразился в «Большевике» № 10 обширной статьей, в которой, главным образом, полемизирует со мной.

Тов. Шляпников жалуется на то, что будто бы я на основании одной цитаты из его книги обвинял его в том, что в его «истории» крестьянство отсутствует, и умышленно оборвал цитированное на том месте, где он именно о крестьянстве говорит.

Вот что я писал: «Тов. Шляпников в своей книге *берет армию оторванно от крестьянства* (подчеркнуто в подлиннике. *Д. К.*). Ряд глав в его книге посвящен армии. *В этом заслуга т. Шляпникова*, но нельзя простить ему того, что он переживания, ход революции в армии совершенно не ставит в связь с настроениями крестьянства» [1]).

Именно на этом я неоднократно останавливаюсь в своей статье, именно об этом я писал. Доказать мою неправду в этом пункте тов. Шляпников не в состоянии.

Теперь по поводу «первородного греха» т. Шляпникова в вопросе о характере и движущих силах революции 1917 г. и моем «недиалектическом» подходе к его изысканиям и воспоминаниям.

Я привел две цитаты из первого ленинского "Письма издалека" где Ленин говорит о роли империалистской войны, как гигантского ускорителя первой буржуазной революции и революции второй, ибо первая мартовская «уже закончилась». Другая цитата говорит о роли заговора и борьбы союзников и русской буржуазии против царизма, которые, слившись с потоком массового народного движения, обусловили быструю победу революции. По этому поводу т. Шляпников говорит: я пишу о конце 1916 г. и начале 1917 г., а Кин приводит ленинские постановки вопроса, относящиеся к периоду февральского переворота и послефевральскому, по существу вопроса он, однако, ничего не говорит.

Прав ли я был, приводя эти слова Ленина, или я подменил один исторический этап другим. Помилосердствуйте, т. Шляпников, но ведь в том и состоит главная задача историка войны и февральского переворота, чтобы корни, истоки явлений и процессов, обнаружившихся во всей полноте и глубине после февральского переворота, вскрыть в период, предшествовавший февралю, а не говорить, что «соотношение классовых сил со времени первой революции (1905) мало изменилось».

---

1) «Ист.-Маркс». № 3, стр. 47.

Иначе 1917 г. выпрыгивает неожиданно, как «бог из машины» в древне-греческой трагедии. И если т. Шляпников не понимает этого, то тем хуже для него.

Далее, не ясно ли, что хотя приведенные мной цитаты из ленинского письма относятся к марту 1917 г., но в них Ленин характеризует значение войны в ускорении революции и роль союзников и буржуазии, что относится именно к дофевральскому периоду, ибо т. Шляпникову должно быть отлично известно, что именно с момента мартовского переворота буржуазия вкупе с союзниками в отличие от того, что было, до момента взрыва, делала все, чтобы спасти монархию.

Подобного же рода обвинения в «подмене различных исторических этапов» пред'являет мне т. Шляпников и тогда, когда пытается доказать, что Ленин в период империалистской войны, говоря о перспективе социалистической революции, совершенно исключал Россию и ограничивал стоящие перед ней задачи рамками буржуазной революции.

Тов. Шляпников по поводу ошибки харьковских и других товарищей по вопросу о характере наступающей революции иронически замечает в своей книге: «многим товарищам было не по «душе» *ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка*» [1]). Я привожу и другие подобного же рода цитаты из книг т. Шляпникова и говорю, что большевикам такое «ограничение задач революции рамками буржуазного порядка никогда не было «по душе» и что Троцкий именно в этом обвинял большевиков, говоря, что они со своей идеей диктатуры пролетариата и крестьянства придут к «антиреволюционной» позиции «буржуазно-демократического самоограничения пролетариата» (Троцкий. «1905 г.», стр. 285).

В своей статье я привожу выдержку из одного письма Ленина к т. Шляпникову за 1915 г., в которой Ленин говорит, что «у нас в России, как и во всем мире» необходимо провести новое деление социалистов на шовинистов и антишовинистов», что «соответствует высшей, более близкой к социалистическому перевороту стадии развития». Я указывал, что эта выдержка из письма свидетельствует о том, что Ленин, говоря о периоде, «более близком к социалистическому перевороту», имел в виду и Россию.

В связи с этим т. Шляпников хочет представить дело таким образом, будто я приписываю Ленину мысль о том, что перед Россией непосредственно стояли задачи социалистической революции. Надо было тогда привести из моей статьи соответствующие места, которые доказывали бы, что я впал в подобного рода троцкистскую или «левобольшевистскую» ересь. Могу привести ряд выдержек из своей статьи, где даю ленинскую постановку вопроса о соотношении демократической и социалистической революции в России [2]).

Тов. Шляпников сообщает, что Ленин разделял его точку зрения в вопросе о позиции харьковских товарищей и в связи с харьковским случаем Лениным были написаны знаменитые «Несколько тезисов», якобы подтверждающие взгляд Шляпникова об «ограничении нашей революции рамками буржуазного порядка».

Ничуть не сомневаемся в правильности сообщения т. Шляпникова о поводе для написания «Нескольких тезисов», но во всяком случае следует признать, что попытка опереться на Ленина в защиту точки зрения, высказанной т. Шляпниковым в книге «17 год» в связи с харьковским случаем, обречена на полнейшую неудачу. Жалкая попытка прикрыться

---

1) А. Шляпников, «17 год», ч. I, стр. 67. Курсив мой. *Д. К.*

2) См. мою статью в «Ист.-Маркс.» № 3, стр. 42, 45.

Лениным! Ленин всегда решительно отмежевывался как от тех, кто перепрыгивал через демократическую революцию, так и от тех, кто думал ограничиться для России задачами демократической революции, как ставили вопрос меньшевики.

Тов. Шляпников, как и т. Каменев на XV партконференции, ссылается в подтверждение своих взглядов на «Несколько тезисов», где говорится о том, что «социальным содержанием ближайшей революции может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». На этих тезисах 5 и 6 т. Шляпников обрывает. Между тем в тезисе 11 т. Ленин говорит о взятии власти в России пролетариатом, который пойдет дальше программы-минимум, говорит о революционной войне против империализма.

Именно о подобного рода перспективе прихода пролетариата к власти еще в период «теперешней войны» и говорил Ленин в «Нескольких тезисах».

Сопоставьте «Несколько тезисов» со статьей «К лозунгу Соед. Штатов Европы», где Ленин говорит об условиях революционной войны пролетариата («экспроприация капиталистов, организация социалистического производства»). Сопоставьте их с тем, что Ленин говорит в споре с Мартовым по вопросу о характере войны в России после свержения царизма и установления демократической республики. Ленин писал, ссылаясь на «Несколько тезисов», что отношение русского пролетариата к войне в этом случае не изменилось бы—у власти стали бы демократы или революционеры-шовинисты. Далее Ленин говорит о том, при каких условиях рабочий класс в России мог бы сыграть роль пролетарских якобинцев, т.-е. повести революционную войну, повести ее «*может в войне 1914—1915 гг. только пролетариат, совершающий победоносную социалистическую революцию*» [1]).

Похоже ли это на то, что говорит т. Шляпников в «Семнадцатом годе» об ограничении рамками буржуазного порядка. Похоже ли это и на то, что т. Шляпников говорит в «Ответе критикам»: «*Что за буржуазно-демократической революцией будет период борьбы за социализм и последует социалистическая революция, в этом мы были убеждены.* Но подменить один этап другим мы не позволяли ни себе ни другим» [2]).

Подобного рода общая формулировка абсолютно ничего не говорит о ленинском понимании соотношения демократической и социалистической революции, о перерастании одной в другую, о том, что по учению Ленина, которое он развивал и в 1905 и в 1915 гг., пролетариат, совершив буржуазно-демократическую революцию,—*немедленно же, сейчас же* перейдет к революции социалистической. Эти ленинские формулировки т. Шляпников старательно обходит, а из «Нескольких тезисов» выдергивает один отрывок, не желая замечать того, что Ленин дальше в них говорит.

Кто же фальсифицирует историю, кто подбирает поддельные ключи к подлинно-ленинским большевистским заметкам?

Переходим к обвинениям т. Шляпниковым меня в неправильной постановке вопроса о крестьянстве. Я обвинял в своей статье т. Шляпникова в том, что он не только берет крестьянина-солдата изолированно от крестьянства, но что у него вообще вопрос о крестьянстве, о деревне заслоняется и целиком покрывается вопросом об армии. Основанием для такого обвинения мне послужило то место у Шляпникова, где он

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 222. Курсив мой. *Д. К.*
[2]) «Большевик» № 10, стр. 90.

рассказывает, что в вопросе об организации Всерос. крестьянского совета инициативу проявили эсэры и «Крестьянский союз».

Исполнительный Комитет СРД этим вопросом не занимался. Тов. Шляпников оправдывает политику Исполнительного Комитета тем, что «участие солдат в советах по всей стране фактически разрешило дело организации крестьянства» («17 год», ч. 2, стр. 164).

Не удивительно, что меньшевики, преобладавшие в Исполнительном Комитете, стояли на такой точке зрения и предоставили целиком инициативу организации крестьянства и такого важного органа, как Всероссийский Крестьянский Совет, эсэрам. Странно, что с этим взглядом т. Шляпников солидаризуется. Тов. Шляпников изображает дело т. о., будто я отдаю эсэрам пальму первенства в вопросе об организации крестьянства, и ссылается на то, что он ведь говорит о вовлечении солдат в советы. Тов. Шляпников проявляет здесь ловкость рук—и только, ибо я говорил об организации крестьянства вне армии, в деревне. А этот вопрос не мог быть разрешен только привлечением солдат, наоборот, это привлечение должно было стать опорой для организации деревни.

Для доказательства того, что Ленин к вопросу о крестьянских советах относился иначе, чем т. Шляпников приведем слова Ленина, относящиеся даже к более позднему периоду: 16 (29) апреля 1917 г. «Нет сомнения, все члены нашей партии, все сознательные рабочие всеми силами поддержат организацию Совета крестьянских депутатов (речь идет н о Всероссийском Совете. *Д. К.*), позаботятся об увеличении их числа, об укреплении их силы, напрягут со своей стороны усилия, чтобы внутри этих советов вести работу в последовательно и строго пролетарском классовом направлении. Чтобы вести такую работу надо сплачивать отдельно пролетарские (батрацкие, поденщицкие и т. п.) элементы *внутри* общекрестьянских советов или (а иногда *и*) организовывать отдельные советы батрацких депутатов» (Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 88). Вот что говорил Ленин о задачах большевиков в деле организации крестьянских советов. Похоже ли это на заявление Шляпникова о советах крестьянских депутатов?

Я в своей статье привел следующую выдержку из первого ленинского «Письма издалека»: «Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих—вот насущнейшая задача». При этом я указал, что т. Ленин в противовес т. Шляпникову с первых же дней революции «ставит вопрос об организации крестьянства вообще, бедняцких и батрацких элементов, в частности» («Ист.-Маркс.», № 3, стр. 47).

Тов. Шляпникову угодно истолковать мои слова в том смысле, будто бы я имел в виду организацию большевиками крестьянства в целом, т.-е. и кулаков, и середняков, и бедняков вместе.

Но если я, говоря вообще об организации крестьянства, ставлю тотчас же вопрос об организации бедноты и батраков, можно ли это назвать эсэровской постановкой вопроса. В первом «Письме издалека» Ленин, намечая переход ко второй революции и в связи с этим ставку на бедноту, исходил еще из того соображения, что «царская монархия разбита, но еще не добита», и при этом он еще ставит вопрос и о других мелкохозяйственных слоях деревни, кроме бедноты.

В «Наброске тезисов», относящихся к 17 (3) марта, о которых Ленин упоминает в письме к А. М. Коллонтай, Ленин, в связи со слухами о том, что царь еще пытается оказать революции сопротивление, пишет: «При таком положении дела задача пролетариата довольно сложная. Нет сомнения, что он должен сорганизоваться возможно лучше,

собрать свои силы, вооружиться и укрепить свой союз *со всеми слоями трудящейся массы в городе и в деревне*, чтобы оказать беспощадное сопротивление царской реакции и раздавить до конца царскую монархию». («Лен. сб.», т. II, стр. 319, курсив мой. *Д. К.*). В третьем «Письме издалека» Ленин говорит: «В деревне развернется теперь борьба за мелкое и частью среднее крестьянство» [1]).

И только тогда, когда (очень скоро) стало совершенно ясно, что «монархия разбита и добита», Ленин в апрельских своих выступлениях провозглашает лозунг: вместе с беднотой при нейтрализации середняка.

Мое обвинение т. Шляпникова в том, что он вопрос о первоочередных задачах революции в России ставит в цеховом духе, вызывает у т. Шляпникова бурю негодования.

Тов. Шляпников писал в своей книге: «Буржуазия великолепно и умело использовала войну для самоорганизации. У нас же не было ни политических, ни профессиональных свободных (!) организаций даже в той степени, как имела их буржуазия нашей страны. Но *именно поэтому-то и развивалось у нас революционное движение*, которое *в первую очередь* должно было освободить пути к организации рабочего класса [2]).

Я возражал против того, что у нас революция развивалась «именно потому», что у русских рабочих «не было ни политических, ни профессиональных свободных организаций», и для того, чтобы «в первую очередь» пролетариат мог «для себя» завоевать возможность свободно создавать свои организации. Такую постановку вопроса о причинах и целях революционной борьбы я назвал цеховой. Ведь право создавать «свободные», как выражается Шляпников, рабочие организации целиком укладывается в рамки буржуазной конституции. Меньшевики еще в 1905 году при постановке вопроса о задачах пролетариата указывали, что самая главная, первоочередная задача это завоевать «для себя» свободу политической, профессиональной организации, а все остальное на втором плане.

Большевики в отличие от них подчеркивали всегда, что нельзя изолированно ставить вопрос о завоевании политических свобод для рабочих, ибо это часть вопроса о свержении самодержавия, об установлении демократической республики, что немыслимо без разрешения стержневого вопроса буржуазно-демократической революции в России— вопроса аграрного, без крестьянской революции.

Меньшевики, и Троцкий в том числе, упрекали Ленина в буржуазном якобинстве за то, что Ленин якобы топил вопрос о первоочередных задачах борьбы за свободные организации для рабочего класса в общем вопросе о демократической республике и буржуазно-демократической революции. В этом сказывалась меньшевистская цеховщина, от которой большевизм был далек. Это—азбука, которой т. Шляпников не хочет знать. Вот и все об этом.

Тов. Шляпников пишет, что якобы я ставлю ему в вину то, что он «не понимал путей перехода к диктатуре пролетариата в марте 1917 г., когда никто из большевиков не ставил вопроса о диктатуре пролетариата».

Нужно обладать очень большой наивностью или очень малой добросовестностью, чтобы изображать дело так, будто я обвинял т. Шляпникова в том, что он не «предвосхитил» Ленина, *до его приезда* в Россию; тов. Шляпников такой постановкой вопроса ставит себя в смешное положение, ибо известно, что даже *после приезда* Ленина и опу-

[1]) «Лен. Сборник» т. II, стр. 348.
[2]) Шляпников, «17 год» ч. 1, стр. 69. Курсив мой. *Д. К.*

бликования апрельских тезисов, намечавших борьбу за диктатуру пролетариата, т. Шляпников был против тезисов Ленина, как раз в этой их части. Вот что мы читаем в протоколе заседания ЦК от 6 (19) апреля 1917 года, когда разбирались апрельские тезисы Ленина. Запись сокращенная. Тов. Шляпников говорит: «Две части тезисов. Первая часть—отношение к войне—вполне приемлема. Вторая часть—не дает практических лозунгов. Нет организации» [1]). Вторая часть тезисов как раз и была посвящена вопросу о государстве советов типа Парижской Коммуны и борьбе за завоевание советов. И вообще я и не собирался судить Шляпникова—деятеля 17 года, а писал о Шляпникове-историке, как подчеркивал это в своей статье. В чем же дело? Тов. Шляпников писал в своей книге: «Совет и его Исполнительный Комитет были действительными органами революционной власти, *хотя не приступали к овладению бюрократическими аппаратами власти*» [2]). Когда же высказал эту премудрость т. Шляпников? В 1923 г., в «Семнадцатом годе», ч. I. Я и написал в прошедшем времени (как и всюду, где говорю о старых книгах т. Шляпникова), что т. Шляпников «не понимал путей перехода к диктатуре пролетариата», ибо забыл ленинскую теорию разрушения буржуазной государственной машины и ставил вопрос об овладении советом «бюрократическими аппаратами власти», не понимал, когда писал, ибо о том, что думает по сему вопросу т. Шляпников в 1927 году, мне было неизвестно. Вот на каком гнилом основании чисто грамматического трюка покоится обвинение меня в передержках. Каюсь, т. Шляпников, что писал в прошедшем времени, ибо вы и в 1927 г., настаивая на прежней ошибке, обнаруживаете свое непонимание того, что власть советов, диктатура пролетариата не создается путем «овладевания совета бюрократическим аппаратом власти». Тов. Шляпников ссылается в подтверждение своей мысли на опыт Октября, когда мы, захватив власть, овладели «бюрократическими аппаратами власти».

Последуем приглашению т. Шляпникова вспомнить опыт Октября. Что же рассказывает об этом опыте сам т. Шляпников, бывший наркомом труда в 1917 г.

Тов. Шляпников в своих воспоминаниях о 1917 г. рассказывает, как он «овладел... зданием министерства труда» [3]) и как старые служащие растаскивали материалы, дезорганизовали аппарат министерства труда. Пришлось разогнать весь старый аппарат и набирать совершенно новых людей. Тов. Шляпников рассказывает, что в ряде других министерств дело было еще хуже, говорит о всероссийском саботаже. Как же это называется? «Овладением бюрократическим аппаратом» или разрушением его и созданием новых советских органов? Ведь под бюрократическим аппаратом власти как будто следует понимать не здание министерства, а людской аппарат в основном. Так Шляпников-вспоминатель выступает против Шляпникова-историка. Тов. Шляпников подробнейшим образом останавливается на моих указаниях относительно его противоречий по вопросу о настроениях и роли пролетариата Петербурга и Москвы. Вопрос далеко не принципиальный: в виду недостатка места на этом не стоит останавливаться. К этому можно вернуться при других обстоятельствах. Но на одном выпаде т. Шляпникова остановлюсь.

[1]) Архив истпарта ЦК ВКП(б), протоколы ЦК за 1917 г.
[2]) «Семнадцатый год», кн. I, стр. 218, приведено в моей статье в «И-М» (курсив мой).
[3]) «Пролет. Рев.» № 10, 1922 г., стр. 27. Подлинные слова т. Шляпникова.

Шляпников пишет о моей «неудачной попытке умалить значение питерского пролетариата в общей революционной и пролетарской борьбе нашей страны». Верно ли это? По поводу утверждения Шляпникова о том, что питерский пролетариат в период войны «все время сохранял в общем независимость от буржуазных влияний», я писал: «Эта суммарная характеристика в общем верна, но она слишком обща, однотонна, не видит изменения во времени и различия в прослойках рабочего класса»... («И.-М.», стр. 46). И немного выше я писал: «говоря о питерских рабочих, т. Шляпников прибегает к прикрашиванию действительности, в чем никакой необходимости нет, ибо питерский пролетариат и без того был на высоте положения» (стр. 45). Похоже ли это на то, что я хочу умалить достоинство питерского пролетариата?

В своей статье я присоединился к точке зрения т. М. Н. Покровского о том, что неправильна была тактика т. Шляпникова, когда в дни начинавшейся Февральской революции—25 февраля 1917 г. он отказывал рабочим в просьбе раздобыть для них оружие. Тов. Шляпников говорит, что Бюро ЦК во время войны было против вооружения рабочих и организации боевых дружин «по типу 1905 г.». Правильна ли была такая позиция? Несомненно, ибо в условиях жесточайшей реакции периода войны это было бы авантюризмом чистейшей воды. Но правильна ли была тактика и личная позиция т. Шляпникова, который в условиях уже начавшейся революции, в условиях всеобщей стачки, перерастающей в вооруженное восстание, 25 февраля 1917 года отказывал рабочим в добыче оружия, хотя, как заявляет сам т. Шляпников, оружие было «сравнительно легко достать».

Тов. Шляпников в своей книге мотивирует отказ тем, что «разгоряченные товарищи» могли пустить его в ход против солдат, которых нужно было вовлечь в восстание. Это он подтверждает и в своем «Ответе критикам». Но ведь, кроме солдат, была еще протопоповская полиция, вооруженная пулеметами и расстреливавшая рабочих из-за угла. Сам же т. Шляпников говорит в своей книге, что на очереди стояла «вооруженная борьба с полицейскими силами» («1917 г.», ч. 1, стр. 104). Разве расправа с полицейскими и самозащита от них рабочих с оружием в руках могли помешать вовлечению в восстание солдат, ненавидевших полицейских? Тов. Шляпников говорит, что 25 февраля было вредно вооружать рабочих, а вот 27 это было необходимо. Не припомнит ли т. Шляпников то, что он писал в 1917 г. под свежим впечатлением февральских событий:

«В стремлении к организации своих вооруженных сил, которое охватило широкие круги рабочей массы, сказывается естественное желание отдать все свои силы делу революции. *Рабочие еще не забыли 23—26 февраля и знают, как скверно быть вооруженными одним только энтузиазмом»*. (Ал. Беленин—А. Шляпников. «Правда», № 49, 1917 г.).[1]).

Что касается злобного и неумного выпада т. Шляпникова против т. М. Н. Покровского, то надо надеяться, что т. Покровский сумеет дать т. Шляпникову подобающий ответ.

По вопросу о возможности раскола в партии в первый период революции. Здесь т. Шляпников доходит до бесстыдства, бросая читателю песок в глаза. В качестве доказательства того, что в марте—апреле 1917 года партия стояла перед опасностью раскола, т. Шляпников приводит факт отхода группы большевиков-оборонцев в период мартовского совещания большевиков и после приезда Ленина. Об этом ли говорит т. Шляпников в своей книге? Неправда, ибо в книге т. Шляпникова речь идет о расколе в связи с разногласиями с приехавшими из Сибири тт. Петровским, Мурановым, Сталиным и Каменевым [1]). Кто же занимается «подстановкой» и фальсификацией, т. Шляпников?

В заключение не могу не остановиться на обвинении меня в том, что я якобы в суждении о «философии истории» т. Шляпникова повторил «давным давно опровергнутую клевету» о полупатриотическом выступлении т. Шляпникова во время войны.

Во-первых, я привел это потому, что, кто хорошо знаком с книгами т. Шляпникова, тот знает, как старательно отмечает т. Шляпников всякую ошибку других партийных товарищей в прошлом, при чем характеристики эти даются в зависимости от «сторонних» соображений (о Каменеве—3 книга «17 года» [2]), о Троцком — ст. «Керенщина» в журн. «Пролет. Революция»), что накладывает определенный отпечаток на работы т. Шляпникова, и до известной степени характеризует его «философию».

Во-вторых, о якобы опровергнутой клевете. Факт невыдержанного выступления т. Шляпникова,—оговариваемся, далеко не характерного для позиции т. Шляпникова в течение всего периода войны, а лишь для кратковременного его настроения,—подтвердили не только т. М. С. Ольминский, но и тт. Крестинский, Стучка, Г. Петровский [3]) и косвенно т. Блюм, который выступал в ярко шовинистическом духе,—все товарищи, присутствовавшие на собрании вместе с т. Шляпниковым. Нет никакого основания верить т. Шляпникову больше, чем этим товарищам.

Т. о. ссылка на неприсутствовавших тт. является несостоятельной.

Д. Кин.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ТОВ. ШЛЯПНИКОВУ.

Мой ответ т. Шляпникову по необходимости будет краток. Т. Шляпников признает правоту моих указаний на ряд недостатков 3-й книги «Семнадцатого года»—насчет «наводнения» книги разными документами и «протокольного» изложения фактов партийной жизни. Но т. Шляпников старается оправдаться, ссылаясь на «условия, не зависящие от автора», и не признает ошибочности ряда своих формулировок, давших законный повод обвинять автора в «вывихе» в сторону об'ективизма; более того, т. Шляпников продолжает *настаивать* на этих своих формулировках.

Прежде чем перейти к разбору возражений из шляпниковского «ответа», я должен предварительно отвести замечание т. Шляпникова о том, что я-де «хвалю» 2-ю книгу его «Семнадцатого года». Откуда это взял т. Шляпников, совершенно не понятно. В своей рецензии я в *двух* местах касался содержания второй книги: на стр. 91 (см. «Большевик» № 5)—отмечал, что эта книга значительно отличается от первой, поскольку автор попытался перейти от воспоминаний к исследовательской работе, а на стр. 95 указывал на тот факт, что во второй книге, писавшейся до образования последнего оппозиционного блока, автор подвергал основательнейшему критическому разбору оборонче-

---

[1]) Курсив мой. *Д. К.*

[1]) «17 год», ч. 2, стр. 181, 185.

[2]) Это отмечал т. Ломакин в своей рецензии в «Большевике» № 5.

[3]) См. «Пролет. Революция» № 7(30), ст. т. Н. Крестинского «Из воспоминаний о 1914 г.» и «Пр. Рев.» № 2(37) 1925, письмо т. Ольминского.

скую статью Л. Каменева «Без тайной дипломатии». Вот и все. Спрашивается—где же тут «похвала»? При всем желании т. Шляпникова *я и не мог* «хвалить» его вторую книгу, ибо в своей рецензии я вовсе не давал оценки второй книги, ограничиваясь критикой *только третьей*, а сама вторая книга далеко не свободна от ряда недочетов и ошибок, *никак не позволяющих ее «хвалить»*.

Теперь о возражениях т. Шляпникова против моих обвинений в об'ективизме. Речь идет о шляпниковских оценках роли Государственной Думы после февральской победы и апрельских мероприятий Временного правительства по аграрному вопросу. Я указывал на ошибочность тех формулировок т. Шляпникова, согласно которым Государственная Дума «сыграла положительную роль в деле дальнейшего разгрома сил царизма», а распоряжения Временного правительства «позволяли» крестьянам «организованно решать земельный вопрос» и «выжить помещика, лишить его земли на законном основании».

Что говорит т. Шляпников в своем «ответе»?

По вопросу о Государственной Думе т. Шляпников заявляет, что факт присоединения Государственной Думы к революции после ее победы «был использован сознательными рабочими и солдатами того времени против остатков царизма». Но, т. Шляпников, неужели вы не понимаете разницы между *двоякого рода оценками* этого факта? Одно дело, когда указывают—и совершенно правильно,—что этот факт был использован в агитационных целях ради борьбы с царизмом, и другое дело, когда тот же факт выдается за свидетельство «положительной роли» Государственной Думы в революции? Это «другое дело» нельзя, повторяем, рассматривать иначе как результат давления на автора архивных материалов, сбивших его на об'ективизм, ибо совершенно очевидно, что расценивать контрреволюционную роль Государственной Думы после февральской победы, как «положительную», историку-марксисту не подобает.

По вопросу об аграрных мероприятиях Временного правительства т. Шляпников укоряет меня за то, что я не привел ни одного факта о крестьянском движении, а ограничился лишь «восклицаниями и кавычками». Но, т. Шляпников, речь идет ведь вовсе не о фактах крестьянского движения, а об оценке распоряжений Временного правительства. Ваша оценка является явно ошибочной и обнаруживает вашу, т. Шляпников,—не валите с больной головы на здоровую!—«неспособность связать законодательную деятельность Временного правительства с классовой борьбой того времени». Ваши формулировки имеют тот смысл, что Временное правительство, испытывая давление со стороны крестьянских масс, пошло им навстречу и своими мероприятиями о земельных и продовольственных комитетах позволяло крестьянам *«организованно» и «законно» решать земельный вопрос*. Что подобная трактовка распоряжений Временного правительства абсолютно неверна и весьма странна в устах историка-большевика, наглядно вскрывается простым сопоставлением ее с *ленинской оценкой* тех же распоряжений. Вот что говорил Ленин в своей речи на II с'езде советов: «Если бы его (т.-е. Временного правительства. *А. Л.*) меры *шли навстречу нуждам крестьянской бедноты*, то разве крестьянская масса стала бы волноваться? Но *все меры правительства*, одобренные Авксентьевскими и Дановскими Советами, *шли против крестьян и вынудили их на восстание*» (Собрание сочинений, т. XV, стр. 19. Курсив мой. *А. Л.*).

Последнее замечание насчет неуместных и несправедливых нападок т. Шляпникова на Истпарт, который обвиняется в том, что т. Шляпников в третьей книге «Семнадцатого года» не мог говорить всего, что хотел, а то, что говорил, носит на себе следы редакционной печати Истпарта. Уж не хочет ли т. Шляпников переложить на Истпарт *свою* вину не только за наводнение *своей* книги документами, но и за *свои* вывихи в сторону об'ективизма? Однако, все эти жалобы и упреки т. Шляпникова бьют вовсе не по Истпарту, а по самому автору, который пишет книгу чуть ли не вопреки своей воле (!),—*лишь бы книга «появилась в печати»*. Но не было ли целесообразнее для т. Шляпникова в таком случае издать просто очередной сборник документов по истории революции 1917 года, без претензий на оригинальное историческое исследование? Пожалуй, третья книга «Семнадцатого года» и ее читатели от этого только выиграли бы.

Арк. Ломакин.

О «ФИЛОСОФИИ» КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ Т. РАДЕКА.

«Вопросы китайской революции».—Научно-Исследовательский Институт университета имени Сун-Ят-Сена, т. I. Под общей редакцией и со вступительной статьей Карла Радека. Госиздат. 1927, стр. 256.

Научно-Исследовательский Институт, организованный при университете им. Сун-Ят-Сена, предполагает выпустить шесть специальных сборников, посвященных основным проблемам Великой Китайской революции: рабочему вопросу, специально Шанхайским событиям, аграрному вопросу и крестьянскому движению, национальному движению, политическим перегруппировкам и основным вопросам китайской истории. Рецензируемая книга и является первым выпуском намеченной Институтом серии, специально посвященным положению пролетариата и развитию рабочего движения в Китае. Этот сборник составлен из статей *Лиау* «Рабочий класс в Китае», *Эдди Шервуда* «Положение труда в Китае», донесений английских консулов о положении рабочего класса в Китае, статьи *Мусина* «Очерки рабочего движения в Китае» и, наконец, идет статья *К. Радека* «Вопросы китайской революции», где, собственно, и дается вся «философия» китайской революции, попытка анализировать ее, наметить линию, перспективу развития ее. Из характера и существа статьи т. Радека видно, что именно в этой статье лежит центр тяжести рецензируемого сборника, и на самом деле она является введением ко всей серии. Вряд ли приходится доказывать крайнюю необходимость и своевременность издания серьезной, самостоятельной исследовательской работы по китайской революции. Надо признать, что в этом направлении сделано до сих пор чрезвычайно мало.

Первая статья сборника—статья т. Лиау — составлена весьма неудачно. Ее многообещающее заглавие «Рабочий класс в Китае» совершенно не соответствует ее в высшей степени бледному содержанию. Во-первых, статья ограничивается исключительно голыми статистическими выкладками, общим поверхностным описанием; во-вторых, целый ряд важнейших данных явно противоречит друг другу, и в-третьих, у автора в описании положения рабочего класса выпала одна «мелочь»... китайские текстильщики, которые по существу являются главнейшим отрядом революции в Китае. Характерно еще то обстоятельство, что некоторые данные автором относятся к 1915 г., некоторые же к 1925 г. и т. д. Тов. Лиау, например, говорит о рабочих организациях Китая и ни одним словом не обмолвился о Всекитайской федерации

профсоюзов, о союзных организациях текстильщиков. Тов. Лиау приводит цифру организованных рабочих — 270.000 ч. (стр. 8), которую легко можно отнести ко временам Адама и Евы[1]). Книга вышла в 1927 году, а статистический материал основательно устарел. Лиау дает общую численность промышленного рабочего класса в Китае в 1.909.423 чел. (стр. 2), т. Радек в 2.500.000 чел. (стр. 235), а Мусин—в 2.720.000 ч. Все данные относятся к одному и тому же году. У Лиау число моряков—150.000 (стр. 2), а у Мусина—80.000 (стр. 162). У Лиау количество рабочих-железнодорожников составляет 71.811 чел., а у Мусина—90.000. Кто поверит авторам сборника и его редактору т. Радеку в том, что число организованных рабочих-текстилей равно... 10.000 (стр. 159)?! Может быть, т. Радек рассчитывал на наивных людей, безграмотных по части знания элементарных вещей из жизни революционного Китая, или эта цифровая путаница есть плод сверхсерьезного отношения к проблемам китайской революции. Мы могли бы привести не мало вопиющих противоречий в статистических данных авторов «исследовательского» сборника т. Радека, но хватит и указанных.

Статья Шервуд Эдди «Положение труда в Китае», несмотря на то, что автор далек от коммунизма, несмотря на ее наивность, на некоторые иллюзии автора, представляет большой интерес. Автор дает блестящее, написанное живым языком описание положения труда в Китае. Некоторые недостатки статьи вполне окупаются ее свежестью и живым изложением. Шервуд Эдди, христианский демократ, чуткий идеолог буржуазии, зная прекрасно положение китайского пролетариата, предупреждает буржуазию: «Китай ввозит сейчас не вышедшее из употребления ржавое старье, а самые современные изобретения и машины для своих предприятий. Не нуждается ли он в более передовых и человечных методах для разрешения еще более важной и насущной проблемы труда? Сейчас настал решительный момент, когда определяется характер промышленного будущего Китая. Китайский народ все еще демократичен и гибок и не вовлечен в противоречия классовой борьбы. Все зависит сейчас от внимания, которое будет уделено труду. Предприниматели имеют сейчас возможность, пока не поздно, изменить положение» (стр. 31). Так заканчивается интересная статья Эдди.

Дальше идут донесения английских консулов о положении рабочего класса в Китае. В этих материалах много интереснейших фактов, много весьма поучительных вещей. Читатель прочтет их с большим вниманием. Но нас удивляет одно существенное обстоятельство. Почему редактор не потрудился предпослать этим донесениям вводную статью, при помощи которой читатель мог бы легче ориентироваться в них, лучше усвоил бы весь материал. А ведь он совершенно сырой.

Статья Мусина «Очерки рабочего движения в Китае» является самой интересной, ценной и серьезной в сборнике, хотя и в ней есть ряд положений, с которыми нельзя согласиться.

Автор предварительно дает статистический материал о численности и организованности китайских рабочих масс. Дальше он разбивает Китай по районам и прослеживает историю рабочего движения по отдельным районам. Автор подробно останавливается на знаменитых шанхайских событиях, сопровождая свой анализ цифрами. Не менее подробно он разбирает гонконгскую забастовку моряков 1922 г.

---

[1]) К осени 1926 г. во Всекитайской федерации профсоюзов насчитывалось 1.200.000 чел. (см. стеногpаф. отчет VII расширенного пленума, с. 413). Теперь же эти цифры давно перешли $1\frac{1}{2}$ млн. чел.

и железнодорожников 1923 г. Обе эти забастовки, сыгравшие в истории китайской революции крупнейшую роль, освещены автором весьма недурно. Читатель в этой части прочтет интересные документы, появляющиеся у нас в печати впервые и относящиеся к гонконгской забастовке и забастовке железнодорожников. В заключение т. Мусин в краткой форме излагает историю молодой китайской коммунистической партии. К сожалению, автор тут ограничивается краткими сведениями и общими местами. У нас в печати об истории китайской компартии почти не писалось, и было бы крайне желательно и интересно уделить этому вопросу больше внимания и лучше его осветить. Основная установка автора в вопросе о роли китккомпартии в революции, в вопросе о ее отношении к национально-освободительному движению, к Гоминдану, о ее роли в рабочем и аграрном движениях—правильна.

Перед компартией Китая, говорит автор, «помимо задач, стоящих перед всеми нашими коммунистическими партиями, стоят также и особые вопросы об отношении к национальному движению, и в частности, к партии Гоминдан. Эти вопросы актуально стоят перед всеми компартиями восточных стран, ибо им приходится классовую борьбу рабочих масс, направленную не только против иностранного, но также и против национального капитала, сочетать с революционным национально-освободительным движением разных классов своей нации против иностранного капитала. Партия рабочего класса не может, конечно, пойти на какое бы то ни было умаление своей самостоятельности как в политическом, так и в организационном отношении. Но одновременно с этим компартия стремится к созданию наиболее широкого единого фронта для национально-революционной борьбы, поддерживая в первую очередь всякие революционные выступления городской мелкой буржуазии и крестьянства. Китайская коммунистическая партия смогла поэтому установить самые дружеские отношения с национально-революционной партией Сун-Ят-Сена, с партией Гоминдан, которая развитием событий как в самом Китае, так и в международном масштабе все более и более толкается на путь действительной активной борьбы против мирового капитала за самостоятельность и независимость Китая.

Эта чрезвычайная сложность стоящих перед партией вопросов угрожает ей серьезными опасностями справа: ослаблением четкой пролетарской линии, смешением коммунистической, большевистской идеологии с радикальной мелкобуржуазной, отказом от самостоятельных партийных организаций, слиянием с общим национально-революционным движением и т. п. Но одновременно имеются и опасности так называемых левых уклонов: отрыва от общего национально-революционного движения, превращения в интеллигентскую сектантскую группу и т. д.» (стр. 230).

Автор статьи совершенно правильно ставит вопрос о роли и месте китайской компартии в революции, тогда как редактор сборника т. Радек этих элементарных вещей не понял.

Как известно, наша партийная оппозиция свое требование выхода компартии из Гоминдана мотивирует, прежде всего, тем, что якобы компартия в Китае потеряла свое политическое лицо, она не имеет условий для своего роста, не может непосредственно влиять на рабочее движение, ее социальный состав меняется не к лучшему и т. д. Как говорится в английской поговорке: «факт—упрямая вещь». События последних лет целиком опровергли «концепцию» оппозиции во главе с «крупным китаеведом» т. Радеком.

Всего только два года назад в китайской компартии насчитывалось 1.000 человек. Из них на долю интеллигенции приходилось

свыше 60%, на долю рабочих всего 30—35%. К весне 1926 года в партии насчитывалось 12.000 членов, из них 66% рабочих, 5% крестьян и 29% выходцев из различных других слоев населения (см. письменный доклад Тан-Пин-Сяна VII пленуму ИККИ в стенограф. отчете. ГИЗ. 1927 г., стр. 419). По последним же данным в китайской компартии имеется *58.000* членов, при чем социальный состав изменился к лучшему. Важно то обстоятельство, что $^9/_{10}$ местных организаций Гоминдана находятся под руководством левого крыла ГМД (фактически компартии). Интересно тут сопоставить *темп роста* компартии и ГМД. Гоминдан за последние два—три года вырос всего на 30—35%, а компартия в 58 раз. За один последний год (май 1926—май 1927 г.) киткомпартия численно выросла почти в 5 раз, в то время как ГМД вырос не больше 20—25%. Следует еще подчеркнуть, что рост компартии, усиление рабочих в ее составе, отход буржуазии от революции существенно изменили социальный состав ГМД, где теперь рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия составляют подавляющее большинство.

О том, что китайская коммунистическая партия имеет огромное влияние в рабочем движении Китая, говорят сами авторы статей рецензируемого сборника. Так, тов. Лиау заявляет, что *«крупные рабочие организации почти все находятся под коммунистическим руководством»...* (Стр. II. Курсив наш. *Д. Н.*). О том же пишет т. Мусин: «Коммунистическая партия Китая становится, чем дальше, тем больше, действительной партией рабочего класса Китая, не только по своим конечным целям, но и своей активной ежедневной работой. *Она стоит во главе всех последних выступлений рабочего класса, руководя его борьбой за свои элементарные экономические и политические требования против иностранного и китайского капитала и его работой по созданию мощных массовых рабочих организаций»* (стр. 232. Курсив наш. *Д. Н.*). Эти утверждения тт. Лиау и Мусина, нам кажется, должны быть известны редактору сборника т. Радеку. Очевидно, он с ними молчаливо соглашается. Кто знаком с ходом китайской революции, кто следит за развитием рабочего движения в Китае, для того руководящая роль киткомпартии в рабочем движении Китая очевидна.

Другой довод наших оппозиционеров в пользу выхода КП из ГМД заключался в том, что компартия в Китае не имеет своего печатного органа. Послушаем сперва тов. Мусина. «Коммунистическое движение в Китае,—пишет он,—имеет целый ряд периодических изданий. Кроме журнала «Новая Молодежь», основанного тов. Чень-Ду-Сю, во главе которого он стоит до настоящего времени, выходит еще целый ряд журналов, ежемесячных и еженедельных, как «Политическая Жизнь» (еженедельник в Пекине), «Спутник» (еженедельник) и «Авангард» (ежемесячный журнал в Шанхае). Юношеское движение имеет также свои специальные издания—«Бюллетень Молодежи», «Китайская Молодежь» (студенческий журнал), «Друг Бедняка» (крестьянский журнал) и другие. Кроме того, выходят специальные еженедельные газеты, посвященные рабочей жизни и рабочему движению. Таковыми являются газета «Китайский Рабочий», «Молодой Рабочий», «Рабочий-Железнодорожник» и другие» (стр. 232). Этот список еще не полон.

Все теперь сознают, что лозунг выхода из ГМД означал не что иное, как превращение компартии в сектантскую группу, ее разгром правыми гоминдановцами, отрыв от крестьянства, мелкой буржуазии города, предать «левых» ГМД, этот лозунг был равносилен переходу

гегемонии, руководства революцией в руки буржуазии, т.-е. предать революцию.

Характерно то, что тов. Радек, с одной стороны, утверждает, что *«на чью сторону станет Гоминдан в деревне, это—центральный вопрос китайской революции* на данной ее переходной стадии (статья в «Известиях», в № 58 от 11/III—1927 г., посвященная второй годовщине смерти Сун-Ят-Сена. Курсив наш. *Д. Н.*).

Совершенно верно, что Гоминдан (сун-ят-сенизм) пользуется в широких крестьянских массах колоссальной популярностью, исключительным влиянием. Кто хочет в *данный период развития революции* притянуть, привлечь на свою сторону крестьянство, тот не может этого сделать *против* ГМД, *без* ГМД и *вне* ГМД. Поелику это так—а это безусловно так—то что же значит требование выхода из Гоминдана?! Тов. Радек, с другой же стороны, не хочет итти вместе с крестьянством. Это логически вытекает из его рассуждений. Противоречиями полны все рассуждения, все произведения т. Радека по китайскому вопросу. То же самое получается, когда тов. Радек требует *выхода компартии из ГМД и соглашается на вхождение коммунистов в гоминдановское правительство.* Ни для кого не является секретом, что старое кантонское, или ныне уханьское правительство (мы не имеем в виду т. н. правительство Чан-Кай-Ши) в основном являлось и является правительством Гоминдана. Может быть, законы простой школьной формальной логики, существующей две тысячи с лишним лет со времени Аристотеля, не существуют для тов. Радека?!

Вопиющие, прямо-таки непростительные противоречия встречаются у тов. Радека по вопросу *о роли буржуазии в китайской революции.* В рецензируемом сборнике он выставляет следующий тезис: «Все что мы до сих пор знаем о промышленной и торговой крупной буржуазии Китая, заставляет нас думать, что она революционной роли играть не будет» (стр. 239). Предупреждаем, что это написано задолго до северной экспедиции. Утверждение тов. Радека вполне ясное и определенное. Но вот открываем журнал «Новый Мир» (III книгу за 1927 г.) и читаем в его статье «Новый этап китайской революции» совершенно иное утверждение: «понятно что *не* вся буржуазия играет уже контрреволюционную роль, антинациональную роль» (стр. 157). Это пока еще ничего.

Тов. Радек везде и всюду, на всех перекрестках хвалит себя за то, что он, мол, с математической точностью предсказал, что буржуазия предаст революцию, он, мол, бил в набат и предупреждал партию об этой опасности. Он выставлял себя (*иные* его в этом поддерживали и поддерживают) в качестве «пророка Моисея», пророчески предвидевшего и предсказавшего апрельские события в Китае. Надо быть только наивным простаком и совершенно неискушенным в политике человеком, чтобы поверить т. Радеку. Мы же постараемся документировать прямо противоположное тому, что тов. Радек вымышляет. В названной же статье «Новый этап китайской революции» (в «Новом Мире»), датированной от февраля 1927 года (вышла же она прямо к апрельским событиям), т.-е. *накануне переворота Чан-Кай-Ши,* т. Радек предлагал не гнать от себя буржуазию. «*Кантонская политика* (ясно, что тут автор имеет в виду национальное правительство, его политику незадолго до отхода Чан-Кай-Ши. *Д. Н.*), — пишет т. Радек,— *должна* (!! *Д. Н.*) *по возможности не отталкивать* (!! *Д. Н.*) *преждевременными шагами от себя буржуазных слоев»* (стр. 159. Курсив наш. *Д. Н.*). Вот, тебе, бабушка, и юрьев день! Надо же уметь после этого пускать сплетни в партии о том, что он,

Радек, кричал во все горло, что надо гнать буржуазию, а его не послушались, в то время как на самом деле он требовал обратного! Мы не говорим уже о том, что сам тов. Радек пишет, что китайская промышленная буржуазия страдает от господства империализма, что китайские капиталисты субсидировали и всячески поддерживали забастовку рабочих в Шанхае и др. местах, что китайские промышленники ведут борьбу за таможенную стену, против низких цен, против банковского господства, против концессий и т. д.—и в то же время утверждает, что буржуазия не играла (до переворота Чан-Кай-Ши) революционной роли. О северной экспедиции, начатой и руководимой Чан-Кай-Ши (=буржуазней) наши оппозиционеры не говорят ни слова, предпочитают молчать.

Перейдем к другому положению тов. Радека. Он утверждает, что в Китае совершенно *отсутствует помещичий класс* (Сборник, стр. 214) в Китае нет феодализма, феодальных остатков. Это же самое он пишет в других своих «трудах». Согласимся только на одну минуту с тов. Радеком. А посмотрим, что пишет «другой» тов. Радек в своей статье в «Новом Мире»: китайская буржуазия «слаба тем, что связана с *помещичьим классом*» (стр. 157. Курсив наш. *Д. Н.*). Дальше. «В Гуаньской (Гуаидуньской? *Д. Н.*) провинции пролетариат очень слаб (это тоже ошибочно. *Д. Н.*), а (слушайте! слушайте!! *Д. Н.*) *помещики очень сильны*» (стр. 157). Говорить, что помещиков в Китае нет, а в то же время утверждать прямо противоположное—это весьма несерьезное отношение к проблемам китайской революции, это, просим извинения за выражение, путаница, поверхностный подход, это, как выражается сам т. Радек в рецензируемом сборнике, «не более как публицистика достаточно поверхностного характера» (стр. 237). Может быть, это пишут два разных товарища под общей фамилией Радек?![1])

Этот тезис тов. Радека имеет первостепенное теоретическое и политическое значение Он являлся до сих пор и является на данном периоде революции *основным* вопросом. Этот вопрос в постановке тов. Радека снимает *аграрную*, буржуазно-демократическую революцию с повестки дня Великой Китайской революции. Отрицание феодализма, помещиков в Китае есть в то же время отрицание революционной роли крестьянства, этим самым т. Радек *выключает* крестьянство из *антиимпериалистического* блока. Иностранный капитализм экономически и политически тесно связан с компрадорской буржуазией, с феодализмом и милитаристами. Экономическое и политическое давление империализма крестьянство чувствует в первую голову через военно-феодальную систему. Последняя же является основной опорной силой империализма в китайской деревне. При радековской постановке вопроса выпадает огромное звено в цепи обеих группировок—антиимпериалистической и контрреволюционной — крестьянство и помещичий класс.

Тов. Радек ни разу не попытался теоретически обосновать и доказать свое положение. Он ровным счетом не привел ни одного аргумента, ни одной цифры в поддержку своего взгляда. Нельзя одним росчерком упразднить феодализм. Между прочим, в сборнике, редактированном т. Радеком, в статье т. Мусина говорится о наличии даже остатков рабовладельческих отношений. С другой стороны, тов. Радек и никто другой вообще не опроверг бесконечное количество работ, где специально доказывается наличие феодальных отношений в Китае.

[1]) То же самое говорит о наличии помещиков в Китае тов. Радек в своих статьях в „Известиях" в №№ 58 и 61.

Тов. Радек сам ссылался на работы известного немецкого китаеведа агронома *Вагнера* (см. стенограмму доклада т. Радекса в Комакадемии), которого он считает большим авторитетом. *Вагнер* в своей работе «Сельское хозяйство Китая»—Берлин, 1926 г. («Die Chinesische Landwirtschaft») на основании специального исследования экономики современной китайской деревни дает прекрасное исследование аграрных полукрепостнических отношений, феодальных форм натуральных оброков, барщин, отработков, испольщины и т. д. Имеются специальные исследования Канторовича, Волина, Ивина и других, где они доказывают (приходится же *доказывать* тов. Радеку наличие феодальных остатков в Китае!) значительную роль китайских помещиков в деревне и подробно описывают тесную экономическую связь между ними, торгово-ростовщическими капиталистами, джентри и империалистами. Даже нанднях на последнем V с'езде киткомпартии секретарь ЦК тов. Чен-Ду-Сю в своем докладе особо подчеркивал роль помещичьих, феодальных элементов в экономической и политической жизни Китая [1]).

Перейдем теперь к вопросу о социальном существе кантонского (=национального) правительства. Открываем 251 страницу рецензируемого сборника и читаем: «кантонское правительство в своей социальной, податной и земельной политике выступает как *первое рабоче-крестьянское правительство...*» (курсив автора. *Д. Н.*). Это же утверждение мы находим у тов. Радека в одной его статье в «Правде» в предисловии к книжке Мифа «Уроки Шанхайских событий» (стр. 4). Прямо противоположное определение социальной сущности кантонского правительства он дает в своем докладе в Комакадемии, квалифицируя его (правительство) как *власть прогрессивного торгового капитала.* Там же можно встретить такие определения как «диктатура буржуазии», «капиталистическая компания», «зародыш демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». В названной статье в «Новом Мире» т. Радек определяет кантонское правительство довольно оригинально, квалифицируя его как правительство, «выступающее в качестве *друга рабочего класса*» (стр. 157). Нечего и говорить, что это определение до того нелепо и неопределенно, что на нем можно не останавливаться. Бур-

[1]) Приведем начало резолюции V с'езда китайской компартии по аграрному вопросу:

„Экономика китайской деревни,—говорит резолюция,—до сих пор основана на *феодальных* отношениях. Около 66 проц. земли принадлежит лэндлордам, получающим ренту, достигающую в среднем 50 проц. валовой продукции. *Феодальная «патриальность» составляет существенную черту экономической структуры*, политического и административного управления в деревне. Одновременно в деревню проникли примитивные способы капиталистической эксплоатации, подвергая китайское крестьянство двойному гнету *докапиталистической* и капиталистической эксплоатации. На почве этой сложной системы эксплоатации вырастает необузданное ростовщичество, военный и бюрократический аппарат эксплоатирует крестьянство самыми разнообразными способами. Вследствие всех этих причин крестьянство всегда находится на грани голодного существования. Между катастрофическим положением аграрного вопроса и империализмом имеется органическая связь.

Империализм задерживает экономический прогресс и вызывает искусственную аграризацию страны. Непрерывный рост армии безземельных крестьян приводит к падению цен на рабочую силу почти до полного обесценения ее. Лэндлорды и джентри (служилое сословие), ростовщики и милитаристы представляют собою чудовищную машину феодальной реакции и первоначального капиталистического накопления. И отечественный милитаризм, и иностранный империализм выросли на почве *феодальной структуры китайской деревни.*

Для успеха революции является поэтому совершенно необходимым очистить деревню от остатков феодальных отношений и патриархальной власти» («Правда» от 19/V 1927 г. за № 111 (3643) с. 3.).

жуазно-демократическое государство и в то же время друг рабочего класса! Статья тов. Радека написана в феврале 1927 года, и его определение относится к тому периоду национального правительства, когда во главе него стоял не кто иной, как сам Чан-Кай-Ши. Неужели тов. Радек, национальное правительство во главе с Чан-Кай-Ши, которого вы хотели «проглотить», который преследовал рабочих в Гуанси, в Кантоне, который всячески старался стать поперек дороги рабочему коммунистическому движению, правительство, которое вы определяли как «капиталистическую компанию», как «диктатуру буржуазии», неужели оно являлось *другом рабочего класса?!* Мы этого опять понять никак не можем.

Список противоречий тов. Радека еще не исчерпан. Но и на этом можно остановиться.

В рассуждениях тов. Радека много фразеологии, много эклектической похлебки, много противоречий, явное непонимание целого ряда важнейших проблем, но за всем этим скрывается целостная концепция, определенная политическая методология на определенной теоретической основе.

Остановимся коротенько на вопросе *о теоретических корнях* взглядов т. Радека на китайскую революцию.

Вся концепция т. Радека логически ведет к теории Розы Люксембург, к ее теории национально-освободительного движения в эпоху империализма, подвергнутой глубокой, исчерпывающей критике со стороны тов. Ленина.

Как известно, Роза Люксембург считала, что не может быть национально-освободительного движения, как революционного, прогрессивного движения в эпоху империализма. Эта ее теория основывается на своеобразной, немарксистской *теории воспроизводства, накопления, реализации рынков, кризисов и империализма.*

Тов. Радек в годы мировой войны целиком стоял на этой позиции. Тут же отметим, что в основном и *тов. Троцкий* развивал такие же взгляды на природу национально-освободительного движения. Все они не могли понять одного чрезвычайно важного положения, что национально-освободительное движение составляет часть мировой пролетарской революции. «В то время,—писал т. Ленин,—как перед эпохой мировой революции движения за национальное освобождение составляли часть общих демократических движений, теперь, однако, после победы советской революции в России и начала периода мировой революции движение за национальное освобождение составляет часть мировой пролетарской революции».

Далеко не случайно, что «люксембургианец» т. Радек стал явным *троцкистом*. Мы считаем всю концепцию т. Радека по китайскому вопросу (освободив ее от лишних фраз) *конкретным применением троцкистской теории перманентной революции к китайской революции*. В своем докладе в Комакадемии тов. Радек почему-то сознательно остановился на теории перманентной революции, указав, что в ней нет ничего немарксистского, разве только кроме одного слабого места о перерастании. Если, по его мнению, исправить эту мелочь, то мы имеем стопроцентную марксистскую теорию революции. Мы же считаем, что теория революции Троцкого по своей *методологии* ничего общего не имеет с диалектической теорией Маркса и Ленина. Если говорить об основных грехах теории Троцкого, то мы должны подчеркнуть перескакивание через буржуазный этап революции, перескакивание через крестьянство, непонимание вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, непонимание перерастания революции, связи

с международной революцией и ряда вытекающих отсюда положений. Те же ошибки оппозиция делает в китайском вопросе.

1. Отрицание феодализма, помещиков в китайской деревне. Такая постановка вопроса снимает с повестки дня *буржуазный* этап революции, именно *аграрную* революцию. Именно аграрная революция в данную полосу исторического развития является центральным вопросом. Отход Чан-Кай-Ши (буржуазии), есть в то же время переход *общенациональной* революции в *аграрную* революцию.

2. Требование выхода компартии из ГМД означает, по словам самого же т. Радека, оттолкнуть от себя крестьянство, не итти с ним в союзе, непонимание революционной роли крестьянства, отдать его в объятья буржуазии, т.-е. перепрыгиванье через крестьянство. Самое отрицание феодализма в Китае говорит за это. Крестьянство заинтересовано в изгнании империалистов, главным образом, потому, что империализм экономически и политически «сращивается» в деревне с военно-феодальными, помещичьими, милитаристскими, компрадорскими элементами и джентри. Отрицание сугубой важности антиимпериалистической борьбы крестьянства, отрицание феодализма в китайской деревне, фактически отрицание аграрной революции—это знакомая ария из известной оперы, отпетой у нас два с лишним десятка лет назад.

3. Тов. Радек в своем докладе в Комакадемии утверждал, с одной стороны, что мировая война создала новую промышленную буржуазию новый пром. капитализм и, с другой стороны, явно противореча себе, заявил, что в годы мировой войны (особенно в 1918, 1919 гг.) «*начинается загнивание всего капиталистического развития в Китае*» (стенограмма). По Ленину, мы проблему загнивания капитализма связываем с монополистическим, империалистическим капитализмом. Загнивание капитализма связано с проблемой неравномерности капиталистического развития. Ленин в полемике с Киевским (в XIII т.) прямо указывал в связи с *загниванием* на три группы стран, где национально-освободительное движение является *прошлым* (старые страны капитализма), где оно является *настоящим* и третью, где оно представляет *будущее*. Последнее относится к восточным колониям и полуколониям, т. к. капитализм здесь идет по восходящей линии, он еще *не* загнил. Это относится к Китаю. Основываясь именно на законе неравномерного развития капитализма, на процессе загнивания империализма, Ленин говорил о быстроте развития мирового капитализма *в целом*, по сравнению с классическим капитализмом. Тов. Радек неправ, загнивания «всего капиталистического развития Китая» не могло быть в годы войны еще потому, что именно в эти годы войны в колониях и полуколониях происходил своеобразный промышленный переворот именно *в борьбе с империализмом*, с загнивающим капитализмом, и именно на основе, на спине этого бурного капиталистического развития поднялась широкая волна революционного национально-освободительного движения (Китай, Индия и др.). Такая *неленинская* постановка вопроса о загнивании ведет все к той же *неленинской* теории национально-освободительного движения.

4. Требование выхода из ГМД есть требование изоляции пролетариата. Оппозиция перепрыгивает через *демократическую диктатуру* пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии. Разве это не похоже на известные утверждения т. Троцкого из «Итогов и перспектив» о неосуществимости, утопичности демократической диктатуры?!

5. Все механические аналогии с Керенским, Февралем, «Лозунг советов» и т. д. есть тот же прыжок через буржуазную революцию, демократическую диктатуру.

6. Лозунг советов есть лозунг разгрома, свержения теперешнего революционного уханского правительства. Уханское правительство теперь находится на такой стадии, когда оно должно превратиться и будет превращаться в рев.-демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. В этом вся суть, и наша линия в том и заключается, чтобы всячески способствовать этому превращению. Если оппозиция хочет разгрома *этого* правительства, стало быть, она стремится миновать эту диктатуру, не допустить ее. Оппозиция требует организации советов рабочих, солдатских депутатов—а это *уже* есть линия на социалистическую диктатуру. Логически это так.

7. Совершенно ясно, что при перескакивании через буржуазный этап революции, через демократическую диктатуру не может быть никакой речи *о перерастании*. Оно целиком выпадает из концепции т. Радека.

Точка зрения оппозиции в вопросах китайской революции не имеет ничего общего с ленинизмом. Основное в ней—непонимание ленинской теории национально-освободительного движения, теории империализма, проблемы неравномерности капиталистического развития, самой теории революции—ведет теоретически к своему *социал-демократическому* истоку. Эти вопросы не есть только вопросы чисто китайского характера, специфически китайского значения. Эти вопросы являются вопросами *общими*, основными, далеко не только китайского порядка. Возьмем вопрос о ГМД и компартии. Этот вопрос существует, скажем, и для Индии. И там перед нами во всей остроте стоит и будет стоять проблема взаимоотношений *народной партии* и компартии. И там стоит проблема антиимпериалистического блока, крестьянский вопрос, вопрос о городской мелкой буржуазии, вопрос о демократической диктатуре пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии и т. д.

Читатель видит, т. о., что расхождения партии с оппозицией, помимо тактических, стратегических, частных политических расхождений, идут по всей линии; это расхождение двух самостоятельных, принципиально отличных друг от друга и друг другу противоречащих *теорий революции*.

Дж. Нагиев.

КАК ИНОГДА ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ.

(О XVII томе сочинений тов. Троцкого).

Первая часть XVII тома сочинений тов. Троцкого посвящена характеристике первых девяти месяцев 1918 года.

Брест, завершение буржуазно-демократической революции в деревне и раскол крестьянства, начало голода и упорной борьбы за хлеб, захват контрреволюцией Юго-Востока (Дона), чехо-словацкий мятеж на Волге, мятеж в Ярославле, восстание левых эсэров в Москве, за всем этим переход к развернутой и длительной гражданской войне,—таковы основные факты 1918 года, одно перечисление которых говорит само за себя.

Книга тов. Троцкого дает значительный исторический материал для товарищей, желающих ознакомиться с историей нашей революции, так сказать, по живым материалам.

Но ценность книги, на наш взгляд, значительно понижается, благодаря тенденциозности примечаний. Товарищи, составлявшие примечания, явно отдают себя во власть порочной манере выправлять и переделывать наш вчерашний исторический день применительно к потребностям своего «сегодня».

Особенно рельефно эта тенденциозность обнаруживается в примечаниях, долженствующих дополнительно осветить позицию тов. Троцкого на брест-литовском этапе и интерпретировать некоторые из статей и речей тов. Троцкого.

Поскольку эти тенденциозные примечания в совокупности с другими трудами рецензируемого автора направлены на сознательную дезориентацию мнения читателя по вопросу брест-литовской позиции тов. Троцкого, на них следует остановиться.

В примечании III сообщается, что позиция тов. Троцкого *принципиально* не расходилась с позицией ленинцев. «Расхождение между этими точками зрения (троцкистской и ленинской. *В. К.*) заключалось лишь в вопросе о момените подписания мира» (стр. 668).

В другом примечании 124-м поправляется речь тов. Троцкого на VII с'езде партии. Одно из самых важных заявлений тов. Троцкого, заявление о том, что он не считает решающим для судеб нашей революции вопрос о том, заключим ли мы мир, или будем вести революционную войну, об'является бессмыслицей[1]), «как, впрочем,—говорится в примечании,—и ряд других мест стенограммы, никем не выправлявшейся, в том числе и автором». Дело, следовательно, сводится к тому, что мысль тов. Троцкого неправильно застенографирована, при чем об'является об этом на 10-м году после Бреста!

На VII с'езде партии тов. Троцкий заявил, что больше шансов на успех находится на стороне противников мира.

В примечании 125-м по этому поводу говорится «и эта фраза, как и оговоренная в примечании 124-м, передана неполно или в искаженном виде»...

По основному вопросу о войне и по вопросу о перспективах международной социалистической революции *троцкистская точка зрения принципиально совпадала с точкой зрения левых коммунистов*.

Чтобы доказать это, мы напомним просто фактическую сторону дела.

Так же, как левые коммунисты, тов. Троцкий был убежден, что *немцы не будут наступать*. Так же, как и левые коммунисты, тов. Троцкий доказывал невозможность немецкого наступления ссылкой на то, что в Германии началось крушение империалистической системы. Тов. Троцкий впоследствии всю вину сваливал на Стокгольмское Телеграфное Агентство, которое передавало, по его словам, преувеличенные известия о движении в Австро-Венгрии и Германии. Но для нас сейчас важен факт.

Примыкал к левым тов. Троцкий и по другому крайне важному пункту.

Будучи убежден, что немцы не смогут наступать, тов. Троцкий вслед за левыми полагал, что международные империалисты уже сговорились (в марте 1918 года) между собой насчет совместного похода против Советской республики, тогда как Ленин строил свою тактику, исходя из учета непримиримых противоречий между коалицией англо-

---

[1]) Вот что говорил тов. Троцкий на VII с'езде партии: «Я воздержался от голосования в Центральном Комитете при решении этого важнейшего вопроса (вопроса о том, подписывать ли мир. *В. К.*) ...потому что не считаю решающим для судеб нашей революции то или иное отношение к этому вопросу».

французских империалистов, с одной стороны, и коалицией австро-немецких империалистов, с другой. Ленин полагал, что после заключения сепаратного Брест-Литовского мира усилится схватка империалистов; Ленин предлагал воспользоваться этим моментом пролезть в эту щель. По мнению тов. Троцкого, эта щель исчезла или исчезает.

Так, в речи на III Всероссийском с'езде советов тов. Троцкий говорил следующее: «Английский империализм ясно сознавал, что победить Германию он не в состоянии, и вот за счет России представляется та компенсация, которую германскому империализму нужно дать для того, чтобы он стал сговорчивее в переговорах со своими великобританскими и американскими братьями. Этот адский план обнаруживается при самом поверхностном анализе одной из речей Ллойд-Джорджа, который не сумел скрыть общего счета мирового империализма «русской революции» [1]).

Ошибка тов. Троцкого ясна. Возможное он принимал за действительное, анализируя,—по собственному признанию, поверхностно—«одну из речей» Ллойд-Джорджа, а не об'ективную международную обстановку.

Получилось так, что германский империализм стремился поработить отдельные районы бывшей царской России для того, чтобы *бороться* против коалиции англо-французского капитала, а не для того, чтобы договариваться с ней. Германский империализм—о чем свидетельствуют хотя бы мемуары германских военных деятелей, опубликованные после войны—были убеждены, что захватив Украину, навязав мир России, они после этого вдребезги разобьют англо-французскую коалицию. Они явно ориентировались на то, чтобы разжечь войну.

Возьмите после этого отношение тов. Троцкого к идее революционной войны, выдвигаемой фракцией «левых» коммунистов.

Ленин считал, что революционная война в ту пору означала гибель революции. Между тем как тов. Троцкий аргументировал «против» войны, ссылаясь на то, что нельзя вести войну при условии, когда против нее Ленин. Если бы Ленин не ставил ультиматума о сложении с себя всякой ответственности за ведение революционной войны, тогда, выходит дело, вести войну можно.

«Нельзя вести войну против немцев и *против нашей буржуазии (! В. К.)*, преодолевая косность широких слоев отсталой народной массы и в то же время *иметь против себя половину или большую часть партии с Лениным во главе*»...

«...Думаю, что та политика, которую отстаивает так называемая оппозиция—политика революционной войны—для того, чтобы быть действительно примененной на деле, требует, помимо всего прочего, фракционного единодушия, единодушия всех оттенков партии—*это прежде всего*» [2]).

Оказывается, только в этом дело. Оказывается, дело заключается, прежде всего, в том, что нет единства по вопросу об отношении к войне. Если бы имелось налицо согласие ленинцев, тогда можно было бы вести революционную войну. Выходит, что принципиально правы «левые».

Упомянув о необходимости единства, тов. Троцкий затем переходит к критике ленинской позиции.

«Аргументы, которыми мотивируется необходимость мира,—говорит тов. Троцкий,—*дезорганизуют* работу не только по созданию армии, *но и непосредственную работу* по мобилизации рабочих масс» [3]).

[1]) Л. Троцкий. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 61.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 139.

Тут снова вопрос о «непосредственной» мобилизации рабочих масс на революционную войну ставится в зависимость от вопроса о том, как поведут себя ленинцы. Но тут не только это. Тов. Троцкий идет дальше. Он утверждает, что подписание мира не обеспечивает работы по организации армии. Между тем, как Ленин считал, что только тогда мы сможем создать армию, когда выйдем из войны, хотя бы ценой подписания унизительного, тильзитского мира.

В той же речи тов. Троцкий говорит:

«По вопросу о том, где больше шансов, там или здесь (т.-е. у ленинцев или у «левых». *В. К.*), *я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин*» [1]).

«Тов. Ленин считает, что сегодня необходимо подписать мир после того, как немцы взяли Ревель и др. города; другое крыло, к которому я принадлежу, считает, что сейчас единственная возможность для нас, поскольку это зависит от нашей воли, воздействовать революционизирующим образом на германский пролетариат» [2]).

Не трудно понять—хотя тов. Троцкий и не говорит, что это за другое крыло, к которому он принадлежит—что принципиальная грань между «левыми» и тов. Троцким, по сути дела, исчезает и он переходит к «теории подталкивания» европейской революции, к теории «левых» (которую Ленин называл теорией, враждебной марксизму), отрицая какое бы то ни было революционное значение за политикой ленинцев.

Был момент, когда тов. Троцкий считал, что создание армии так же, как и восстановление транспорта, возможны только в условиях затяжной революционной войны.

В этом пункте снова взгляды тов. Троцкого *полностью* совпадают со взглядами «левых».

Наше утверждение станет тем более ясным и неоспоримым, если читатель вдумается в следующее место из речи тов. Троцкого на с'езде партии:

«Эта опасность (раскола партии. *В. К.*) не исчезает и не уменьшается, если развитие европейской революции будет совершаться слишком медленно, если мы во имя передышки подпишем мир, благодаря которому мы выдадим Украину. Мы не поддерживаем части нашей революционной армии в прямой ее борьбе, между тем, там борьба, по последним сообщениям, ведется, повидимому, с большим напряжением и с некоторым успехом. Мы не воюем, а в это время часть нашей советской федерации ведет борьбу. Завтра может возникнуть перед Петроградом или Москвою вопрос о поддержке украинского пролетариата, но что же они смогут сделать. Послезавтра немцы потребуют от нас заключения мира с украинской Радой; это есть у них в условиях мира, но пока еще не оформлено. Подпишем ли мы мир с украинской Радой, которую мы разгоняли вместе с украинскими рабочими и крестьянами? Далее от нас потребуют подписания мира и с Свинхувудом, когда он раздавит Красную армию Финляндии. Это требование не исключено, напротив, оно логически вытекает из условий мирного договора. Пойдем ли мы на это, повторяя, что мы слабы и не можем отказать и сопротивляться? Что же это значит? Что революционный пролетариат при данных условиях не может дать того отпора, который вытекает из его положения—господствующего класса в стране. *Тогда скажите, что для революционного пролетариата*

[1]) Там же, стр. 135. Курсив наш. *В. К.*
[2]) Там же, стр. 138.

советская власть является слишком тяжелой ношей, вот что это значит... если немец потребует, чтобы мы подписали мир с украинской Радой, подпишем мы его или нет? Некоторые товарищи из ЦК говорят: «да, подпишем», *я говорю: нет, это уже будет предательством в полном смысле слова»* [1].

«Тов. Троцкий,—отвечал Ленин на VII с'езде,—говорит, что мир будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверный способ рассуждения, когда люди впадают в фразу» [2].

Тов. Троцкий был согласен пойти на мир, но без исключительно трудных, без исключительно тяжелых условий. Когда встал вопрос об Украине, он заявил, что *мир будет предательством.* Мы не ставили формального предела уступкам. Этим пределом было спасение революции. Тов. Троцкий *ставил такой предел* и скатывался к политике отрицания компромиссов, к политике «левых».

Само собой разумеется, что отмечая пункты совпадения троцкистской и левокоммунистической позиций, мы не намерены ставить знак равенства между ними.

Сомнений нет, что тов. Троцкий по вопросу о войне примыкал к «левым». Но он не решался открыто, твердо и окончательно встать на их точку зрения. Он колебался. И выражением этого колебания явился лозунг «ни мира, ни войны».

После сказанного уместно спросить и тов. Троцкого и товарищей-примечателей, заявляющих, что тов. Троцкий принципиально не расходился с Лениным, что же в их глазах является критерием, показателем принципиальности.

Во что бы то ни стало спасти нашу революцию—таков главный, исходный, все определяющий принцип ленинской тактики.

Для тов. Троцкого вместе с «левыми» коммунистами это означало «жизнь без смысла» (выражение принадлежит тов. Троцкому).

Исходным и всеопределяющим принципом их тактики было «революционизирующее воздействие» на европейский пролетариат. Мир же, и по мнению тов. Троцкого и по мнению «левых», не мог принести этого.

Это ли не принципиальная разница? Не думают ли составители примечаний, что принципиальная разница между позициями тов. Троцкого и Ленина исчезла после того, как тов. Троцкий заявил (на VII с'езде партии) о своем «большом уважении» к группе сторонников брест-литовского мира? Но ведь, указав после этого на то, что он (Троцкий) не будет предлагать с'езду партии не ратифицировать договор, он не предложил и ратифицировать его.

Нет ли у нас оснований после сказанного выше заявить, что позиция тов. Троцкого, поскольку он на ней настаивал, принципиально не расходилась с позицией «левых» и диктовалась теми же, что и у «левых», мотивами?

Лозунг «ни мира, ни войны» оппортунистичен по всей своей сущности не менее, чем печально-знаменитая формула «золотой» середины во время империалистической войны, троцкистская формула «ни победы, ни поражения».

Лозунг «ни мира, ни войны» мог бы иметь значение только в том случае, если бы немцы действительно *не могли* наступать, если бы действительно началось крушение империалистической системы в странах Центральной Европы. Империалистические войска не угрожали бы тогда нашей революции. Но тогда, возможно, выгоднее было бы стать

[1] Там же, стр. 141—142. Курсив наш. *В. К.*
[2] Н. Ленин, стр. 145, том XV.

на позицию «левых» и остатками сил помочь победе германского пролетариата.

Если бы победа германской революции зависела от нашей помощи, мы помогли бы без всяких колебаний. Этого не было. Немцы пошли в наступление. Тактика «войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем» крахнула.

Оппортунистичность той линии поведения, которую рекомендовал партии тов. Троцкий, заключалась в том, что она дезориентировала работу революции.

Была возможность заключить мир и приступить к организации армии. Эта возможность отметалась тактикой тов. Троцкого. *Принятием* точки зрения тов. Троцкого отодвигался, делался невозможным процесс самоорганизации нашей революции, процесс организации армии.

Тов. Троцкий и сам, повидимому, понимал беспочвенность формулы «ни мира, ни войны». Оттого он часто сбивался на проповедь активной тактики взамен своей бездеятельно-пассивной.

«Мы выходим из войны. Но если германским милитаристам удастся двинуть свои контрреволюционные отряды против нас, если германские аннексионисты попытаются нанести удар нашей революции, то мы возлагаем *всю ответственность на германскую социал-демократию, которая должна* приложить все усилия, все свое влияние, чтобы *не дать империалистам нас задушить.* А мы сделаем, что сможем. Каждый трудящийся, каждый честный гражданин, для которого дороги жизнь и развитие нашего движения, нашей революции, встанет на защиту ее, не дорожа своей собственной жизнью, и общими нашими усилиями, общими нашими жертвами мы отстоим себя и свое право строить новую жизнь» [1].

Так говорил т. Троцкий на заседании Петроградского Совета в середине февраля 1918 года.

Подведем некоторые итоги.

Брест-литовская позиция тов. Троцкого есть позиция революционной фразы.

«Правда всегда берет верх». Историческая правда тем более.

Единственно, что после ознакомления с историческим материалом, мы можем признать, это то, что троцкистская фраза брест-литовского периода была оригинальной, отличной от революционной фразы «левых».

«Левые коммунисты» решали конкретные тактические вопросы ссылками на непререкаемые абстрактные истины, эти истины как бы предопределяли, в подробностях, образ поведения «левых». Вместо того, чтобы, ознакомившись с особенностями момента, дать обоснованный ответ на тот или иной злободневный вопрос, «левые» щеголяли крайне революционными и крайне общими фразами, общими рассуждениями.

Из той абстрактной истины, что империализм — заклятый враг пролетарской революции, они делали вывод о необходимости немедленной революционной войны.

Революционная фраза «левых коммунистов»—это, прежде всего, общая фраза, это прежде всего, повторение некстати, без раздумья, механически абстрактных истин, превращение этих истин в абсурд.

Троцкистская фраза была не такой.

Троцкистская фраза эпохи Бреста есть повторение вчерашних лозунгов и вчерашних приемов работы, в новых условиях, когда уже был пред'явлен ультиматум и когда нужно было действовать решительно и определенно, откинув всяческие межеумочные позиции.

[1] Л. Троцкий. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 116. Курсив наш. *В. К.*

«Левые» впали в революционную фразу с самого начала брест-литовского периода. Тов. Троцкий впал в революционную фразу **потом**. То что было правильным вчера, сегодня стало вредным. Этого т. Троцкий не заметил. Его позиция стала беспочвенной, как и позиция «левых». В беспочвенности и состоит болезнь революционной фразы.

«Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие. Почвы под ними нет—вот суть революционной фразы» (Ленин).

Почему однако потребовалось тов. Троцкому «принципиально мирить» свою брест-литовскую позицию с позицией Ленина именно теперь? Ведь в 1918 году, в октябре, тов. Троцкий откровенно сознавался, что он *вместе* с «левыми» заблуждался в эпоху Бреста.

Вот что говорил тов. Троцкий 3 октября 1918 года на одном из заседаний ВЦИК'а и рабочих организаций.

«Когда многие из нас, и *я в том числе*, сомневались, нужно ли, *допустимо ли* подписывать брест-литовский мир, не отразится ли это задерживающим образом на развитии мировой пролетарской революции, только тов. Ленин... утверждал, что нам нужно через это пройти...

И теперь на фоне последних событий мы должны признать, что правы были не мы» [1]).

Почему бы не признать этого и теперь?

В. К.

От редакции:

В статью тов. Сталина „Революция в Китае и задачи Коминтерна" („Большевик" № 10, 1927 г.) вкрались следующие опечатки:

На стр. 25

21 строка сверху — напечатано: „как Энгельс и Маркс" следует читать: „как Энгельс и Ленин".

На стр. 26

2-я строка сверху—напечатано: „как факты двоевластия" следует читать: „как факторы двоевластия".

---

1) Стеногр. отчет VII с'езда РКП, стр. 128—129.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.